

*Посвящаю светлой памяти
отца моего Ташима Байджиева,
отдавшего за эпос "Манас"
свою свободу и жизнь*

Байджиев Ташим Исхакович (1909–1952)

Известный кыргызский просветитель, фольклорист, прозаик, драматург. Род. в 1909 г. в селе Тепке Иссык-Кульской области.

Дед Ташима – Байажи Арботоев был бием (мировым судьей) Семиреченского уезда. Во время бунта 1916 г. вся семья бежала в Китай, где Байажи и его сыновья погибли. В 1917 г. осиротевший Ташим вернулся на родину. Учился в сельской школе, в 1930 г. окончил Кирпедтехникум.

Т. Байджиев участник первого литературного кружка «Кызыл учкун», его рассказы и повести по праву считаются началом профессиональной кыргызской прозы. Его повесть «Смерть хитреца» в 1930 г. была переведена на русский язык.

В 1933–1936 гг. Т. Байджиев на юге Кыргызстана открывал первые школы, вместе с Зияшем Бектеновым под редакцией К. Тыныстанова составлял первые учебники по родному языку и литературе.

В 1940 г. Т.Б. окончил русское отделение Кырпединститута, заведовал сектором фольклора и манасоведения. В 1942 г. ушел на фронт. В боях под Киевом был ранен, в госпитале написал пьесу «Джигиты» о фронтовых буднях, которая по праву считается одной из лучших достижений кыргызской драматургии.

В переводах Т.Байджиева ставились пьесы А.Островского, К.Тренева, вышли в свет повести А.Пушкина «Метель», Д.Фурманова «Чапаев» и др.

В 1950 г. Т. Байджиев был обвинен в буржуазном национализме, осужден на 10 лет за то, что в своем учебнике по «Манасу» С. Орозбакова и С. Каралаева назвал выдающимися сказителями. В 1952 г. скончался в Песчаном лагере Караганды.

В 1955 г. Т. Байджиев оправдан посмертно.

Мар Байджиев

**СКАЗАНИЯ
О МАНАСЕ,
СЕМЕТЕЕ,
СЕЙТЕКЕ**

Поэтическое переложение трилогии
кыргызского эпоса «Манас»

Допущено
Министерством образования и науки Кыргызской Республики
в качестве дополнительного учебно-хрестоматийного пособия для
обучающихся в образовательных организациях

Бишкек – 2011

УДК 398
ББК 82.3 (2Ки)
Б 18

Байджиев Мар

Сказание о Манасе, Семетее, Сейтеке поэтическое переложение трилогии кыргызского эпоса «Манас».

Ред. и авт. предисл. Г.Н. Хлыпенко; Худ. оформл. Б. Куренкеева. – Б.:
Б 18 КРСУ, 2011. – 245 с.

«Сказания о Манасе, Семетее, Сейтеке» – авторское произведение современного писателя-билингва Мара Байджиева. По форме оно представляет собой поэтическое переложение трилогии кыргызского эпоса «Манас», «Семетей», «Сейтек». В основу сказаний положены варианты выдающихся народных сказителей-манасчи Сагынбая Орозбакова, Саякбая Каралаева, Багыша Сазанова, Шаабая Азизова.

Издание подготовлено при участии
Кыргызско-Российского Славянского университета

Б 4702300500-11
ISBN 978-9967-05-759-3

УДК 398
ББК 82.3 (2Ки)

© Фонд М.Т. Байджиева «Седеп»
по охране культурного наследия
народов Кыргызстана, 2011

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ «МАНАС»
МАРА БАЙДЖИЕВА

«Исполнен долг, завещанный от Бога...». Эти слова пушкинского летописца Пимена из драмы «Борис Годунов» Народный писатель Кыргызстана Мар Байджиев мог бы смело взять в качестве эпиграфа к своей книге сказаний, созданной на основе всемирно известной трилогии «Манас», «Семетей», «Сейтек», которая вкуче называется эпосом «Манас».

Начало работы над ней относится к 2007 году, когда автор разменял уже седьмой десяток лет своей жизни. Год упорного труда ушел на поэтическое переложение первой части трилогии. Книга «Сказание о Манасе» вышла двумя изданиями в 2009 и 2010 годах и обрела заслуженную популярность.

Она получила высокую оценку критики и широкое признание читателей; Министерство образования и науки Кыргызстана рекомендовало её в качестве учебного пособия для школ и вузов республики, а сам Байджиев в качестве режиссера осуществил сценическую постановку «Сказания» в Национальном русском театре драмы им. Ч. Айтматова.

Новый виток популярности книги начался после размещения ее в Интернете. К автору начали поступать сообщения о том, что «Сказание о Манасе» переводится на узбекский, азербайджанский, грузинский и др. языки.

Успех первой части трилогии «Манас» побудил М. Байджиева к дальнейшей творческой работе. Так появились две другие части – «Сказание о Семетее» и «Сказание о Сейтеке». Автор решил издать всю трилогию под одной обложкой, назвав ее – «Сказания о Манасе, Семетее, Сейтеке», которую, как и первую книгу, Мар Байджиев посвятил памяти своего отца, ученого-манасоведа Ташима Исхаковича Байджиева, отдавшего за «Манас» свою свободу и жизнь.

Прикосновение к эпосу «Манас» – это прикосновение к Вечности, к Богу, ибо «Манас» на протяжении многих веков является для кыргызского народа глубинным выражением национального самосознания, высшим мерилем духовности, бесценным памятником культуры. Это грандиозная эпопея, повествующая о деяниях трех поколений героев: Манаса, его сына Семетей и внука Сейтека. Складываясь в тече-

ние столетий, она в яркой художественной форме отразила историю, этнографию, психологию и нравы народа, вобрала в себя многие жанры кыргызского фольклора.

Создатели «Манаса» – народные сказители-манасчи почитаемы как выдающиеся личности. Непрерывная шлифовка эпоса происходила также при активном участии слушателей, которые взыскательно следили за качеством исполнения, реагируя не только на сохранение традиционных компонентов эпоса, но и на новаторские отступления от них. Сказывание и слушание эпоса представляли собой своеобразный акт коллективного соприкосновения с сакральным, священным для всех.

Искусство манасчи – это, в принципе, театр одного актера. Сказывая эпос, манасчи не пользуется музыкальными инструментами: его руки должны быть свободны для выразительной жестикуляции. «Манас» исполняется нараспев, вернее – рецитируется. Речитатив исполнителя вкупе с мимикой выразителен настолько, что содержание сказания могут уловить даже слушатели, не знающие кыргызского языка.

По преданию, первосказителем можно считать поэта-дружинника Манаса Джайсана – ырчи, который верхом на лошади объезжал войска и в стихах оповещал о важнейших событиях, объявлял приказы Манаса. А первым манасчи, имя которого сохранилось в народной памяти, является Кельдибек, живший во второй половине XVIII века. Из его преемников наибольшей известностью пользовались Балык, Найманбай, Тыныбек, Чоюке. Самые выдающиеся манасчи XX века – Сагынбай Орозбаков и Саякбай Каралаев. Тексты, записанные от них, отличаются не только объемом, но и высокими художественными качествами. От Сагынбая Орозбакова записана первая часть трилогии – «Манас». Самый полный вариант трилогии «Манас», «Семетей» и «Сейтек» записан от Саякбая Каралаева и содержит около 500 тысяч стихотворных строк.

После сказанного можно представить себе, какую творческую, общественную, историческую ответственность возложил на себя Мар Байджиев, взявшийся за Сказания о Манасе, Семетее и Сейтеке. Ведь он становился в ряд сказителей – манасчи и бросал им вызов, претендуя на свой, байджиевский вариант «Манаса»!

Народный писатель Кыргызстана Мар Байджиев, имевший к этому времени более чем пятидесятилетний стаж профессиональной деятельности, проявил себя как разносторонне одарённая творческая личность: драматург и прозаик, сценарист, режиссёр театра и кино.

Однако для реализации такого масштабного замысла, как «Сказания...», необходимо было быть незаурядным знатоком эпоса «Манас». Именно таким специалистом оказался Мар Байджиев, для которого «Манас» проходит через всю личную и творческую биографию, обретая судьбоносное значение.

Отец Мара Ташимовича, Ташим Исакович Байджиев был известным писателем, просветителем и ученым филологом. Он один из основоположников кыргызской профессиональной прозы и драматургии, автор первых учебников по кыргызскому языку и литературе, переводчик произведений русской классики, исследователь фольклора. Особенно весом его вклад в манасоведение. Он заведовал сектором фольклора и эпоса «Манас» в Институте языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР, подготовил к изданию и переводу на русский язык трилогию «Манас», работал над диссертацией по эпосу «Семетей». В 1950 г. он был репрессирован как «буржуазный националист» за то, что в учебнике по фольклору, составленном с Зияшем Бектеновым, Сагынбая Орозбаева и Саякбая Каралаева называли выдающимися сказителями.

Первые детские воспоминания М. Байджиева связаны с «Манасом» – с тем, как он учился у манасчи Акмата Рысмендеева, от которого отец записывал эпос «Семетей». Затем увлечение перешло в переводческую, научную и популяризаторскую работу. М. Байджиев создал первый документальный фильм о «Манасе», участвовал в дословном переводе четырехтомного академического издания эпоса на русский язык, составил и издал энциклопедический трехтомник эпоса «Манаса» на русском и английском языках, опубликовал множество статей о его поэтике и сказителях.

Словом, Мар Байджиев приступил к «Сказаниям...» во всеоружии огромного творческого опыта, глубокого знания первоисточника и с точной целевой установкой – воссоздать в поэтической форме русскоязычный вариант кыргызского народного эпоса, а для этого необходимо было решить целый ряд творческих задач.

Первая – это художественная трансформация устно-поэтической речи в письменную. Устная словесность имеет синтетический характер: в ней словесные элементы сочетаются с музыкальными, хореографическими, мимическими; письменная словесность, литература – односоставное искусство, в нем материальным носителем образности является только слово, посредством которого автор воплощает свой взгляд на мир, отношение к различным сторонам жизни, поднимает идейные, философские и нравственные проблемы.

Вторая – это стихотворная обработка текста народного эпоса, М. Байджиева знали как прозаика и драматурга. Правда, у него был поэтический опыт подобного рода в драме «Древняя сказка», написанной по мотивам народной поэмы «Кожожаш» на кыргызском языке. У М. Байджиева не было предшественников в жанре поэтического переложения. Прозаические переложения были: «Манас Великодушный» С. Липкина (1948), «Манас» К. Джусупова в переводе Л. Дядюченко (1996), «Великий кыргызский эпос «Манас», краткий прозаический пересказ

всей трилогии, выполненный С. Мусаевым в литературной обработке А. Орусбаева и М. Рудова (1999).

Особое место в теории и истории стихотворного перевода «Манаса» на русский язык занимает выдающийся филолог-востоковед, полиглот Евгений Дмитриевич Поливанов (1891–1938). В последние годы жизни он работал в Киргизии научным сотрудником Института культурного строительства, активно занимался изучением, переводами эпоса «Манас». Знаковое совпадение: лекции профессора Е.Д. Поливанова слушал и конспектировал отец Мара Байджиева, в то время студент филологического отделения Киргизского педагогического института.

Особую научную ценность имеют тезисы Е.Д. Поливанова «О принципах русского перевода эпоса “Манас”».¹

По признанию М. Байджиева, он последовательный сторонник Поливанова-исследователя и переводчика «Манаса». М. Байджиев изначально взял на художественное вооружение методическое кредо Е.Д. Поливанова, согласно которому, «переводчик ставит своею задачей не точный показ того, что имеется в киргизском тексте, а создание русского стихотворного произведения, адекватного киргизскому оригиналу по своему воздействию на читателя. В связи с этим переводчик считает для себя дозволенным делать такие же нарушения текста и дополнения к нему, какие в праве был делать любой из киргизских сказителей “Манаса”...»

Первые переводы «Манаса» на русском языке относятся к середине 1930-х годов. В целях отбора переводчиков на русский язык был проведён творческий конкурс, победителями стали московские поэты Семен Липкин, Лев Пеньковский и Марк Тарловский. Они, а также другие участники конкурса Сергей Клычков, Феликс Ошакевич, Эмиль Беккер стали первыми переводчиками отрывков из «Манаса», которые публиковались в республиканской и центральной прессе в 1936–1938 годы.

Однако из задуманного многотомного издания по сложившимся обстоятельствам был доведен до конца только первый эпизод – «Великий поход», который начинался с заговора кыргызских ханов против Манаса после поминок Кокетея и заканчивался взятием китайского города Бейджин.

Над Бейджином, куда Сулейман
Не сумел ни разу попасть,
Утвердился дух мусульман,
Утвердилась кыргызская власть.

¹ Поливанов Е.Д. Киргизский героический эпос «Манас». Составитель М.А. Рудов. Фонд «Сорос Кыргызстан». Бишкек, 1999. С. 44.

Такими словами завершался текст «Манаса» в переводе С. Липкина по варианту С. Орозбакова, хотя таких слов ни у одного мансчи нет.

Русскоязычный читатель по существу оставался в неведении о предыдущих освободительных войнах Манаса и трагическом исходе его триумфального похода на Китай.

В 1936 г. сотрудники научного института, руководимые К. Тыныстановым и Е.Д. Поливановым, не одобрили русский текст «Великого похода», а Бюро ЦК КП(б) Киргизии 5 ноября 1937 г. вынесло решение о том, что издание этого текста без коренной переработки будет политическим вредительством, утвердило состав редколлегии.¹

Вскоре начались сталинские репрессии, ученые К. Тыныстанов, Е.Д. Поливанов, многие руководители республики и члены редколлегии были расстреляны как враги народа.

В 1940 г. зав. сектором эпоса «Манас» Т. Байджиев в своей записке Первому секретарю ЦК КП(б) Киргизии писал: «В “Манасе” отражена жизнь и борьба киргизского народа за свою независимость от внешних врагов, ярко проповедаются думы и чаяния народа. [...] Перед нами стоят задачи сделать “Манас” действительно достоянием народных масс, широко популяризировать его не только среди киргизов, а всего советского народа, ознакомить научно-литературный мир. Для этого необходимо в 1941 году издать второй полутом на русском и киргизском языках, являющийся продолжением первого полутома». (Имелось в виду продолжение и завершение «Великого похода» Манаса на Китай).²

Однако 10 апреля 1941 г. Бюро ЦК КП(б) Киргизии вынесло решение о нецелесообразности издания второго полутома эпоса «Манас», пока не будет обеспечен выпуск в свет первого полутома.³

Вскоре началась Великая Отечественная война. Т. Байджиев и Зияш Бектенов и другие манасоведы ушли на фронт.

Рукопись русского перевода «Великого похода» без каких-либо поправок и дополнений осталась лежать в московском издательстве, которая по просьбе и настоянию обновленного руководства Киргизии и была издана в 1946 г.⁴

¹ «Судьба эпоса “Манас” после октября». Сборник статей. Бишкек: Кыргызстан, 1995. С. 26–27.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 44

⁴ Киргизский эпос «Манас». «Великий поход». М.: Госиздат, 1946.

Книга была выдвинута на Сталинскую премию, но вместо премии были предъявлены политические обвинения о том, что главный герой кыргызского эпоса Манас – агрессор, грабитель, насильно обращающий китайцев в мусульманство; сказители эпоса С. Орозбаков и С. Каралаев – реакционеры, пропагандирующие пантюркизм и панисламизм; ученые, допустившие издание такой книги, – буржуазные националисты, продолжающие дело разоблаченных и расстрелянных врагов народа.

Зав. сектором эпоса "Манас" Т. Байджиев и З. Бектенов были арестованы, на 10 лет отправлены в тюрьму, их учебники по кыргызскому языку, литературе, фольклору и эпосу "Манас" были изъяты, сожжены на школьных дворах.

М. Байджиев в полной мере учел творческие просчеты московских переводчиков, которые, как он считает, переводили не канонизированный текст «Манаса», а его устные сказания, адресованные не читателю, а слушателю. Во-вторых, эпизод «Великий поход», вырванный из контекста эпоса, начисто искажал основную мысль великой притчи о Манасе, которая заключена, как это ни парадоксально, не в победах героя, а в его поражении.

Китайский покорив Бейджин,
В Талас вернулся я один, аяш!
За гибель славных сыновей!
И за бесславный мой поход
Прости меня, родной народ!..
Слезами исходил родник,
Пожухли травы, лес поник.
И всюду плач, рыданья вдов,
Сирот, несчастных стариков.

(Перевод М. Байджиева)

«Вот таков апофеоз великого похода Манаса на Китай по версии С. Каралаева! И не гениально ли это?! Скажите, где, когда и кто из великих и могучих полководцев в истории, в легендах и сказках, в авторских произведениях падал к ногам хрупкого, трепетного существа, именуемого женщиной, с покаянием, рыдал, как ребенок, прося прощения за свои ошибки, за свои поражения?» – пишет М. Байджиев в своей статье «Боль сердца моего – Манас».¹

¹ Байджиев М.Т. В битве за истину. Литературные очерки разных лет. Бишкек: Фонд "Седеп", 2001. С. 249.

«Манас был могуч и непобедим, пока защищал свой народ, объединял разрозненные племена в единое государство, но стоило ему пойти с мечом на другой народ <...> он обречен на гибель <...> Великий грех Манаса как проклятие рока будет висеть и над его потомками: над сыном Семетеем и внуком Сейтеком, так как ни тому, ни другому так и не удастся восстановить былое единство и славу кыргызского народа»¹.

Такова выстраданная М. Байджиевым авторская концепция «Манаса» – великой притчи о великой трагедии.

Еще одна творческая задача, стояла перед М. Байджиевым: *выбор фольклорных первоисточников*, т. е. вариантов сказителей-манасчи. Выбор пал на варианты Сагынбая Орозбакова, Саякбая Каралаева, отчасти Багыша Сазанова и Шаабая Азизова.

Сагынбай Орозбаков (1867–1930). Родился на Иссык-Куле. От него записано 180 тысяч стихотворных строк «Манаса». Его вариант отличается глубиной философской мысли, эпической многоплановостью сюжета, поэтичностью и богатством языка. М. Байджиев ставит Сагынбая в один ряд с В. Шекспиром.

Саякбай Каралаев (1894–1971). Родился в аиле Аколён на Иссык-Куле. Из уст Саякбая записаны вся трилогия эпоса, а также продолжение о подвигах правнуков Манаса Кенена, Алым-Сарыка и Кулан-Сарыка – 500 тысяч стихотворных строк. Сказания Саякбая отличаются эпической многоплановостью, остротой сюжета, драматичностью батальных эпизодов и эмоциональностью исполнения.

Мар Байджиев так же, как его отец, тесно общался с С. Каралаевым в качестве сценариста создал о нем научно-популярный фильм «Великий эпос» («Кыргызфильм». 1961 г.).

Багыш Сазан уулу (1878–1958). Родился и вырос в Джумгале. От него записаны 101 тысяча стихотворных строк трилогии, 41 тысяча строк «Манаса». Его вариант во многом отличается от сказаний известных манасчи. Сам будучи кузнецом Б. Сазан-уулу в своих сказаниях проводил мысль о том, что помимо войны есть «другой к богатству путь – а это земледельца труд».

Шаабай Азизов (1927–2004). Родился в аиле Уч-Кайнар Иссык-Кульской области. От него записаны крупные эпизоды «Манаса» и «Сейтека». М. Байджиев считает, что Шаабай – сказитель принципиально нового типа, вобравший в себя лучшие художественные традиции прошлого и освоивший современный метод монтажного построения сюжета.

¹ Байджиев М.Т. В битве за истину. С. 251–252.

В своем очерке «Продолжение династии аэдов» М. Байджиев пишет о том, как будучи собкором «Литературной газеты» организовал добровольную экспедицию в составе известных манасоведов Х. Карасаева и З. Бектенова в селение Уч-Кайкар, где до утра слушали «Великий поход» в исполнении Ш. Азизова.¹

«Слушая Шаабая, я вспомнил о том, что в киргизском литературном обиходе порою слово «фольклорный» приобретает чуть ли не ругательный оттенок. На самом деле в своем эпическом фольклоре народный гений достиг своего высшего художественного совершенства.

В каком из наших произведений вы найдёте столь широкий, поистине эпический охват событий, умение строить цельные, ёмкие образы, столь точно и лаконично показать условия жизни героев и, наконец, так тонко и умело провести свою мысль», – пишет автор.²

В научной теории манасоведения, разработанной Т. Байджиевым, З. Бектеновым, есть понятия *жомокчу* и *жамакчи*. *Жамакчи* – исполнитель известных вариантов эпоса, *жомокчу* – автор, создатель своей версии эпоса. М. Байджиева вполне можно считать *жомокчу*; используя известные варианты эпоса, он по-своему переосмысливает, дополняет мотивы, сюжетные линии, трактовку образов.

Происхождение имени Манас. По версии С. Орозбакова, в согласных буквах М, Н и С зашифрованы названия трех религий: М (от слова Магомед) – ислам, Н (от слова Нук, т. е. Ной) – христианство, С (от синотибетского Син, т. е. Лев) – буддизм. Развивая эту мысль, М. Байджиев обращает внимание на суть каждой религии: Магомед – «посланник Бога и пророк, // Душой и телом чистым быть // Он человечество зовет»; Ной – «Он добрый в Библии святой. // Когда потоп дошел до нас, // Он всех живых от смерти спас»; Будда – «Твой Бог – ты сам! – сказал Будда, – // Весы на двух твоих плечах, // Чтоб чистым быть в своих делах, // Деянья взвешивай всегда!»

По варианту С. Орозбакова, умирающий Кокетей просит сына Бокмуруна похоронить его очень скромно, не устраивать пышных поминок, т. к. могут произойти кровавые конфликты. Однако юный Бокмурун решил, что отец решил испытать его на скупость, мчится к Манасу, просит его руководить поминками. В других вариантах Бокмурун решает провести поминки сам. Есть варианты, где поминками заправляет хан Урбю, который запрещает звать Манаса на поминки. Однако во всех версиях Манас прибывает на поминки с опозданием; китайские гости, пользуясь его отсутствием, бесчинствуют.

¹ Байджиев М.Т. В битве за истину. С. 152.

² Байджиев М.Т. В битве за истину. С. 159.

В байджиевском варианте Манас решает:

Собрав на Кокетеев аш
Врагов и недругов своих<...>
Устроить боевой парад,
Чтоб убедились еще раз,
Как грозен и могуч Манас.

А китайцы решили прибыть на аш раньше срока, чтобы осадить Манаса. И вот результат:

Так пышный поминальный той,
Кровавой кончился бедой<...>
И что затеял хан Манас,
Была ошибкой роковой!

Мотивация перехода китайца Алмамбета к Манасу во многих вариантах разная: борьба за власть, утверждение мусульманской веры, национальное происхождение. В книге «Великий поход» (1946) Алмамбет убивает родного отца за то, что тот отказался принять мусульманство. М. Байджиев в своих публикациях отождествляет Алмамбета с русским князем Курбским, который в обиде на Ивана Грозного перешел к литовцам и пошел войной на родную Русь. В «Сказании о Манасе» М. Байджиев углубляет причины и трагедию героя. И даже прозорливая Каныкей не знает,

Что хитроумный Алмамбет
Задумал Конурбаю мечь,
Повел кыргызские войска
На родину свою Китай,
А там чтоб силой возродить
Свою поруганную честь.

Жомокчу Багыш Сазанов считал, что улучшения жизни можно добиться созидательным трудом. Эту идею М. Байджиев реализует в сказах: о том, как кыргызы-изгнанники выжили благодаря хлебопашеству («И осенью Алтайский край // Им дал богатый урожай»); Манас, покинув ханский трон, занялся земледелием и обрел лихого, доброго коня. Мудрый Бакай воздает Манасу «хвалу и честь», и вместе с тем заявляет ему:

Но ты не пахарь! Ты боец!
Защитник родины святой!
И этот долг тебе, Манас,
Назначен богом и судьбой!

Родную землю надобно не только пахать, но и защищать.

«Эпос переживает информационный ренессанс. У современного человека, живущего в эпоху коммуникаций, уже нет достаточного времени для восприятия эпоса, который требует вживания в эпическое пространство. А потом, у него уже другое мышление, другой менталитет. Он привык поглощать информацию в спрессованном, сконцентрированном виде, так, как ему преподносят газеты, телевидение. Ему нужно нечто сценарное». – К такому выводу пришел Ч. Айтматов («Слово Кыргызстана», 26–28 августа 1995 г.).

«Нечто сценарное» – близкое к зрелищным драмам. Таковыми и являются «Сказания о Манасе, Семетее, Сейтеке», которые воспринимаются как ответ художественным требованиям времени. И создал его не кто иной, а драматург и сценарист Мар Байджиев. Удивительно точное совпадение с пророческой мыслью Чингиза Айтматова! Это подтверждается и признанием самого Байджиева: «Одним словом, из бесконечного сериала делаю одну серию и ловлю себе на том, что веду свою работу по канонам кинодраматургии: зрелище, событие, характер, образ, мысль» («Слово Кыргызстана», 20 июня 2008 г.).

Какие драматические элементы трансформировал М. Байджиев в своих «Сказаниях...»? Действие, которое отличается активностью, целеустремленностью, уплотненностью; конфликт, определяющий единство действия; проявление характеров через поступки и прямую речь персонажей. Естественно, это потребовало трансформации эпической формы «Манаса». М. Байджиев повысил удельный вес монологической и диалогической речи; уподобил композиционное строение текста сценическим эпизодам, благодаря чему текст первоисточника, его объем уменьшился в несколько раз. «Манас», записанный от Сагынбая Орозбакова, составляет 180 тысяч строк; от Саякбая Каралаева – 84,5 тысячи строк; от Багыша Сазанова – 41 тысяча строк. Текст «Сказания о Манасе» М. Байджиева составляет 8 тысяч строк.

М. Байджиев назвал свои варианты эпоса «Манас» сказаниями. У русского читателя этот жанр ассоциируется с произведениями древней русской литературы («Сказание о киевских богатырях», «Сказание о Мамаевом побоище», «Сказание о граде Китеже»), благодаря чему в восприятии читателя типологически сближаются различные исторические эпохи и памятники художественной словесности (например, «Манас» и «Слово о полку Игореве»).

В «Манасе» исключительно важную роль играет монологическая речь. В свое время Мухтар Ауэзов, известный казахский писатель и литературовед, предпринял даже классификацию видов речей, которая представлена следующим образом: «совещательные речи – на сборе и совете (речи Манаса и Алмамбета перед походом); воинственные увещевания (речь Манаса на аше); речи – угрозы (посла-

ния Манаса семи ханам); задушевные речи, выражающие раскаяние, огорчение (знаменитая речь Алмамбета в “Чон казате”, которая в конце концов превращается в личное воспоминание, в автобиографию); речи – завещания (через Кокетея); дружеские наставления, укоры (речи Бакая, Кошой, часто обращенные к Манасу). Кроме этих и других видов речей, которыми изобилует поэма, встречаются простые разговоры, шутки, остроты» (М. Ауэзов. Киргизская народная героическая поэма «Манас»).

В «Сказаниях...» М. Байджиева монологи выписаны опытной рукой драматурга. Некоторые из них: обращение Каныкей к Алмамбету перед Великим походом, её прощание с Таласом в «Семетее», монолог Алмамбета при встрече с родной землей, молитва Манаса, завещание Манаса, благословение Бакая в «Сейтеке» воспринимаются как автономные фрагменты текста. Вместе с тем М. Байджиев как писатель-драматург проявляет повышенный интерес к диалогу, который в драме является основным средством развития действия и основным способом изображения характеров. Диалог как драматический элемент в структуре эпического произведения избавляет от описательности, драматизирует повествование, активизирует творческое воображение читателя. В диалоге происходит сшибка характеров, а в «Манасе» десятки героев, наделенных характерологическими чертами (Манас, Каныкей, Жакып, Бакай, Алмамбет, Чубак, Сыргак, Конурбай, Жолой и др.). Диалоги часто подаются без сопроводительного текста – как на сцене, и это тоже воспринимается в качестве новаторского приёма.

Эпос «Манас» – подлинная энциклопедия кыргызской жизни в историческом времени. В нем в широком плане отображены все стороны бытования народа: этнический состав, социальный уклад, национальная психология, этические нормы, религиозные верования, философские взгляды, эстетические вкусы, материальная и духовная культура. Отсюда, как следствие, реалистическое изображение действительности, равнозначное понятию жизненной правды.

М. Байджиев в своих «Сказаниях» распространяет принципы реалистического изображения героев и событий эпоса, благодаря чему персонажи предстают как живые, индивидуализированные личности, здесь можно проследить, как проявляется характер героев в разных жизненных ситуациях: в будничной жизни, в военных походах, в богатырских поединках, в моменты радости, гнева, печали.

Традиционная черта эпоса «Манас» – в организующей роли повествования, которое ведет сказитель. М. Байджиев, сохраняя традиционную для эпоса форму повествования, обогащает ее современной формой непрямого повествования, в осно-

ве которой лежит принцип показа событий через восприятие и отношение к ним действующих лиц.

С походкой легкою, как лань,
С осанкой гордой и прямой
Навстречу вышла Акылай.
Ну впрямь богиня! Хоть молись!
К Манасу близко подойдя,
С улыбкой томною глаза
Красотка опустила вниз.
И тут батыр Манас смекнул,
Что юной девы томный взгляд
Был объяснением в любви.

Форма непрямого повествования помогает М. Байджиеву также в решении других художественных задач, которые определены им следующим образом: «...Хочу углубить психологизм, восстановить пропущенные нюансы, сохранить юмор» («Слово Кыргызстана», 20 июня 2008 г.). К этому перечню можно добавить еще одну задачу – привести традиционную для эпоса гиперболизацию в художественное равновесие с жизнеподобно-реалистическим изображением. Наглядный пример – эпический образ Манаса через восприятие влюбленной в него Санирабиги, ставшей его женой под именем Каныкей.

И показалась ей тогда,
Что создан богатырь Манас
Из золота и серебра,
Из поднебесной высоты,
Из теплой доброты земли.
И светится он изнутри,
Как солнце утренней зари,
Сияет в полуночной мгле,
Как в небе ясная луна.
И к цели он своей идет,
Как океанская волна.
Рожденный облаком небес,
Манас был чудом из чудес!
И объяснить не хватит слов
В тот миг, когда в твоей груди
Трепещет пламенем любовь!

В предисловии ко второму изданию своего «Сказания о Манасе» М. Байджиев писал о том, что эпос «Манас» – это библия гор и степей, а потому стремился сохранить библейские мотивы, уточнить и обобщить притчевые мысли Великого сказания.

Притча весьма характерна для кыргызского фольклора, особенно для малых эпосов; в каждом заложена конкретная мысль: о войне и мире («Жаныш-Байыш»), природе и человеке («Кожожаш»), любовь и ненависть («Олжобай и Кишамжан»), отец и сын («Курманбек»), самоотверженный женский героизм («Жаныл-мырза») и т.д. В своих «Сказаниях...» М. Байджиев остался верным своей притчевой концепции. В эпизоде «Любовь Манаса Кыз-Сайкал», где юный Манас и девушка Сайкал в смертном поединке влюбляются, женятся во сне и встречаются лишь на том свете. Так во всех устных вариантах. В байджиевском «Сказании» это лирико-романтическая новелла обретает глубинный трагический смысл:

– Мой брат Кокче, тебе клянусь,
Я к ней с победою вернусь,
Когда исполним долг святой,
Покончим с родовой враждой,
Наступит на земле покой.
На веки вечные тогда.
Сайкал останется со мной, – говорит Манас.

Но:

...Не смог Манас вернуться к ней:
Вражда родов и меж людей
Не кончилась до наших дней...

Примечательна женитьба Манаса на бухарской красавице, которая, подняв белый платок, пошла навстречу войскам кыргызского батыра и стала его любимой женой.

И вот с тех пор до наших дней
Живет в народе Канькей.
Таджичку древнюю кыргыз
Считает матерью своей.
Как символу любви, семьи,
Подруги, матери, жены
Мы поклониться ей должны!

Здесь выражено доброе отношение кыргызского народа к другим нациям и народам.

В своих «Сказаниях...» автор проникает в суть явления, выявляет и уточняет его притчевый смысл художественным обобщением. Так, например, в традиционных понятиях китаец Алмамбет, перешедший на сторону кыргызов, считается национальным героем, т. к., стал молочным братом и другом Манаса, пользуясь его доверием и великодушием, взял всю власть в ханстве в свои руки, повел кыргызских ханов на гибельный поход против своего родного Китая. На обратном пути смертельно раненного Манаса догоняет конь Алмамбета Сарала со своим мертвым седоком. Манасчи исполняют этот эпизод с глубоким состраданием, доводя слушателей до слез. В байджиевском «Сказании...» этот эпизод обретает другой смысл:

Видать, китайская земля
И прах его не приняла –
За то, что, бросив край родной,
Властолюбивый блудный сын,
Собрав войска страны чужой,
На свой народ пошел войной
И столько жизней загубил!
И если бог его простил,
Судьба кыргызов не простит –
Потомкам долго будет мстить.

После роковой ошибки Манаса «тысячу и больше лет кыргызы жили под пятой то под одной, то под другой», обобщает автор сказания.

Алмамбет в «Сказании» М. Байджиева очень сложный психологический образ, созданный, как говорил А. Пушкин, по принципу «шекспиризации».

Я с детства был уже изгой.
И здесь, и там я был чужой.
Так мне повелено судьбой! – признается Алмамбет Сыргаку.

В этом же плане весьма показателен образ Кязы в сказании о Сейтеке. В устных вариантах Кяз с предателем Ханчоро уничтожает Семетея, насильно берет в жены Ай-Чурек, и та вынуждена изощренно скрывать свою беременность. Когда сын Семетея – Сейтек родился и возмужал, они с Гульчоро убивают Кязу. В байджиевском «Сейтеке» Кяз искренне влюблен в Ай-Чурек. Он давно мечтает о сыне, однако сам он бесплоден, к тому же:

Народ наш мудрый говорит:
«Придёт с повинной головой
Убийца твоего отца –
Прости и мать свою отдай.

И будет он тебя беречь,
Любить сильнее, чем родной...»

А потому Кыяз, узнав о том, что Ай-Чурек ждёт от покойного Семетея ребенка, говорит:

И знай, Чурек, ребенок твой
Мне будет дорог, как родной!
И буду счастлив я в тот миг,
Когда увижу, как дитё
С улыбкой грудь твою сосет.
Как будто в дом пришла ко мне
Святая мать – Умай-эне!
Клянусь я честью, Ай-Чурек,
Что никогда ребенок твой
Не будет знать, что я чужой.
...Так обещал вдове Кыяз,
И на колени Ай-Чурек

Упали слезы с ханских глаз.
Кыяз погибает в честном рыцарском поединке с Гульчоро:
И, на прекрасную Чурек
Взглянув в тоске последний раз,
Свалился замертво Кыяз.

Методом дословного калькирования поданы поговорки и изречения, выражающие мировоззрение кыргызского народа.

Когда кричат «Манас! Манас!»,
Ты рад, краснеешь, как кумач,
И пыжишься, как будто ты
Надутый воздухом чанач! – журит Манаса старец Кошой.

По миру вновь пойдёт молва,
Что у кыргызов братства нет!
Кто отделится от родов,
Тот станет пищей для волков! – говорит Манас своим соратникам, и эта мысль доминантой звучит во всей трилогии.

Огнеопасен тот пожар,
Что загорелся изнутри.
Хитер и беспощаден враг,
Который вышел из семьи.
(«Семетей». Предательство Ханчоро)

С прекрасным знанием священных писаний автор сказаний передает библейские мотивы, которые особенно часто звучат в варианте Сагынбая Орозбакова.

Когда отец увидел сам
Родного сына и жену,
В слезах упал к ее ногам,
Как пред богиней Мариям. –
Так в мусульманском мире величают деву Марию («Манас»).

Адама старший сын Каин
Абыла – брата своего
Из черной зависти убил!
А здесь Каина самого
Прикончил младший брат Абыл!
Простит ли этот грех Аллах,
Коке-Тенгир наш в небесах? – плачет Каныкей, узнав о том, что Гульчоро убил своего двоюродного брата завистливого Уметея («Семетей»).

Видимо, неспроста прадед Мара Ташимовича – Байажи, что означает «богатый священник», своим сыновьям дал библейские имена Ибрагим, Исмаил, Исхак, – дед нашего автора.

Творческая индивидуальность писателя ярче всего проявляется в поэтической лексике – словарном составе произведения. Первооснову «Сказаний...» как русскоязычного произведения составляет, разумеется, русская лексика. Она представлена, как этого требуют законы народного эпоса, различными речевыми вариантами (лексика бытовая, обиходная, военная, жаргонная и др.) и различными стилевыми пластами (лексика общеупотребительная, разговорная, просторечная, возвышенная, эмоциональная и др.).

В «Сказаниях о Манасе, Семетее, Сейтеке», где, образно говоря, органично уживаются батыры и богатыри, обращает на себя внимание активное использование автором двух речевых пластов – старославянизмов (злато, глас, полон, крыла, зеркало, пред и др.) и просторечий (пацан, старшой, баба, тыща, обалдел и др.). Оба эти пласта являются художественно мотивированными: старославянизмы ассоциативно

уводят читателя в глубь эпического времени, а просторечия приближают эпических героев к нашей современности.

Кыргызская лексика в «Сказаниях...» представлена главным образом онимами – именами собственными и обиходной лексикой, неизвестной или малоизвестной русскому читателю (ашпозчу – повар, тавак – деревянное блюдо, чылбыр – поводок коня, тентек – озорник, нике – обряд бракосочетания, добулбас – боевой барабан, сурнай – зурна, флейта и др.). Переводы подобных слов и выражений даны частично в тексте произведения, частично в словаре, приложенном к нему.

И, наконец, о стихе байджиевских «Сказаний». Перед М. Байджиевым, который, кстати, является автором нескольких работ по кыргызскому стихосложению, стоял вопрос: каким размером передать стих «Манаса», состоящий из семи-, восьми- сложных силлабических строк? Ведь в русском стихосложении силлабика (наличие одинакового количества слогов в строке безотносительно к количеству ударений) ушла в прошлое еще в XVIII веке после реформы Тредиаковского – Ломоносова, утвердившей силлабо-тонику (система построения стиха, основанная на правильном чередовании ударных и безударных слогов). И Байджиев избрал для переложения четырехстопный ямб – двусложный размер с ударением на четные слоги, ставший в русском языке классическим. Это весьма удачное решение: во-первых, сохраняется количество слогов в строке (восемь); во-вторых, учитывается наличие постоянного ударения в кыргызском языке на последнем слоге.

А вот в рифмовке стихов М. Байджиев добился завидной адекватности. Для «Манаса» характерна стихотворная форма «джира» («джир»), которая не знает закономерности в расположении рифм. Строфу здесь меняют тирадные группы строк с самыми разнообразными способами рифмовки. Так, вышеприведенный текст имеет две тирадные группы: двустипшие со смежными рифмами (аа) и четверостишие с перекрестными рифмами (абаб). Рифменные окончания повторяются подряд или попеременно с другими в нескольких строках: от трех до десяти – двенадцати. Часто рифма возникает неожиданно – в оторванности от предыдущих однородных рифм. Некоторые строки не рифмуются вовсе. Все эти приемы усиливают художественную выразительность стиха, подчеркивают динамичность и непрерывность эпического повествования.

Народом выстраданный сказ,
Пройдя кровавые года,
Как гимн бессмертия, звучал,
В сердцах горячих клокотал,

К свободе и победе звал.
Защитникам земли родной
Был другом верным этот сказ.
Как песню, вбитую в гранит,
Народ в душе своей хранит.

С большим поэтическим мастерством М. Байджиев использует и другие изобразительно-выразительные средства, характерные для эпоса «Манас»: редифную и тавтологическую рифму, анафору, ассонанс, аллитерацию, постоянные эпитеты, повторы, параллелизм, инверсию, фразеологизмы и т. д. Иными словами, поэтика «Сказаний» М. Байджиева во многом адекватна поэтике эпоса «Манас». Значит, русскоязычный читатель, в руки которого попадет книга М. Байджиева, получит достаточно полное представление о кыргызском эпосе, приобщится к миру его тем, идей, образов, обогатит свой духовный и душевный мир. А заодно оценит и саму книгу – яркую, глубокую, новаторскую.

Итак, «Сказания о Манасе, Семетее, Сейтеке» – произведение уникальное, единственное в своем роде. Во-первых, это стихотворное переложение «Манаса» в полном его объеме, т. е. в составе трилогии. Во-вторых, в качестве переводчика-интерпретатора выступает писатель-билингв, не нуждающийся в подстрочнике. В-третьих, «Сказания» – это авторское произведение, созданное на основе фольклорных первоисточников.

В книге «Ташим Байджиев», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей Кыргызстана» в 2004 г., ее автор, Мар Байджиев, проникновенно рассказал о посещении им тюремного кладбища бывшего Карлага (Карагандинского лагеря), где в 1952 г. был похоронен его отец. Стоя у безымянной могилы, сын мысленно разговаривал с ним:

«Я служил твоему “Манасу”, родному языку. В меру возможностей своих делал все, чтобы о великом творении нашего народа узнал и восхитился весь мир... Пока бьется сердце и работает разум, я буду продолжать твое дело. Я клянусь перед твоим прахом, на твоей могиле».

И Мар Ташимович – Ташим уулу Мар – остался верен своей клятве. Создав свои «Сказания...», он стал, образно говоря, первым русскоязычным манасчи. С выходом его книги героический эпос «Манас» выходит на просторы русскоязычного культурно-художественного пространства, обретая новую сферу бытования в большом историческом времени.

Сыновний долг, завещанный от Бога, исполнен...

Профессор Г. Н. Хлыпенко

MAHAC

Зачин

Э-эй!

Сказанье древней старины
Живет сегодня, в наши дни.
Рассказ без края и конца
Народ кыргызский создавал,
В наследство сыну от отца
Из уст в уста передавал.
И вымысла, и правды смесь
Переплелись в единстве здесь.
Свидетелей далеких лет
Давным-давно на свете нет.
А правду знает только Бог!
Струились годы, как песок,
В веках менялася земля,
Озера сохли и моря,
И реки свой меняли ход,
За родом обновлялся род.
Ни зной, ни ветер, ни вода,
Веков кровавые года
Стереть с поверхности земли
Сказанье это не могли.
Народом выстраданный сказ,
Пройдя кровавые года,
Как гимн бессмертия, звучал,
В сердцах горячих клокотал,

К свободе и победе звал.
Защитникам земли родной
Был другом верным этот сказ.
Как песню, вбитую в гранит,
Народ в душе своей хранит.
О том, как тыщу лет назад
Кыргызов, изгнанных в Сибирь,
Собрал и вновь объединил,
Создал могучий каганат,
На землю предков возвратил,
В поход великий на Китай
Батыров доблестных водил
Защитник родины Манас,
Как сын Манаса Семетей
Перед народом и судьбой
Исполнил долг сыновний свой,
Как внук Манаса эр-Сейтек
Святую заповедь отцов
Передавал из века в век -
И сохранил до наших дней.
Нам завещал батыр Манас:
Любить народ свой и беречь
Единство, равенство и честь!
Об этом наш старинный сказ.

**Разорение кыргызов
Алооке-ханом**

С древнейших лет кыргызов род
Святой Кызыр оберегал.
Батыр кыргызов Карахан
Потомство ханское создал.
От Карахана – Огузхан,
От Огузхана – Аланча,
От Аланчи был Байгурхан,
От Байгурхана – Бабырхан.
От Бабырхана – хан Тебей,
А сын Тебея – хан Когей.
Сыны его Чыйыр, Шыгай,
А самым младшим был Ногой.
Усен, Орозду, Бай, Жакып –
От Ногой-хана сыновья.
Могучим ханом был Ногой,
За свой народ и край родной
Не раз вступал в кровавый бой.
Китайцам и монголам он
В набегах учинял разгром.
Боялись хана, и молва
Гремела славная о нем.
Когда могучий хан Ногой
Ушел навеки в мир иной,
Глава китайцев и монгол
Коварный, злой Алооке

Разрозненный кыргызский род
По одиночке разгромил,
Кого взял в плен, кого убил,
Тюмени женщин и детей
Осиротил и овдовил,
Девиц и молодых продал,
Стада и табуны угнал.
Порабощенье, нищета
Пришли в кыргызские края.

Пришел почтенный Акбалта
К Жакыпу и сказал ему:
– Доколе будем мы страдать,
Сидеть, безропотно молчать?
И не пора ли, наконец,
Кангайца злого обуздать?!
Чем в рабстве жить по одному,
Не лучше ль вместе умереть
За честь и родину свою!?
Позвав к себе, кто мог держать
В руках оружие, воевать,
Повел кыргызские войска
На бой кровавый Акбалта.
И чтоб победным был поход,
Благословил его народ.
И здесь был случай богом дан:
Когда кангайские купцы,
Верблюдов загрузив добром,

И золотом, и серебром,
В Китай погнали караван.
Жакып и Акбалта с людьми
Догнали караван в пути,
Лихой устроили разбой,
Добычу унесли с собой.
Узнав об этом, Алооке
Кыргызов окружил кольцом,
Жестокий учинил погром.
Уничтожали всех подряд,
Лежали трупом стар и млад.
И на глазах отцов, детей
Насиловали дочерей.
Кыргызский благодатный край
В кипящий превратился ад.
Жестокая пришла судьба:
Бежал от смерти кто куда.
Одни ушли в Бапанский край,
А там подальше на Алтай.
Другие выбрали Кангай,
В далекий побрели Эрен,
Покинув родину, ушли
В просторы дальние земли.
Связав Усена по рукам,
Погнали в Северный Орхан.
Покинув землю, отчий край,
В Сибирь бежал, спасаясь, Бай.
Боясь расправы, Орозду
С семьей ушел на Енисей.
Пустил по свету Алооке
Ногоя младших сыновей.
Жакыпа, Акбалту связал,
Охраной строгой окружив,

В Сибирь студеную погнал.
С родной земли пошел вразброд
По миру весь кыргызский род.

В долинах бурных горных рек
Простерся северный Алтай –
Страна калмыков и манжу.
И в этот незнакомый край
Пришли кыргызы в сорок юрт.
Чтоб сохранить в живых свой род,
В горах пасли калмыкам скот.
И вот однажды Акбалта,
Зарезав серого вола,
Всех родичей к себе собрал
И мудрые слова сказал:
– Служа калмыкам и манжу,
Не одолеем никогда
Утраты, голод и нужду.
Лопаты, кетмени возьмем,
В Алтае вырастим зерно.
Узнают люди здесь о том,
Как злак идет на хлеб и корм.
И будем мы свой урожай
На скот и золото менять,
Покончим с горькой нищетой,
И в каждом доме будет той.
Поднялся с места брат Жакып,
Слова старшого поддержал.
Из младших родичей никто
Старейшинам не возражал.
И все кыргызы в сорок юрт
Взялись за благородный труд.
И, вывернув пласты земли

Лопатой, кетменем, сохой,
Зерно посеяли весной.
А летом каждый колосок
Водой поили ключевой.
И осенью Алтайский край
Им дал богатый урожай.
Познав вкус хлеба из зерна
И хмель напитка из пшена,
Калмыки, горные манжу,
Кыргызов стали умолять
Пшеницы горсть и горсть пшена
На жеребенка поменять,
Краюху хлеба, жбан бозо
За слиток золота отдать.
(Умел алтаец с древних лет,
Промыв речной песок и ил,
Горстями золото добывать).
К зиме кыргызы на обмен
Имели скот в своих дворах,
И золото, и серебро
Уже блестело в сундуках,
Своих коней пасли в горах,
Кумыс плескался в чаначах,
Сушилось мясо на шестах.
Алтай за труд земной сполна
Кыргызов отблагодорил!
Жакып трудился день и ночь,
Доход большой он взял с земли
И больше всех разбогател.
Его в округе земляки
Гниющим баем нарекли.

Рождение батыра

Э -эй!

Жакыпа брат родной Чыйыр
Ушел внезапно в мир иной.
Жена – красавица Шакан
Осталась молодой вдовой.
Вот и пошел тогда Жакып
С поклоном к родичам Шакан,
Благую жизнь ей обещал,
Уговорил и в жены взял,
Устроил небывалый той.
(Молодка вдовая, видать,
Так хороша была собой).
И в память брата бай Жакып
Жене дал имя Чыйырды.

Однажды ночью Чыйырды
Спросила мужа своего:
– Скажи, о чем горюешь ты?
Я вижу слезы на глазах.
Скотины тысячи в стадах,
Зерна навалом в закромах,
Судьба родных в твоих руках.
А может, новая беда
На нашу голову пришла?
Тогда сказал жене Жакып:
– Да пусть хоть пропадом уйдут
Отары вместе с табуном!
Все, что нажил своим трудом,
Кому в наследство я отдам,

Когда умру, весь этот хлам?
А что твои богатства, власть,
Коль нет потомства за тобой,
Чтоб жизнью насладиться всласть!?
К чему родился? Жил зачем,
Не смог я если на земле,
Оставить жить родную кровь?
– А может быть, старик, в свой дом
Жену – токол тебе возьмем?
Пусть нарожает нам детей!
Растить мы будем малышей
И за тобой смотреть вдвоем! –
Сказала мужу Чыйырды.
– В Алтайском крае здесь живет
Всего один кыргызский род.
Меж нами не прошло ни с кем
Хотя бы поколений семь.
И если мы смешаем кровь,
Дурак родится иль урод!
Кругом калмыки и манжу,
Китайцы, чукчи и ханты,
А где найдешь ты мне жену? –
Спросил Жакып у Чыйырды.

*Чтобы жить в мире и согласии,
как родные сестры, не проявлять бес-
такную ревность, младшую жену –
токол в бытовых условиях, как пра-
вило, подбирала старшая жена –
байбиче. И Чыйырды с родичами
мужа отправилась на поиски не-
весты. Она объехала близлежащие*

*селения и выбрала дочь калмыц-
кого богача красавицу Бакдолёт.
Кыргызы устроили пышный сва-
дебный той, заплатили большой
калым, породнились с калмыка-
ми.*

И вот пошел четвертый год,
Как бай Жакып ребенка ждет.
Но не рождает Бакдолет!
И горевать Жакып стал вновь,
Что бог ему так и не дал
Наследника – родную кровь.
– У всех есть дочери, сыны,
А я живу один как перст,
Хотя женат уж много лет.
Мой дом напоминает склеп,
Не слышны детский шум и крик.
Кому, зачем добро копить? –
Все больше горевал старик. –
Когда меня в последний путь
Придут родные проводить,
Никто, крича «Мой атаке!»,
В слезах за мной не побежит.
Кто будет ловчих птиц моих
Кормить, поить, дрессировать,
А кто с копьем и айбалта
Кочевья будет защищать?
Ужель, встав на ноги, наш род
По миру вновь пойдет вразброд?!
Зачем имею две жены,
Коли бесплодные они?

Услышав горькие слова,
Расплакалась и Чыйырды:
– Твоя несчастная жена,
Видать, для горя создана.
И я давно смирилась с тем,
Что бог в ребенке отказал.
Ты видишь, я уже стара,
Почти полвека прожила.
Тогда скажи мне, почему
Родить не может Бакдолёт –
Супруга младшая твоя?
Заласкана и молода,
Живет, здрав надменно нос,
Как будто кучу сыновей
В твой дом подол ее принес!
– А я ведь, милая сестра,
Попозже вас сюда пришла, –
Возникла тут же Бакдолёт. –
Так что же в молодости вы
Пустым носили свой подол?
(Пустым он был и у вдовы!)
И почему, скажите, плод
Во чреве вашем не растет?
Я жду, сестрица, свой черед! –
Капризно дернув головой,
Из юрты вышла Бакдолёт.
Услышав от токол слова,
В которых истина была,
С рыданием горьким байбиче
Без чувств упала на кошму.
Ну, а потом, придя в себя,
Воздела руки к небесам,

Чрез тундук над головой
Взмолилась Богу своему:
– Услышь меня, Коке-Тенгир,
И дай здоровье старику!
Верни мне молодость мою!
Я жизнь отдам, рассудок свой,
Лишь бы родился плод живой.
Пошли зачатые Бакдолёт,
Красотке глупой, молодой.
Коль грешны мы перед тобой,
Прости нас всех, создатель мой!
Я в жертву все тебе отдам,
Но только дай ребенка нам!
В слезах заснула Чыйырды,
И видится ей вещий сон:
Седой старик явился к ней
И добрым голосом сказал:
– Тенгир всевышний повелел,
Чтоб слез никто не проливал.
Потом тебе он передал
Вот это яблоко. Ты съешь! –
Сказал старик и вмиг исчез.
Едва вкусила сладкий плод,
Как вздулся у нее живот.
И под седлом ее не конь,
А дышащий огнем дракон!
Проснулась в страхе байбиче,
Но не смогла узнать сама
Разгадку виденного сна.
Тут и Жакып проснулся вдруг
И радостно сказал жене:
– Старушка, больше не горюй!

Сам бог избавит нас от мук.
Сейчас я видел вещий сон.
Давай родных всех соберем,
Быть может, кто-нибудь из них
Найдет разгадку снов моих.
И тут с поклоном вдруг вошла
Жакыпа младшая жена:
– Прости, старик! Прости, сестра,
Что, не дождавши свой черед,
Я в юрту старшую вошла.
Но мне приснился чудный сон!
Ты на охоте, наш старик,
А на руке твоей сидит
Прекрасный сокол Ак-шумкар.
Расправив мощные крыла,
В полет он рвется в небеса.
А рядом на земле сидят
У юрты двое соколят,
На взмахи брата своего
С ревнивой завистью глядят.
И тут сказала Чыйырды:
– Уж сколько лет в твой дом, Жакып,
Детей создатель не давал.
А может, сам Коке-Тенгир
Тебя за жадность наказал?
Сегодня в ночь мы все втроем
Увидели хороший сон.
Зови всех в гости, не скупись,
Родных, соседей и друзей,
Манжу, калмыков не забудь,
Зарежь побольше лошадей!
Пусть все на наш туле придут

И вдоволь мяса поедят,
На счастье нас благословят.
И просим мы тебя с сестрой:
Зови скорее всех на той!

С родного края на Алтай
Пришли кыргызов сорок юрт,
Теперь их семьдесят, считай:
Переженилась молодежь,
Успели нарожать детей.
Жакып зарезал для гостей
Отборных девять лошадей,
Баранов сотню, семь коров
И двух верблюдов в жертву дал –
Такую щедрость от него,
Видать, никто не ожидал.
(Жакып с рожденья был скупой).
– Зарезал столько! Ой-ой-ой! –
Шептались гости меж собой.
Когда поели бешбармак
(На четверых один тавак),
Хозяин всех гостей собрал
И сон подробно рассказал:
– Вдруг ястреб сел на мой тюндюк
И клетот боевой издал.
Он крылья в перьях золотых
С размахом мощным расправлял.
А зоркий ястребиный глаз
Огнем пылающим сверкал.
И клюв его блестел, как сталь,
А когти остры, как кинжал.
Я путы длинные ему

Из нитей шелковых связал.
И тут откуда-то с небес
К тюндюку сокол прилетел,
Сложил крыла и рядом сел.
Кто разгадает этот сон,
Тот будет щедро награжден.
А может, тут же сообщит,
Когда мой ястреб прилетит.
Да и бедняге байбиче
Загадочный приснился сон:
Она вкусила сладкий плод,
Как тут же затрещал живот.
Потом, дракона оседлав,
Помчалась в край родной стремглав.
Что это может означать?
Второй жене моей – токол
Приснился той же ночью сон:
Как будто прямо в юрту к ней
Влетели двое соколят.
И Бакдолёт к своей груди
Прижала тепленьких цыплят.
Что это может означать?
Никто не мог все эти сны
Понять и толком разгадать.
И, наконец, как и всегда,
Поднялся мудрый Акбалта:
– Жакып, ты видел вещий сон,
Видать, свершится в жизни он.
И если ястреба ты взял,
То сына бог тебе послал –
О нем ты столько лет мечтал.
Родится воин, славный сын,

Могучий будет властелин.
И если к юрте привязал
Его ты крепкой бечевою,
То значит, знай, потомок твой
Опорой будет родовой.
А коли байбиче твоя
Дракона оседлала вдруг,
То значит, сын могучий твой
Кыргызов всех с земли чужой
Сведет в единый дружный круг,
И вместе будут с братом брат.
И будет сын твой от врагов
Народ и землю защищать.
Узнав о смысле вещих снов,
Жакып заплакал, как дитя.
Тут вспомнил мудрый Акбалта
Про двух похожих соколят,
Которых видела токол:
– То значит, что создатель ей
Пошлет двух крепких сыновей!
И все, кого позвал Жакып,
Подняли руки к небесам,
Молили, чтоб создатель сам
Жакыпа жен благословил
И все, что видели во сне,
Он наяву осуществил.

В труде промчались дни, года,
Сменили свой ковер луга,
Два раза отцвели сады –
И вот узнали все вокруг,
Что ждет ребенка Чыйырды.

И хочется покушать ей
Не дичь, не сладкий эжигей,
А сердце тигра! Хоть убей!
И день и ночь нудит она,
Жакыпу нет покоя, сна.
Пастух Бадал вдруг сообщил,
Что где-то некий мергенчи
Большого тигра пристрелил.
– Вот слиток золота, возьми,
Скорей охотника найди
И сердце тигра принеси! –
Затрепетала Чыйырды.
Нашел охотника Бадал –
И тут же слиток золотой
На сердце тигра поменял.
И сердце тигра байбиче
В воде сварила ключевой,
Наелась досыта и всласть,
Поспать спокойно улеглась.
А девять месяцев спустя
У старшей схватки начались.
Кобылу серую пригнав,
На роды в жертву принесли.
Из центра юрты на тундук
Бакан прибили золотой.
И, за него держась рукой,
Стонала в схватках Чыйырды:
– Спаси меня! Кокуй алат!
Ужели смерть пришла забрать?
И лекарша – киндик эне
Помочь ей не могла ничем.

– Видать, жестокий этот плод
Рождением мать свою убьет.
И будет жить скупой Жакып
Один с молодкой Бакдолёт! –
В слезах кричала байбиче.
И ровно семь ночей и дней
Страдала, не сомкнув очей.
И вот настал тот самый час,
Когда бедняга Чыйырды
Должна была уже рожать.
Жена соседа Бердике
Взялась ребенка принимать.
А тут старуха Акбалты
Успела баю сообщить,
Что байбиче вот-вот родит.
Как эту весть Жакып узнал,
Заплакал, а потом сказал:
– Я сорок крепких скакунов
Отдать за суйюнчи готов.
А если вдруг узнаю я,
Что сын родился у меня,
Боюсь, что сердце старика
Такая радость разорвет.
Я не хочу, чтобы народ
Позорную увидел смерть.
Уйду-ка лучше в горы я
И буду ждать благую весть.
Но если вдруг родится дочь,
Никто ко мне пусть не идет.
А если сын – ко мне скачи
И забирай свой суйюнчи!

На склонах гор он увидал
Свои стада, овец и коз.
Табун свой зорко охранял
Самец по кличке Жоргобоз.
Саврасая тут улеглась,
Ожеребиться собралась.
«Коли жеребчика родит,
Ему дам имя Айманбоз.
Дай только Бог, чтобы жена
Наследника мне родила!
Потом я этого коня
Родному сыну подарю».
И не успел подумать он,
Как вдруг затих кобылий стон.
Видать, бедняга родила!
И спешно бай сошел с седла.

В горах оставим старика,
Пусть будет с табуном пока,
Посмотрим, что там с байбиче.
Никто не слышал никогда,
О том, чтоб чья-нибудь жена
За восемь дней и семь ночей
Родить ребенка не могла.
Двенадцать знахарок, кряхтя,
Давили на живот, пока
Из чрева не сошла вода, –
И тут же следом вышел плод!
На всю округу заорал,
В своих зажатых кулачках
По горсти крови он держал!
– Ну кто там? Мальчик или дочь?

Скажите, бабы, поскорей! –
В истерике кричала мать.
Когда увидела чочок –
Хоть детский, но мужской стручок,
Не стала Чыйырды дышать,
Не стала грудь ее стучать.
Все стали в панике рыдать.
Но тут она пришла в себя:
– Своим глазам не верю я!
Хочу проверить еще раз,
Кого я, сына или дочь,
Рожала, не смыкая глаз!
А ты, супруга дамбылды,
Скорее пуповину режь! –
Кричала в счастье Чыйырды.
И Канымжан хотела взять
Ребенка, чтоб запеленать,
Но тот нежданно резко вдруг
Рванул плечом, господь прости,
Как богатырь лет тридцати!
– Ты, что, дурная, не смогла
Ребеночка запеленать! –
Сказала Бақдолёт со зла.
Но байская токол сама
Поднять ребенка не смогла.
– Видать, создатель нам послал
Могучего богатыря! –
И масла положила в рот
Младенцу два-три кутыря.
Ребенка байбиче взяла,
Сыночку грудь свою дала –
Струей полилось молоко.

Как грудь дала ребенку вновь,
С сосков ее полилась кровь.
От страха, боли, вся в крови,
Чуть не скончалась Чыйырды.

Ее оставим с сыном здесь –
О старике узнаем весть.
Помчались в горы стар и млад
Жакыпа старого искать,
Чтобы за сына байбичи
Сорвать богатый суююнчи.
Домой вернулась Сулайка,
Чтобы проведать старика,
А в юрте Акбалта один
Сидит и на огонь глядит.
– Ты что, старик, оглох совсем?
Не слышал разве от людей:
Скупой Жакып готов отдать
За сына сорок лошадей?
Возьми у брата своего
Коня хотя бы одного!
Ужель на это ты не гож! –
Жену от злости била дрожь.
Во гневе глянул Акбалта
На бабу старую свою:
– Побойся Бога, Сулайка!
Здесь люди разные живут,
Рабов здесь сколько и жулья,
На склонах скот чужой пасут
Голодные и без жилья.
Куда я с ними побегу?
И что достанется от них?

Чтоб в горы мчаться на коне,
Старуха, сил не хватит мне!
Неделю целую без сна
Ты помогала ей рожать,
И что за это ты сама
В награду там сумела взять?
– А вот подарочки мои! –
Сказала мужу байбиче,
Небрежно бросив перед ним
Два чапана и элечек.
Пришлось бедняге Акбалте
Конягу Кёкчолок седлать,
С трудом едва держась в седле,
К Жакыпу на жайлоо скакать.
А в это время бай Жакып
У горной речки на траве
Сам жеребенка отмывал,
Послед и слизь с него снимал.
Прочистил ноздри, уши, рот,
Поставил на ноги – и вот
Жеребчик к вымени припал.
И Акбалта тут заорал:
– Ой! Суююнчи, брат, суююнчи!
Тебе в дом старая жена
В подоле львенка принесла!
Жакып, услышав эту весть,
Сознание чуть не потерял.
– За весть хорошую тебе
Я слиток золота даю,
В придачу сорок лошадей!
Бери, Балта, и поскорей
Нам надо ехать к Чыйырды.

И сыну названным отцом
Мой брат, немедля будешь ты!
И, как жигит, вскочив в седло,
Помчался бай Жакып домой,
Где ждал его сынок родной.
Держа младенца на руках,
Навстречу вышла байбиче.
Когда отец увидел сам
Родного сына и жену,
В слезах упал к ее ногам,
Как пред Богиней Мариям.
– Пускай сейчас я здесь умру,
Мой Бог, тебя благодарю! –
Рыдал счастливый бай Жакып
И сына к сердцу прижимал.
И в честь рожденья малыша
Роскошный той устроил он.
Созвал гостей со всех сторон:
С уральских гор до Иртыша,
С востока, где лежит Китай,
С Тибета родичей созвал.
Повесив стяг свой родовой,
Семьсот он вырыл очагов,
И семьдесят кыргызских юрт
Варили мясо в казанах.
И сели за один тавак
Манжу, китаец и калмак,
Монгол степной, родной казах.
Промчатся дни, пройдут года,
Кто у Жакыпа был тогда,
Тот не забудет никогда!

Когда закончились байга,
Турниры, игры и борьба,
Жакып гостей к себе позвал –
Дать имя сыну приказал.
Стал каждый думать и гадать,
Каким бы именем назвать.
Да вот никто из мудрецов
Дать имя мальчику не смог.
И вдруг пришел на этот той
Бродяга с нищенской клюкой:
– Пусть первым звуком будет «Ма» –
Начало слова «Магомед».
Посланник бога и пророк,
Душой и телом чистым быть!
Он человечество зовет.
Вторым пусть звуком будет «Эн» –
Начальный звук от слова «Ной».
Он добрый в Библии святой.
Когда потоп дошел до нас,
Он всех живых от смерти спас!
Конец пойдет от слова «Син» –
Могучий лев, непобедим.
«Твой Бог – ты сам! – сказал Будда. –
Весы на двух твоих плечах,
Чтоб чистым быть в своих делах,
Деянья взвешивай всегда!»
А вместе сложится «Манас».
Манасом сына назовем!
И это имя, как гранит,
Надолго Бог нам сохранит!
И трижды прокричав «алас»,

Дав имя малышу «Манас»,
Пришелец вмиг исчез из глаз.

Детство Манаса

Когда все гости разошлись
И братья вместе собрались,
Сказал им мудрый Акбалта:
– Недавно весть ко мне пришла:
Наш враг – пройдоха Эсенхан
От прорицателей узнал
О том, что в племени у нас
Родится богатырь Манас.
Кыргызов он объединит,
В боях врагов всех победит,
Пойдет походом на Китай,
Бейжин восточный разгромит.
Велел коварный Эсенхан
Детей по имени Манас
Искать и тут же убивать.
А потому прошу я вас
Пойти на хитрость и обман:
Манасом малыша не звать.
Пока не подрастет пацан,
Пусть будет он «Большой болван».
А вот когда он подрастет
И в руки щит и меч возьмет,
Родное имя мы вернем
И вновь Манасом назовем!
И родичам наказ был дан,
Что этот мальчик не Манас –
Зовут его Большой болван!

Струилось время день за днем,
И не по дням, а по часам
В Алтае рос Большой болван.
С тех пор, как он увидел свет,
Промчались быстро восемь лет.
Манас мальчишкой рослым был,
На сверстников не походил:
То носит камни весом в пуд,
То вдруг по силе и борьбе
Турнир устроит сам себе,
То в ледяной ныряет пруд,
Бежит куда-то, как шальной,
То подерется с кем-то вдруг.
Не может Чыйырды понять
Здоров сынок или больной.
Совсем отбился он от рук.
А если он задумал что,
Не может удержать никто.
Такого бай Жакып в роду
Своем не видел отродясь.
Не слушаясь отца и мать,
Из дома стал он убежать,
Чтобы в горах озорничать,
Со всех кочевий и домов
Собрал кыргызских пацанов.
Они с дружиной боевой
В войну играли меж собой.
Расчистив заросли и пни,
В ордо рубились они.

И вот однажды в их краю,
Чтоб силу показать свою,
Ватага юных калмыков
Решила сбить с кыргызов спесь,
Напомнить, кто хозяин здесь.
Взяв в руки палки и ремни,
Пришли к играющим в ордо,
Манаса взяли за грудки,
Собрали альчики – мослы,
Кого ударили в лицо,
Кому посыпались пинки.
Кто был у круга на коне,
Тому досталось по спине.
– Кыргызы! В бой! – вскричал Манас.
Калмыку врезал между глаз,
Другому съездил по башке.
И тут все сорок кыргызыт,
Как ладный боевой отряд,
Калмыков окружив кольцом,
Избили тут же без труда,
И те бежали кто куда.
И по горам пошла молва,
Что байский сын Большой болван
Избил калмыцких пацанов.
Боялись, что теперь вражда
Начнется меж родами вновь.
И бай Жакып сказал жене:
– Я вижу, сын наш не умен,
И против рода своего
Врагов настраивает он.
Среди калмыков сколько лет
Я жизнь от голода спасал,

Мне дорог северный Алтай –
Богатый благодатный край.
И здесь спокон веков живет
Добрейший трудовой народ.
А сын Боена хан Чаян
Меня, как друга, уважал
И дочь родную Бакдолет
В токолы за меня отдал.
Боюсь, что наш Большой болван
С соседями рассорит нас.
С земли, где мы нашли приют,
Опять бежать придется нам.
И все добро, что я нажил,
Немедля разлетится в прах,
И скот, что вырастил я здесь,
Окажется в чужих руках.
Нам сына надо поскорей
Убрать подальше от людей.
Пускай к Ошпуру он пойдет
И там наш умножает скот.
Позвал Манаса бай Жакып:
– Мы всех беднее, видишь ты,
Не можем встать из нищеты.
Нет ни коров, ни лошадей,
Всего лишь несколько овец
В отаре числятся моей.
У богача Ошпура, сын,
Побудь в горах ты пастухом.
Ты будешь там пасти телят,
Весною будешь получать,
По тридцать маленьких ягнят.
И вскоре сына бай Жакып

К Ошпуру на джайлоо отвез.
– Прошу тебя, мой Ошпурбай,
За сыном нашим присмотри,
К бездумным шалостям его
Будь строг и спуску не давай,
И человеком трудовым,
Ошпур, мне сына воспитай!
И бай Жакып, скорбя душой,
В слезах отправился домой...

Пять лет в горах провел Манас –
Пять лет телят исправно пас.
Двенадцать стукнуло ему.
С кочевий горных пастухов
Собрал он озорных юнцов.
В турнирах, в силе и в борьбе
Они тягались меж собой,
На низкорослых ишачках
На эр-сайыш ходили в бой.
Пошив из тряпок красный стяг
И, бросив клич «Манас! Манас!»,
Они ватагой озорной
В поход ходили боевой.
Шашлык пекли на вертеле,
Расположившись у костра,
Храпели хором до утра.
Проведать сына своего
Жакып приехал на джайлоо.
И здесь Ошпур поведал все.
О том, что сын его Манас,
Собрав в округе кыргызов,
Съедает в день по пять ягнят;

Что, если дальше так пойдет,
Скотина вся уйдет в расход;
Весь день с утра играет в бой
И, бросив клич «Манас! Манас!»,
Соседям нашим напоказ
Ведет мальчишек за собой.
– А вдруг узнает Эсенхан,
Что твой сынок, Большой болван,
Манасом с детства наречен?
Он сына твоего найдет
И на глазах у всех убьет!
И тут же, сына взяв с собой,
Поехал бай Жакып домой.
Внизу увидели они:
Галопом мчатся табуны,
И слышен мат, кыргыза крик.
Калмыцких десять молодцов,
Догнав табунщика в горах,
Камчами бьют что было сил.
– За что кыргыза бьют они,
Чьи угоняют табуны? –
Большой болван отца спросил.
– Все эти лошади мои.
А бьют табунщика они
За то, что я не доплатил
За пастбища на склонах гор, –
Таков был раньше уговор.
И тут Манас узнал о том,
Что был Ошпур не богачом –
Служил Жакыпу пастухом.
Помчался к стаду бай Жакып,
Чтоб свой табун вернуть назад.

Калмык по имени Кортук
Отца камчой ударил вдруг.
Манас такого не стерпел:
Схватив с петлею укурук,
Кортуку череп раскроил,
Одним ударом уложил.
Калмыки бросились к нему,
Но тут же, получив удар,
Упал один, потом другой.
Манаса удержал отец:
– Не трогай их, сынок, уймись!
За смерть Кортука – кровь за кровь –
Жестоко могут отомстить!
К калмыкам мы должны с тобой
Пойти с повинной головой
И куну заплатить за смерть.
Тогда сказал ему Манас:
– Кангайцы унижают нас!
Терпеть такое не могу!
Пойду я в бой за свой народ,
Мой клич один – «Манас! Вперед!»

От Эсенхана в тех краях
Наместником был хан Кочку.
Как только с гор донесся слух,
Что на джайлоо кыргыз-пастух
Его людей один избил,
Кортука насмерть загубил.
Собрал Кочку своих людей,
Под вопли женщин и детей
Кыргызов начал он громить.
Согнав стада с округи всей,

Угнали скот и лошадей.
– Неблагодарный ты, бурут!
Тебя мы приютили тут,
А твой пастух Большой болван
Кортука загубил, злодей!
Найди его и нам отдай!
Дойдет до Эсенхана весть
О том, как ты скрывал от нас,
Что сыну имя дал Манас,
Он завтра же сюда придет
И сына твоего убьет.
Отдай болвана своего,
Иначе кровь тебе пущу! –
Орал разгневанный Кочку.
И вдруг раздался клич «Манас!»,
И сорок юных удалцов,
Нацелив копы на Кочку,
Сомкнули тесное кольцо.
Кочку хотел своим мечом
Мальчишек дерзких разогнать,
Но тут Манас своим копьем
Кочку ударил прямо в бок,
И тот с дружиною своей
Пустился тут же наутек.
Жакып был этому не рад
И сына начал упрекать:
– Кыргызов всех, живущих здесь,
Начнут с Алтая выгонять.
А шалости твои, болван,
К добру нас здесь не приведут!
Начнется новая вражда!
Но тут вступился Акбалта:

– У бога сына ты просил –
И он тебя вознаградил.
И если сын твой озорник,
То все со временем пройдет,
Пусть только малость подрастет.
Как только силу обретем,
В края родные мы уйдем:
Хоть благодатен нам Алтай,
Но он для нас враждебный край.
И если наш Большой болван
Свой щит и меч отважно взял,
То, значит, он Манасом стал.
Он от врагов нас защитит,
Свободу, честь нам возвратит
И за народ свой постоит!
Все согласились с Акбалтой
И стали жить одной мечтой:
Скорей вернуться в край родной.

***Победа Манаса
над посланцами Эсенхана***

Когда весь мир объял потоп
И землю залило водой,
В своем ковчеге добрый Ной
От смерти спас весь мир живой,
В Бейжин китайский в те года
Потопа не дошла вода.
Там на клочке земли сухой
Осталось девятьсот семей –

И с той поры до наших дней
Живет китайский там народ.
И вот уже который год
От моря до Великих стен
Китаем правил хан Эсен.
Жил во дворце старик-пророк,
Судьбу на много лет вперед
Он угадать по книге мог.
Раскрыл священный свой бичик
И хану прочитал старик,
Что на Алтае, где живут
Калмык, китаец и бурут,
Родится доблестный батыр.
Устроив в честь рожденья пир,
Его Манасом назовут.
И вот теперь он возмужал,
Дружину крепкую создал.
Наделает он много бед.
За все обиды прошлых лет
Бурут жестоко отомстит,
Во всех боях он победит,
Бейжин захватит, разорит.
И Эсенхан всем дал наказ:
Найти Манаса и убить!
Собрав отряд свой боевой,
Пошел к Манасу на Алтай
Глава калмыков хан Жолой.
А в это время сам Манас
И сорок преданных друзей,
Друг к другу привязав коней,
В ордо играли у реки.
И кон из круга сам Манас

В азарте выбивал. И вдруг
Откуда-то в тот самый круг
Вбежал навьюченный верблюд.
Манас был сильно разозлен,
И битой крепкой – абалак
Ударил он что было сил,
И, альчик пулей пролетев,
Верблюду ногу раздробил.
И двести дюжих силачей
Манаса бросились ловить.
Тут сорок юношей за миг
Вскочили на своих коней,
Пошли дубинками они
Валить непрошенных гостей.
И двести дюжих молодцов
Лежали вскоре на земле.
Насилу спасся, весь в крови,
Их предводитель Чон-Доодур.

К кыргызам горною тропой
Повел дружину сам Жолой,
Чтобы Манаса там поймать,
А если не найдут его,
Отца в заложники забрать.
Узнал об этом бай Жакып
И родичам своим сказал:
– Чтобы остаться нам живым,
Давайте мы им отдадим
Табун из лучших лошадей
И в жены наших дочерей.
Другого нам спасенья нет!
Отцу сказал тогда Манас:

– Нет, не уступим мы врагу!
Отец, не бойся, не страшись!
На кон поставили мы жизнь!
Когда придет сюда Жолой,
Дадим ему достойный бой!
В Алтайский край пришел Жолой
И стан кыргызов окружил.
Чтоб не вступить в кровавый бой,
Отдать Манаса предложил.
Навстречу вышел сам Манас:
– На эр-сайыш один из вас
Пусть выйдет на майдан сейчас!
И если я паду с коня,
Берите тут же в плен меня!
А если вашего собою,
То знайте – я его убью!
Юнца увидев пред собой,
Расхохотался хан Жолой
И Зор-Донге команду дал
Немедля выйти на майдан.
С кривой усмешкой на устах
Навстречу вышел Зор-Донго.
И вид его вселял всем страх:
Блестит железный шлем его;
В одной руке огромный щит,
В другой руке копье с бревно;
От поступи его коня
Тресется под ногой земля.
Не дрогнул юный эр-Манас –
К нему помчался, как стрела;
Метнув копье что было сил,
Донго он в шею угодил.

– Какан! – скомандовал Жолой,
И вся дружина как один
К Манасу бросилась толпой.
Но сорок юношей лихих
Под клич «Манас! Манас! Вперед!»,
Как тигры, бросились на них.
Но тут Жолой, подняв копье,
Своих людей остановил.
Он понял: им не хватит сил,
Чтобы кыргызов обуздать,
Что есть у них защитник свой,
Способный дать достойный бой, –
И дал команду отступать.

Нападение Нескары

Правителем манжурцев стал
Двадцатилетний Нескара –
Горячий, дерзкий, молодой,
Всегда довольный сам собой.
Он знал, что племена бурут
Бежали из земли родной
И на Алтае все живут.
Нажили за короткий срок
Скота, коней, богатства впрок.
И, как сказал старик-пророк,
Родился грозный там батыр,
Мужает, крепнет с каждым днем,
Как только силы наберет,
Устроит всем большой погром.
– Тринадцать лет ему сейчас.

Пока не возмужал Манас,
Не захватил в округе власть,
Кыргызов надо разгромить,
Живьем Манаса захватить,
Забрать у них коней и скот.
Как только вырастет Манас,
Он сам войной пойдет на нас,
Всех разорит и разобьет! –
Такой наказ он дал войскам,
Вооружив их до зубов,
Пошел походом на Алтай.
Пройдя тернистый долгий путь,
К монгольским подошел степям.
На Кен-Арале правил там
Батыр по имени Жай-сан.
И Нескара сказал ему:
– К Манасу я иду войной.
Давай войска соединим –
Легко разделаемся с ним!
Поделим скот и лошадей,
Захватим в жены дочерей,
Угоним в рабство сыновей.
Но отказал монгольский хан:
С кыргызами дружил Жай-сан.
Монголы – жители степей
Пасли свой скот и лошадей,
У рода каждого у них
Была земля и свой аймак.
Но крепкий боевой отряд
Жай-сан собрать не мог никак.
Самолюбивый Нескара
Здесь волю дал своим войскам:

В разгул пошел он по степям,
Творя насилье и разбой,
Кровавый там устроил той.
Кутили, пили допьяна
Хмельной арак из молока,
Зарезав жирных кобылиц,
Плясали лихо у костра.
В неравной битве сам Жай-сан
Был ранен, заточен в зиндан,
Но на измену не пошел
Ценою жизни хан-монгол.

Казах алтайский Айдар-хан
Узнал о том, что Нескара
Идет к Манасу на разбой.
И сына своего Кокчё
К себе он вызвал и сказал:
– Кыргыз казаху брат родной,
Нам вместе быть давно пора.
Возьми жигитов, лошадей,
Спеши к Манасу поскорей!
Кокчё, в свои шестнадцать лет
Отважный воин и храбрец,
С дружиной крепкой, боевой
Пришел к Манасу, как родной.
И вот два брата-близнеца:
Один кыргыз, другой казах –
Поклялись кровью и в слезах
В едином братстве быть всегда,
Не разлучаться никогда.
Был рад и счастлив эр-Манас:
С приходом храброго Кокчё

Большая сила собралась.
Когда увидел Нескара,
Что перед ним не детвора –
Вооруженные войска,
Он тут же повернул назад.
Манас помчался вслед за ним,
Но конь китайца был лихим,
И спас от смерти Нескару
Скакун крылатый Чабдар-ат.
Вернулся эр-Манас назад,
Увидел, как пред ним дрожат
Войска, захваченные в плен:
Боялись, что теперь они
К кыргызам в рабство перешли.
– Друзья мои! – сказал Манас. –
На волю отпускаю вас!
Идите по своим домам,
А если перейдете к нам,
Получите коня и меч.
Мы будем вместе защищать
Свободу, родину и честь!
И бывшие его враги
Сдружились, породнились здесь.
О том, что племена бурут
Возглавил юный вождь Манас,
Что он великодушен, добр,
Пошел повсюду разговор.
Пошли к нему со всех сторон,
Кто был обижен, угнетен.

Однажды воины его
Решили славно погулять,

Друг другу удаль показать.
Гоняли диких кабанов,
Снимали меткою стрелой
Косуль, архаров и козлов;
Подняв на небо ловчих птиц,
Лисиц ловили и волков;
Тягались в ловкости, в борьбе,
На эр-сайыше и стрельбе.
И самый старший, Кутубай –
Ему от роду двадцать пять,
Шутник, затейник, краснобай, –
Собрав вокруг себя ребят,
Решил Манаса разыграть:
– Чтоб был порядок среди нас,
Акима – хана своего –
Немедля мы должны избрать!
Он сильным должен быть, лихим,
Речистым, щедрым, холостым.
И тот, кто хочет ханом стать,
Сварить нам должен бешбармак,
На угощенье пусть пойдет
Его любимый аргымак! –
Сказал он, подмигнув хитро.
Но ни один лихой чудак
Не сделал этот глупый шаг.
Все знали истину про то,
Что без коня кыргыз никто.
– Каков ответ твой, эр-Манас?
Ты храбрый, смелый и лихой,
Средь нас ты самый молодой.
Как только своего коня
Зарежешь нам на бешбармак,

Ты ханом станешь в тот же миг!
А если ты скупой, Манас,
Придется нам искать других.
Скорее свой ответ давай! –
Сказал хитрющий Кутубай.
В ответ ему Манас сказал:
– Здесь все жигиты собрались!
Все ходите в мужских штанах.
Но если потянуло вас,
Как тянет бабу на сносях,
На жеребячий бешбармак,
Коня вам в жертву приношу,
А я и пешим похожу!
И тут же молодой батыр
Им кинул поводок – чылбыр.
Раздался громкий дружный смех,
И, потрясая небеса,
Дружина хохотала вся.
Обнял Манаса Кутубай:
– На нас, братишка, не серчай!
У нас ты самый молодой,
И ханом ты рожден судьбой.
Но мы боялись одного:
А вдруг ты, как отец, скупой!
И мы решили поиграть:
Тебя на жадность испытать.
Но видел Бог, ты молодец,
И доказал, что не скупец!
Ты будешь всем кыргызам хан.
Придет пора – увидишь сам!
Ты должен к власти привыкать!
Манаса юного друзья,

На потный усадив тердик,
Подняли вверх над головой
И посадили, как на трон,
На желтый камень под горой,
Как будто был он золотой...

Избрание Манаса ханом

Из табуна, где Айманбоз –
Красивый, сильный жеребец,
Всегда был верным жожаком,
Зарезав девять кобылиц,
Десятки вырыв очагов,
Поставив сотню казанов,
Залив водой, зажгли огонь.
Здесь, съехавшись со всех сторон,
Кыргызы вместе собрались.
И всех прибывших на Алтай
Сам Акбалта пересчитал.
И получилось их всего
Без малого здесь тысяч сто.
– Со всех концов родной земли
Сюда мы на Алтай пришли,
Трудом своим и потом здесь
Богатство, скот приобрели.
Но этот край для нас чужой –
Нас может разорить любой.
Трудом нажитое добро
Рождает зависть у врагов –
И было так спокон веков.
А потому кыргызский род

Под страхом смерти здесь живет.
Манас с дружиной боевой
Жолоя, Нескару прогнал –
И вновь Китай враждебным стал.
А чтоб народ свой защищать,
Должны мы все, собравшись здесь,
Акима своего избрать.
Поднялся с места Кутубай
И людям рассказал, смеясь,
Что на охоте там, в горах,
Был ханом избран эр-Манас.
И предложил народу он
Тот выбор повторить сейчас.
Но возразил ему Манас:
– Резвась в горах позавчера,
Вы ханом выбрали меня.
Но то была всего игра!
А ханом мы должны избрать
Братишку нашего Кокчё!
– Спасибо, брат! – сказал Кокчё. –
С тобой всегда мое плечо!
Готов я за народ родной
Пойти на смерть, Манас, с тобой!
Достойных много среди нас,
Но ханом должен быть Манас!
Здесь вместе трудятся, живут
Казах, монгол, калмык, кыргыз,
Есть и кангайцы, и тыргут,
В родстве своем переплелись,
Имеют смешанных детей.
Чтоб был здесь лад среди людей,
Обязан хан быть всех умней.

Во мне нет мудрости такой! –
Сказал он с чистою душой.
И здесь вмешался, как всегда,
Старик мудрейший Акбалта:
– Для хана молод эр-Манас,
Отец его для хана стар.
Но бай Жакып большой богач!
А по отцу и сыну честь.
Отца мы ханом изберем,
Батыром будет сын при нем.
И ханством правят пусть вдвоем!
Пока Жакып протестовал,
Его подняли на кошму,
Манаса подсадив к нему.
Под добулбаса громкий бой
Ногоя развернули стяг
И понесли над головой
Кыргыз, калмык, монгол, казах.
Как только семь шагов прошли,
Жакып людей остановил:
– Благодарю, родные, вас.
Но ханом будет пусть один –
Мой озорник – тентек Манас!
И тут Манаса одного
Подняли вновь над головой,
Вкруг юрты обошли семь раз
И куний ханский тебетей,
С пурпурным бархатом, с каймой,
Обвитый цепью золотой,
Надели тут же на него.
– Ты ханом стал, батыр Манас!
Теперь единство есть у нас!

И пусть в народе будет мир!
Да сохранит тебя Тенгир! –
Благословили старики
И к небу руки вознесли.

Встреча Манаса с Кошоем и Бакаем

Лишь завершились торжества,
Позвал Манаса Акбалта.
– Когда мы, свой покинув край,
Ушли всем миром на Алтай,
Кыргызов несколько родов
Остались там среди врагов.
Тем, кто не смог бежать тогда,
Досталась горькая судьба.
Один оставшись вдалеке,
Воюет с ханом Алооке
Правитель рода Катаган
Могучий старец Кошой-хан.
В долине рек Большой Кемин
Остался род еще один,
Которым правит хан Урбю.
Когда пришел Алооке,
Он снес в Кемине все мосты,
Врагов в двуречье не пустил –
И так сумел народ спасти.
Езжай на родину, Манас,
Разведай точно, может, кто
Еще остался в Ала-Тоо.
Когда, покинув край чужой,

К себе вернемся мы домой,
Какие силы сможем слить,
Народ единством укрепить,
Былую мощь восстановить,
Родную землю защитить
И вновь спокойно, мирно жить! –
Такой совет был старцем дан.
С ним был согласен Манас-хан.
И он с дружиной боевой
Отправился в далекий путь
По горным тропам и степям,
Долинам, пастбищам, лугам.
Загнав и истощив коней,
Шли сорок пять ночей и дней.
Встречали на пути людей,
Народы, села, города,
Озера, реки и моря.
И, наконец, они пришли
К долинам снежных Ала-Тоо.
И были все поражены
Величием родной земли.
И, перевал пройдя с утра,
Пришли в долину Каркыра,
Где выше головы трава,
Где дикие сады цветут,
С овечью шкуру каждый лист.
Червяк ползучий дождевой
Со средний палец толщиной,
А стебель балтыркан-травы
Потолще голени ноги.
На склонах гор пасутся там
Стада непуганых зверей.

Архары, элики, козлы
Там не чуждаются людей.
С горы высокой Чеч-Добе
Видна была долина вся.
И будто чудо из чудес,
Шатер из голубых небес,
Внизу плескался Иссык-Куль.
Наверно, бог Коке-Тенгир
Свою последнюю слезу
По капелькам в ладонь собрал,
Кыргызам на века отдал.
А дальше зеленеет стан –
Кочевья рода Катаган,
Где правит старец Кошой-хан.
Манас гонца послал вперед,
Чтоб сообщить, кто к ним идет.
Старик расстрогался до слез,
Когда узнал благую весть.
Навстречу вышел сам Кошой:
– Манас, сынок ты мой родной!
О подвигах твоих слышал,
Как ты с дружиной боевой
Жолоя, Нескару прогнал.
А жив ли твой отец родной?
Живут ли друг мой Акбалта,
Мои родные и друзья?
– Да, живы все! И вам привет
Послали родичи со мной.
Мы встали на ноги, живем
Единой дружною семьей.
Меня послали в Ала-Тоо
Узнать, как поживает здесь

Наш мудрый дядюшка Кошой! –
Ответил старику Манас.
– Когда пришли сюда манжу
И род весь окружили мой,
Я бился с ними, сколько мог,
Бежал сюда, в ущелье гор.
Весной и летом каждый год
Манжу покоя не дает.
И днем, и ночью, в стужу, в зной
Мои жигиты на посту,
Принять готовы смертный бой!
Я счастлив, эр-Манас, и рад,
Что есть теперь батыр у нас,
Готовый всех объединить,
Создать кыргызкий каганат,
Восстановить родной Талас.
Веди с Алтая наш народ!
Уже давно в краю родном,
Родных мы с нетерпеньем ждем!
Сейчас боюсь я одного:
Враги узнают вдруг о том,
Что ты уехал в Ала-Тоо,
Устроят без тебя погром.
Вернитесь поскорей домой! –
Закончил мудрый хан Кошой,
Дружину щедро одарил
И в добрый путь благословил.
Манас с дружиною своей
Прошли большую часть пути.
И вдруг увидели они
Отряд в доспехах боевых.

– Кто вы? – спросил Манас у них.
– Кыргызы мы! – звучал ответ.
– Я Бая сын, зовут Бакай,
Иду с дружиной боевой
К Манасу, брату своему! –
Ответил предводитель их.
– Привет тебе, Бакай, и честь!
А я твой брат Манас и есть!
Раздался дружный хохот здесь.
Два брата крепко обнялись,
Дружить до смерти поклялись.

Когда Манас и брат Бакай
Вернулись вместе на Алтай,
Навстречу вышли их встречать
В доспехах, с копьями в руках,
На добрых боевых конях
Две тысячи богатырей.
Они со всех концов земли
К Манасу на Алтай пришли.
И хан Манас был очень рад:
Отныне под его рукой
Не малый боевой отряд,
А многотысячная рать,
И с нею можно хоть куда
В поход победный выступать!
Манас в долине всех собрал
И речь горячую держал:
– Друзья и братья! Мой народ!
Казах, кыргыз, кыпчак, ойрот –
Кто на чужбине здесь живет!

Нажили вы добро и скот.
Но если враг сюда придет,
В чужие руки все уйдет!
И тем, кто жить захочет тут,
Манжу покоя не дадут!
Спасенье всех у нас одно:
Покинуть чуждый нам Алтай,
Скорей вернуться в отчий край!
Собралось много наших здесь,
Теперь у нас и сила есть
Вернуть поруганную честь!
Как можем мы мириться с тем,
Что край родной наш Туркестан,
Святые горы Ала-Тоо,
Долины, реки и жайлоо,
Наш Иссык-Куль – его, как рай,
Кыргызам подарил аллах –
Находятся в чужих руках!
Наш долг сыновний: отчий край
От чужаков освободить,
На кон поставить смерть и жизнь!
А если не исполним мы
Перед судьбой священный долг,
Дух предков это не простит,
Жестоко покарает нас
Лохматогрудая земля,
Могилы черная дыра!
В ответ Манасу, словно гром,
Под небом грянуло «Ура!»

Выступление в поход и победа над Текес-ханом

Два месяца прошло с тех пор,
Как провели в Алтае сбор.
Готовил сыновей народ
В далекий боевой поход.
Вот съехались со всех концов
К Манасу воины родов.
Широкая долина вся
Людьми заполнена была,
И под копытами коней
Там содрогалась земля.
И копыта, словно лес густой,
Сверкали сталью голубой.
С зеленым древком красный стяг
Затрепетал над головой.
Под ним когда-то хан Ногой
Водил войска на смертный бой.
Кыргыз, казах, кыпчак, нойгут
Отправились в далекий путь
В края родные – Туркестан.
Держал в руках весь Уч-Турфан
Батыр калмыков – хан Текес.
Когда пришла с Алтая весть
О том, что племена бурут
На Туркестан войной идут,
Все силы бросил хан Текес
На укрепление Кара-Суу.
Пошел Манас на Уч-Турфан

И от разведчиков узнал,
Что стольный город Кара-Суу
Стеной из камня обнесен,
Охраной мощной окружен.
Пришли к Манасу Ажибай,
И Тазбаймат, и Кутубай,
Каратоко, Мажик, Чалик,
Почтенный Айдаркан-старик
Совет Манасу мудрый дать:
Чтоб не было потерь в пути,
Без боя город обойти.
Разгневался батыр Манас:
– Вы что, хотите отступить?!
А вдруг Текес догонит нас!
Куда вы сможете бежать?
А может быть, как барсуки,
Под землю спрячете носы?
Или, поднявшись в небеса,
Как пташки, будете порхать?
Нет! Путь у нас, друзья, один –
Идти вперед и наступать,
Захватчиков – уничтожать,
Освобождать наш Туркестан.
Такой наказ нам Богом дан!
И предложил тогда Бакай:
– Давайте, я пойду вперед,
Дойду до городских ворот
И дам оттуда поворот.
Когда погонится Текес,
Пойдете вы наперерез.
Вдали от городской стены
Враг будет уничтожен весь!

Бакай с дружиной подошел
Вплотную к городской стене,
И в миг одна охрана вся
С мечами, копьями в руках
Вдруг выпад сделала на шаг.
Но почему-то все они
Глаза таращат и молчат,
Набрали будто в рот воды,
На месте намертво стоят,
Как в землю вбитые столбы!
И почему-то не видать
Полета дротика, стрелы.
И понял сразу эр-Бакай,
Что это хитрость и обман.
С отрядом боевым своим,
Смеясь, он повернул назад.
И армия Манаса вся
Вплотную к стенам подошла,
Кусты, деревья подожгла –
Сгорели тут же чучела.
Без боя, крови и потерь
Открылась городская дверь.
Что будет таковым исход,
Текес никак не ожидал –
И в грудь себе вонзил кинжал.
Кыргызы взяли город весь
И ханский заняли дворец.
Манас войска свои собрал
И всем строжайше приказал,
Чтоб женщин и простой народ
Никто из них не обижал,
И чтоб иголки чужой

Никто из воинов не брал.
Кто будет учинять грабеж,
Того с секирой плаха ждет.
– Текесу я бы все простил,
Но хан ваш сам себя убил,
И пусть сам Бог простит его!
Теперь вы можете, друзья,
Назначить хана своего!
Прошу я только одного:
Чтобы народ он свой любил,
И с нами искренне дружил,
Роднился и детей растил.
Мы связаны одной судьбой,
А враг у нас совсем другой! –
Сказал народу хан Манас.
Народ был рад и ликовал,
Единым ханом он своим
Тейиша юного избрал –
Он был Текесу брат родной.
Манас Тейишу руку сжал,
Как друга за плечо обнял –
И начался победный той.

Любовь Манаса кыз-Сайкал

Жил в Уч-Турфане Карача –
Калмыцкий славный аксакал.
Гордился очень старичок
Красивой дочерью Сайкал.

Но то, что девушка она,
В округе всей никто не знал.
Упрятав волосы под шлем,
Она, как истинный жигит,
Носила меч, копье и щит.
Когда убил себя Текес
И ханом избран был Тейиш,
Сайкал в доспехах боевых
Пришла к отцу и говорит:
– За честь и родину свою
Ценою жизни постою!
Манаса юного вот здесь
На эр-сайыше я убью!
Бурутов, взявших город наш,
Я из Турфана прогоню!

Неделю пировал Турфан.
И после скачек – аламан
Байге раздали скакунам.
Схватив друг друга за штаны,
Боролись резво курешчи.
Вот объявили эр-сайыш:
Батыр, что выбьет из седла
Копьем другого седока,
Получит триста лошадей
И вместе с ними заберет
У побежденного коня.
На рослом рыжем жеребце
Явился тут же на майдан
Калмыцкий юноша Сайкал.
Глашатай, объезжая круг,
Сразиться с ним на копьях звал,

Кричал на разных языках,
Но выйти с ним на эр-сайыш
Никто пока не рисковал.
Опасен юноша Сайкал:
Не раз он ловкостью своей
С седла жигитов выбивал.
И вдруг лихой жигит Сайкал
Свой шлем перед народом снял,
И волосы, как черный шелк,
Рассыпались по плечам.
И весь майдан замолк на миг:
Узрел собравшийся народ
Прекрасный юный женский лик!
И, потрясая небеса,
Долины, горы и леса,
Восторженный раздался крик!
И двинулись на эр-сайыш
Жигиты вдруг со всех сторон:
В душе был каждый убежден,
Что девушку собьет с седла.
– Я кыз-Сайкал, Карача дочь!
Хочу вас всех предостеречь:
С копьем я вышла на майдан
За нашу родовую честь!
Батыр Манас! Ровесник мой!
Хочу сразиться я с тобой!
И если я собью тебя,
То не возьму с тебя коня,
Но ты покинешь Уч-Турфан
И клятву дашь, что никогда
С войсками не вернешься к нам!
А если ты собьешь меня,

Отдам я своего коня!
В рабыни ты меня возьми,
А если хочешь, здесь при всех
На площади меня казни! –
Сказала юная Сайкал.
– Согласен я с тобой, бийкеч!
Но должен я предостеречь,
Что для меня наш эр-сайыш
Игрою будет кыз-куумай!
И если я тебя собью –
Поцеловать мне щечку дай! –
Ответил девушке, смеясь,
Весёлый юноша Манас.
Деввица храбрая Сайкал
Была прекрасна и нежна.
Глаза сияли, как алмаз,
А губы – алые, как кровь.
Почуял юноша Манас
К калмычке нежную любовь!
Подумал он: была б она
Ему достойная жена.
И тело нежное ее
Боялся повредить Манас.
Старался он своим копьем
Ударить непременно в щит,
Чтобы без боли и крови
Девчонку с лошади свалить,
Ну, а потом, как обещал,
При всех ее поцеловать,
Когда ж закончится поход,
Послать отца и в жены взять.
Не знал доверчивый Манас,

Что дева юная Сайкал
Задумала его убить,
В кыргызских боевых рядах
Посеять панику и страх
И поголовно перебить.

Ударом встречным кыз-Сайкал
Отбила острое копьё.
Ответный нанесла удар
Она Манасу прямо в грудь –
И он с коня чуть не упал.
Но тут же чуть левой щита
Копьём ударила Сайкал –
И пика острая копыя
Чуть было в сердца не вошла.
И понял юный эр-Манас:
Игру на копьях эр-сайыш
Сайкал решила превратить
В кровавую борьбу за власть.
И деву, что хотел любить,
Теперь Манас решил убить.
И вот, как лютых два врага,
Навстречу мчась во весь опор,
Взаимный нанося удар,
Сражались насмерть – он, она!
Из раны кровь его текла,
Слабела правая рука.
Удар! Удар! Еще удар!
Но щит надежно защищал.
Манас уж кровью истекал,
Порой сознание терял.
И, изловчившись, наконец,

Ударом точным прямо в щит
Он сбил на землю кыз-Сайкал.
Когда Манас к ней подошел,
Склонила голову она
И подала своей рукой
Копье и поводок коня.
Манас во гневе вынул меч,
Готовый голову отсечь,
За подбородок деву взял.
Но гордый, смелый взгляд Сайкал
Ни гнев, ни страх не выражал.
Взглянув на мир в последний раз,
Нагнула голову Сайкал,
И косы черные, как смоль,
Рассыпавшись, упали с плеч,
Пушок на шее обнажив.
Манас в ножны вложил свой меч,
Склонился низко к кыз-Сайкал,
В затылок вдруг поцеловал,
Сел на коня и ускакал.
Она смотрела вслед ему,
Катились слезы по щекам.
– Я буду ждать тебя всю жизнь, –
Сказала тихо кыз-Сайкал,
Но клятву верную никто
Из уст влюбленной не слышал.
Когда Манас и хан Тейиш,
Войска свои объединив,
В далекий двинулись поход,
Вдали увидел эр-Кокчё,
Что кыз-Сайкал одна стоит.
– Смотри, Манас, твоя Сайкал!

Видать, обиделась она,
Что в жены ты ее не взял!
– Мой брат Кокчё, тебе клянусь,
Я к ней с победою вернусь.
Когда исполним долг святой,
Покончим с родовой враждой,
Наступит на земле покой,
На веки вечные тогда
Сайкал останется со мной, –
Ответил другу эр-Манас,
Смахнув ладонью слезы с глаз.

Всю жизнь влюбленная Сайкал
Ждала Манаса, говорят.
А сколько было женихов,
Всем отказала, говорят.
Не смог Манас вернуться к ней:
Вражда родов и меж людей
Не кончилась до наших дней.
На землю не пришел покой –
Насыщен этот мир враждой!
Во сне Манас и кыз-Сайкал
Нике свершили, говорят.
Когда, собрав войска, Манас
Пошел войною на Китай
И, взяв там город Чет-Бейжин,
Со смертной раной в свой Талас
Назад вернулся он один,
Чтоб на земле коварной, злой
Она не мучилась вдовой,
Свою невесту кыз-Сайкал

В последний час к себе позвал.
И тихо, чтоб никто не знал,
Скончалась девушка Сайкал.
Душа влюбленной вознеслась,
Туда, где ждал ее Манас.

О том, как тыщу лет назад
Влюбились в схватке боевой
Калмычка и кыргыз – бурут
Забуть потомки не хотят,
Из уст в уста передают.

**Сказ об освобождении
Туркестана
от китайских захватчиков**

В долины, горы и луга
Под небеса родной земли
По трем дорогам по степи,
Как три бурлящие реки,
Кыргызы из Алтая шли.
Горланил войсковой карнай,
Визжал пронзительно сурнай.
Как гром, как поднебесный глас,
Гремел походный добулбас.
Под красным стягом впереди
Со свитою своей Манас,
За ним идут, подняв свой стяг,
Казах Кокчё, нойгут Чубак –
По матери своей калмак,
Глава булгаров – хан Эштек.

С бойцами в десять тысяч душ
Пришел к Манасу хан Урбю.
Здесь друг кыргызов Жамгырчы,
Кангаец храбрый Келдике,
Монголы от Жай-сана здесь,
И Бердике – каракалпак.
Войска родов найман, дуулат,
Кара-багыш и калмурат –
Всех невозможно перечесть.
К Манасу все они пришли,
Чтобы вернуться в Туркестан,
Изгнать и выселить в Китай
Захватчиков родной земли.
Друг другу воины под стать –
Батыров доблестная рать.
Вброд перейдя реку Или,
В долину Каркыра пришли.
По рекам Тюп и Жергалан,
Пройдя зеркальный Иссык-Куль,
К ущелью Боома подошли –
К развилке четырех дорог.
Здесь дал совет старик Кошой:
– Манас, я знаю этот край.
По устью небольшой реки
Есть выход здесь всего один.
И если по нему пойдём,
Нарвемся на большой погром.
Уверен, хитрый Акбешим
Засаду подготовил там.
И потому придется нам
Идти по кручам и хребтам.

Пройдя ущелье с двух сторон,
Батыры миновали Боом.
Когда взошли на гребень гор,
Внизу в цветах благоухал
Безбрежный сказочный простор.
И эту чудную страну
Терзали много лет подряд
Калмык, китаец и манжу.
Правитель всей долины Чу,
Сатрап китайский Акбешим,
Узнав о том, что хан Манас
С Алтая выступил в поход,
Большую армию собрал,
Вдоль берегов Кемин и Чу
Охрану выставил свою.
По обе стороны реки
Засели меткие стрелки.
Ущелье узкое Боом
Отрядом мощным перекрыл
И на предгорьях Ала-Тоо
Войска свои расположил.
Увидел это эр-Манас
И дал команду. В миг один
Лавиной снежной, роковой
Батыры устремились вниз.
В долине стороны сошлись –
И начался жестокий бой.
Ломались копья и щиты,
Сверкали сабли и мечи.
Повсюду кровь лилась рекой,
Рыданья, крики, вопли, стон,

Увечья, смерть со всех сторон.
Проклятья! Гнев! Угрозы! Мат!
Без рук, без ног, без головы,
Без жизни воины лежат.
Со стягом красным боевым
Навстречу вышел Акбешим,
Но эр-Кокчё и хан Урбю,
Кольцом дружину окружив,
Жестоко рассчитались с ним.
Упал на землю ханский стяг –
И был повержен лютый враг.

Наутро Чуйская земля
Покрыта трупами была.
И с той, и с этой стороны
Погибли храбрые сыны.
Собрали всех, кто пал в бою,
Зажгли костер большой в горах
И предали тела огню,
Смешав с золой сгоревший прах,
Пустили по теченью вниз,
Где жили братскою семьей
Спокон веков казах, кыргыз.
Где жили в прежние века
Потомки хана Каракан,
От сына славного его
Здесь правил правнук Алашкан.
Родным для тюркских сыновей
Был благодатный Туркестан.
Все знают до сих пор о том,
Что там, на родине своей,

Руками тюркских сыновей
Построен город был Ташкент –
Что значит «крепость из камней».
Но этот город двести лет
Был под китайскою пятой,
И там, за каменной стеной,
Народом правил много лет
Кангайский падишах Панус.
Когда Манасом был разбит
В долине Чуя Акбешим,
Гонец, примчавшийся в Ташкент,
Дрожа от страха, рассказал
О том, что в том бою видал.
И голос бедного гонца
Срывался в панике, дрожал.
– Лавину из живых людей –
Такого не видал никто!
Народ, растущий на глазах,
Бойцов, шагающих на смерть, –
Такого не видал никто!
Такую мощную орду
Никто не видел никогда!
И если их не обуздать,
Ташкент наш будут штурмовать!
И этот Туркестанский край
Мы скоро можем потерять!
И власти здесь придет конец! –
Орал напуганный гонец.
Собрал в Ташкенте хан Панус
Правителей Мергим, Мерке,
Шамын-Шаа и Дообого –

Под их пятой тогда была
Вся наша Чуйская земля.
Собрал Панус свои войска,
Повел на Чу, чтобы разбить
В бою кыргызские войска,
Долину вновь освободить,
Прогнать Манаса на Алтай.

Предгорьями долин Чирчик
Владел богатый Кокетей.
Он славился в округе всей
Глубокой мудростью своей.
И мог почтеннейший старик
С любимым найти один язык.
От Эсенхана самого
Он получил китайский чин,
А потому никто к нему
Не мог придраться без причин.
Хан Кокетей узнал о том,
Что эр-Манас в краю родном
Китайцам учинил разгром,
И чтоб Манаса обуздать,
Навстречу с армией своей
С Ташкента двинулся Панус.
Решил богатый Кокетей
Манаса с тыла поддержать
И, силы все объединив,
Захватчиков родной земли
С Турана навсегда прогнать.
Покинув свой родной Чирчик,
К Манасу двинулся старик.
В разливах нижних Чуй-реки

Лоб в лоб столкнулись враги.
Три дня, три ночи шли бои,
И Чуйскую долину вновь,
Как ливень, оросила кровь.
Но силы были неравны,
И на четвертый день войны
Панус Манаса окружил
И с той, и с этой стороны.
И знает Бог, что было б там,
Когда б со стороны степей
Не вышел с войском Кокетей
И не ударил прямо в тыл.
Так Панус-хан разгромлен был!
Договорились меж собой
Войска свои объединить
Хан Кокетей и хан Манас:
Один – почтенный аксакал,
Другой же – юноша-жигит.
И над Ташкентом был поднят
Зеленый Туркестанский стяг.
Так, ровно двести лет спустя,
Вернули тюркские сыны
Свои исконные края.
Манас и старый Кокетей
Дружили, как отец и сын,
Всю жизнь и до последних дней.
И хан Ташкента Кокетей
Манаса с войском проводил
В далекий северный Алтай,
Просил вернуться поскорей
С народом в туркестанский край.

Возвращение кыргызов с Алтая на родину

Под стягами своих родов
Покинув, наконец, Алтай,
Кыргызы вышли в дальний путь –
В обетованный отчий край.
У всех желание одно:
Скорей вернуться в Ала-Тоо,
Где падала спокон веков
С кыргызской пуповины кровь.
Потоки бурные Или
С домашним скарбом и скотом
И вплавь, и вброд прошли с трудом.
Минуя перевал крутой,
Прошли в долину Уч-Арал,
Вдоль рек Конуз и Жергалан
В простор Сары-Озон вошли.
На склонах ласковый ковыль,
Внизу цветы, сады, трава –
Зеленый шелковый ковер.
Не зная, что такое пыль,
Трепещет на ветру листва.
Бьют ключевые родники.
Озера, речки и пруды,
Седые горы, лес, луга
И голубые небеса!
И эту чудную страну
Кыргызам дал создатель сам!
По теплой утренней росе
Носились дети босиком.

Девчонки, весело визжа,
Купались в речке голышом.
Батыры на родной земле,
При звездах, ночью у костра
Храпели дружно до утра.
В округе нет чужой души!
Родное небо! Мир! Покой!
С дружиной старина Кошой
Манаса выехал встречать.
– Я рад тому, что наконец
Увидел в целом свой народ!
Скитаясь долго по земле,
К себе вернулся каждый род.
Теперь нам надо сохранить
Единство, дружбу и оплот.
Но если снова каждый род
Сам по себе здесь заживет,
То враг к нам сызнова придет,
Поодиночке разобьет.
Вновь горькая судьба нас ждет.
А чтоб народ был цел, един,
Им должен править хан один!
Ты делом доказал, Манас,
В руках держать умеешь власть!
Там, за долиной золотой,
Есть две реки: Кен-Коль, Талас, –
Вот там построишь город свой,
И трон поставить в самый раз.
Я буду здесь оборонять
Род катаган и край родной.
Ты связь держи, Манас, со мной! –
Совет дал дядюшка Кошой.

Потом взял слово Акбалта
И поддержал Кошой речь,
О том, что должен хан Манас
Весь род кыргызов уберечь.
– Для нас, Манас, ты щит и меч.
Чтоб быть опорой тебе,
Останусь я в долине здесь.
И, если враг придет сюда,
На помощь позову тебя.
И три почтенных старика:
Кошой, Жакып и Акбалта –
В слезах прощально обнялись
И, разделившись по родам,
В края родные подались.
Став ханом ханов, эр-Манас
С дружиной двинулся в Талас.

***Сказ о том, как
хан Алооке, увидев Манаса,
бежал из Ферганы***

В руках китайцев был тогда
Наш благодатный Туркестан.
Народом правил в Фергане
Китайский хан Алооке.
Жесток и беспощаден был
К народам тюркским этот хан.
И кто пред ним не лебезил,
Тот был зарезан, как баран.
До нищеты довел народ

Обременительный налог.
Сто тысяч слитков золотых
И шкурок столько же куниц
Сдавали только в Маргелан.
И всех хорошеньких девиц
В гарем к себе он забирал.
На шею тюркских сыновей
Ярмо повесил, как замок.
Народ нуждался и страдал,
Но сделать ничего не мог.
Кыргызских ханов всех в Талас
На свой совет созвал Манас:
– Родные, пригласил я вас,
Чтобы совет услышать ваш!
Алооке – хан Ферганы
Прислал гонца, чтоб мы ушли,
Пока не поздно, из страны.
Или чтоб я к нему пошел,
Послушным подданным, слугой.
А если кто-то возразит,
Он вновь расправой грозит.
Коли согласны вы со мной –
На Фергану пойдем войной!
Не для того вернулись мы,
Чтоб языками башмаки
Китайца грязные лизать!
– Манас, готовы мы всегда
За Туркестан, за край родной
Идти с тобой на смертный бой!
И цель у нас у всех одна –
Очистить землю от врага! –

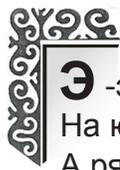
Сказал Чубак – сын Акбалта.
Манас велел седлать коней.
И тут же зазвучал керней,
Зовущий в бой богатырей.
Когда увидел Алооке
Войска, что вел батыр Манас,
То померещилось ему,
Что сам дракон идет к нему,
А по бокам его идут
Гепарды, тигры, волки, львы,
Над ним огромным бьет крылом
Могучий беркут. Он когтем
Коня поднимет с седоком
И в небо унесет живьем.
И понял старый Алооке:
Манас силен, непобедим,
И если в Фергану придет,
То весь народ пойдет за ним.
И выход здесь всего один –
Забрать казну, бежать в Бейжин!
Визирям приказал своим
Сокровища скорей собрать,
Оставить трон и Маргелан,
Покинуть Туркестанский край
И поскорей уйти в Китай.
Манас с дружиною своей
Догнал идущий караван
И у китайцев отобрал
Награбленное здесь добро:
И золото, и серебро,
Забрал наложниц и гарем,

Рабов и слуг освободил
И объявил свободу всем.
Хан Алооке сошел с коня,
Как раб, колени преклонил,
Пощады для людей просил:
– Не скрою – враг я твой, Манас,
Я земли ваши захватил,
Немало тюркских сыновей
Убил, изгнал, поработил.
Таков закон живой земли –
Борьба за жизнь. Закон войны!
На свете выживает тот,
Кто отберет или убьет.
Теперь я вижу, хан Манас,
Пришел, видать, и твой черед.
И не прощенья у тебя –
Пощады для людей прошу!
Воюют ханы, а народ
На гибель гоним мы, как скот.
И честью ханскою клянусь:
С войной сюда я не вернусь!
Родного сына Бооке
Тебе в заложники даю.
Пусть у тебя он будет жить,
И, если слова не сдержу,
Ты можешь Бооке убить.
– Сюда с Алтая я пришел,
Чтобы тебя с моей земли
Навеки вечные прогнать,
А если сам ты не уйдешь,
Людей твоих уничтожать!

Но оказался ты мудрей:
Чтоб не терять своих людей,
Решил покинуть Фергану.
За эту мудрость, Алооке,
Я жизнь твою тебе дарю!
И убирайся поскорей –
Два дня и ночь тебе даю! –
Кыргызский хан сказал ему.
– О, хан Манас! Благодарю! –
Сказал с поклоном Алооке.
И меч свой в золотых ножнах
Манасу в дар он преподнес.
Родного сына своего
В заложники определив,
Ни с той, ни с этой стороны
Ни капли крови не пролив,
Алооке ушел в Китай.
И был доволен он судьбой,
Что возвращается живой!
Когда он к ханству своему,
К Бейжину с войском подъезжал,
Его сын младший Конурбай
Отца с дружиною встречал.
Конур в свои семнадцать лет
Носил военный амулет.
Он упрекнул отца за то,
Что тот так просто и легко
Оставил трон свой в Фергане.
– А если б власть отдали мне,
Я бы кыргызам показал,
Как надо биться на коне!

Кочевники казах, бурут
В долинах по родам живут,
Единый силы никогда
Они в горах не создадут!
– О, сын мой, юный Конурбай!
Ты зря отца не упрекай!
Народ был вольный, кочевой –
Теперь он стал совсем другой!
И если раньше каждый род
Отдельно жил в горах, вразброд,
Манас собрал из всех племен
Державу прочную, оплот.
Он стал могуч, непобедим.
Но если ты, мой юный сын,
Кыргызов можешь сокрушить –
На поле бранном докажи!
Мне честь и славу возврати!
И этот боевой наказ
Запомнил крепко Конурбай –
Гордыня заиграла в нем.
И хан кыргызов эр-Манас
Его заклятым стал врагом.

**Сказ о том, как афганский
хан-Шоорук потерпел
от кыргызов поражение**

Э -эй!
На юге, где лежит Алай,
А рядом Ооганистан

(Пуштуны проживают там),
Правитель рода маймундук
Самодовольный хан Шоорук
Решил кыргызов обуздать,
Весь скот и табуны угнать,
Подальше в горы их загнать.
Шоорук имел семью, детей:
Трех сыновей, двух дочерей.
А дочь старшая Акылай
Была нежна, стройна собой
И отличалась от других
Умом и яркой красотой.
И станом дева Акылай
Была изящна, как кинжал,
А голос мягкий у нее,
Как горный ручеек, журчал.
А кожа белая была,
Как из фарфора пиала.
Однажды утром Акылай
Свой сон поведала отцу:
– Со стороны восточных звезд
В кочевья наши хлынул сель.
И я попала в тот поток,
Никто меня спасти не мог.
С трудом держалась я рукой
За сук чинары золотой.
И вдруг я вижу, тот поток
Тебя течением несет
Со снегом, грязью и водой.
Тебе я руку подала –
И мы, отец, спаслись с тобой.
А мимо плыли люди, скот

В лавине грязи и камней.
Я думаю, что в этом сне
Разгадка есть судьбы моей.
И дочери ты слово дай,
Что не пойдешь ты на Алай,
Куда вернулся сам бурут.
Боюсь, отец, твои войска
Рассеют там и разобьют –
И потеряешь ты свой трон!
Такой увидела я сон.
Шоорук послушал Акылай
И дал свою разгадку сна:
– Поток бурлящий, горный сель
С камнями, снегом и землей –
На нас идет противник мой!
А если взялся я рукой,
За сук чинары золотой –
То трон Манаса будет мой!
О дочь, пророчица моя,
Тобою восхищаюсь я! –
Воскликнул радостно Шоорук
И на Алай пошел войной.
Нойгутов тут же разорил,
Войска Ошпура разгромил.
Табун в семь тысяч лошадей
Угнал к себе Шоорук-злодей.
Как только весть узнал Манас,
Что хан Шоорук пошел в тот край,
Он тут же дал войскам приказ
Идти в поход, спасти Алай.
Настигли хан Шоорука там,
Разгром устроили войскам.

Шоорук едва сбежал в свой стан,
Чуть не погиб в той битве сам.
Он понял, что бурут един,
Тягаться бесполезно с ним.
И выход он нашел один.
Позвал к себе он Акылай,
Сказал ей: – Доченька, спасай!
Неверно разгадал я сон.
Как сель, на нас Манас идет,
Во гневе беспощаден он,
Жестоко перебьет наш род.
Чтоб всех от гибели спасти,
Манасу в жены дочь моя
Должна безропотно пойти.
И тут сказала Акылай:
– Манаса вашего в глаза
Я не видала никогда!
Но если за него пойду
И этим отведу беду,
Готова жертвовать собой!
Чтоб дружбу укрепить, родство,
Сестренки пусть со мной пойдут
И семьи там приобретут!
Шоорук собрал в своем роду
Красавиц стройных, молодых,
В шелка и бусы нарядил,
Ичиги на ноги пошил,
Красиво причесал, умыл,
Манерам тонким подучил.
И чтоб от них благоухал
Цветов пахучих аромат,
Тела натерли им травой,

Да так, что девочки порой
Кричали: «Больно! Ой! Ой! Ой!»
На снежно-белый достархан
Поставили и хлеб, и соль.
К Манасу девушек повел,
Рискуя жизнью, Шоорук-хан.
На шею бросил пояс свой,
Надел на голову венец,
И, руки на груди скрестив,
Шоорук явился во дворец:
– Прости меня, Манас, сынок,
Я был безумен и жесток!
За тех, кто был убит в боях,
За всех я куну заплачу
Своею дочерью родной,
И тридцать девушек привел –
Одна красивее другой!
Пускай они нам народят
Родных сынов и дочерей.
Скрепим навеки наш союз
Детьми и кровью мы своей.
Прими мой дар, батыр Манас!
Вот хлеб и соль, и вот мой меч!
И если не простишь мой грех,
Вели мне голову отсечь!
Таких красавиц вместе, враз
Манас не видел отродясь...
Он засиял, как при луне
Песком начищенная медь.
Не зная как тут поступить,
Батыр топтался, как медведь.
– Решай, Бакай, мой старший друг!

Я повелитель ваш в боях,
Ты знаешь, что в таких делах
Большой болван я и дундук, –
Признался доблестный Манас.
Сказал Бакай: – Вставай, Шоорук!
Обнял, как свата, за плечо.
Как тестя юных кыргызыт,
Шоорука стали угощать.
Осталось только выбирать,
Кто будет хану лично зять.
– Ну вот, красавицы мои,
Не прячьте вы глаза свои!
Жигиты смотрят, ждут от вас,
Кто на кого положит глаз.
Кыргызы юные хотят
Иметь красивую жену,
Создать здоровую семью,
Родить побольше сыновей,
Чтоб защищать свою страну!
Ваш хан, я волю вам даю
Самим решить судьбу свою! –
Сказал девицам хан Шоорук.
В восторге были все вокруг.
Никто, видать, не ожидал
Такого оборота вдруг.
Сбежались все холостяки,
Бородки гладили, усы.
Скосив немного набекрень
Свой куний круглый тебетей,
Стал каждый ждать судьбы своей.
С походкой легкою, как лань,
С осанкой гордой и прямой,

Навстречу вышла Акылай.
Ну впрямь богиня. Хоть молись!
К Манасу близко подойдя,
С улыбкой томные глаза
Красотка опустила вниз.
И тут батыр Манас смекнул,
Что юной девы нежный взгляд
Был объяснением в любви.
И тут за нею все подряд
К джигитам девушки пошли.
И тридцать юношей все враз,
А с ними вместе сам Манас
Семью и жен приобрели.
И тридцать свадеб в один день
Сыграл ликующий Алай.
И стала так второй женой,
Манасу посланной судьбой,
Дочь Шоорук-хана Акылай.

***Сказ о том, как Манас
в обиде на отца
покинул ханский трон
и занялся земледелием***

В Таласе доблестный Манас
Установил свой ханский трон,
Державу прочную создал.
К нему пошли со всех сторон
Жигиты храбрые служить,
Народ и землю защитить.

И каждому он дал коня,
Одежду, щит, копье и меч.
Искусству боя обучал,
Устроив скачки и борьбу,
Байге он щедро раздавал.
Кругом покой и тишина.
Растет трава, жиреет скот,
На склонах сам себя пасет,
К реке идет и воду пьет,
И нет особых с ним хлопот.
Теперь забота лишь одна:
Попить, поесть и погулять,
А ночью, глядя в небеса,
Все звезды вновь пересчитать.
И, как в народе говорят:
«Днем бешбармак, айран, кумыс,
А ночью тепленькая кыз» –
Вот так зажил теперь кыргыз!
Такое не стерпел Жакып –
За жизнь бороться он привык.
– На что копил, за что страдал?
Зачем наследника я ждал?
А сын мой труд не оценил.
Кумыс, забавы и арак,
Охота, скачки, бешбармак!
И что копил я и растил,
Манас по ветру все пустил!
Не думал, старый я дурак,
Что дело обернется так,
Что сын, пускай он даже хан,
Все промотает, как болван! –
Разгневался старик-скупец,

Батыра славного отец.
– Когда при всех отец бурчал,
Никто ему не возражал.
Знать, я не нужен никому!
Когда был голод, нищета,
Я был всем нужен, как вода!
А как нажрались досыта,
Я стал им тут же не чета!
Пойду я по земле бродить,
Свои владенья обойду –
И там пристанище найду.
Забуду битвы и войну
И мирной жизнью заживу, –
Решил обиженный Манас.
И ночью, чтоб никто не знал,
Покинул трон свой и Талас.
Прошел Жаик и Беш-Бука,
И в том краю, где Андижан,
Там, где поля, сады, луга,
Седого встретил старика.
– Зовут меня Бобо-дыйкан,
По-вашему – отец крестьян.
Узнал тебя я, хан Манас!
Ты свой народ от смерти спас,
Принес свободу и покой.
Теперь, сынок, пойдем со мной.
Ты помнишь, Алооке сказал,
Что в мире выживает тот,
Кто отберет или убьет?
Но есть другой к богатству путь –
А это земледельца труд!
И могут божию сыны

Иметь богатства без войны, –
Сказал Манасу тот старик.
И два вола с одной сохой
Вдруг появились в тот же миг.
И начал эр-Манас пахать,
Во чрево вспаханной земли
Горстями зерна стал бросать.
Всевышний бог Коке-Тенгир
Слезами пашню оросил.
Щетиною самой земли
Пошли зеленые ростки,
И закачались колоски.
– Трудом ты доказал, Манас,
Что можно жить и без войны
Весь урожай себе возьми!
И не забудь про мой наказ! –
Сказал Бобо и сгинул с глаз.

В долинах рек, на склонах гор,
Среди калмыков и монгол
Жил хан онгутов Кабача.
А на просторах там паслись
Его несметные стада.
Весною ранней в табуне
Родился белый жеребец.
Знаток коней определил,
Что в табуне его рожден
Тулпар – дулдул, особый конь,
Что в беге этого коня
Не сможет обогнать никто.
А в деле ратном и в бою
Он другом будет седоку.

А если обменять коня,
Богатство принесёт сполна!

На землю засуха пришла,
И в реках высохла вода.
Стоит жара. Но нет дождя.
В народе голод и нужда.
И люди в поисках еды
Пошли по миру кто куда.
Навьючив всякое добро,
И золото, и серебро,
Коня ведя на поводу,
Пошел на рынок Кабача.
И вдруг увидел на полях
Он горы красного зерна –
И тут же предложил в обмен
На хлеб лихого скакуна.
Увидев доброго коня,
В восторге был батыр Манас:
Скакун был белый, как снежок,
А грива черная, как смоль,
И длинноног, и шаг широк.
Добром навьюченный верблюд
Пройдет свободно между ног.
А в беге доброго коня
Догнать не сможет и стрела.
А ляжка скакуна крепка
И толще взрослого быка.
Такой скакун не подведет
В бою жестоком седока.
Манас за белого коня
Отдал весь урожай зерна.

– Пусть будет другом этот конь
В походах ратных и в труде,
На эр-сайыше и в байге! –
Благословил хан Кабача.
Манас был рад, забрав коня,
Что землю он пахал не зря,
Что сделка добрая была.
Коню дал имя Ак-Кула,
И, взяв за повод скакуна,
В родные двинулся края.
И тут увидел эр-Манас,
Своих дружинников вдали.
Видать, на поиски его
С Таласа вышли все чоро.
Вот впереди батыр Чубак:
Ему не страшен лютый враг,
Не зря в народе говорят:
«Кенкол не больше, чем Талас,
Чубак не хуже, чем Манас!»
Могуч, как сказочный дракон,
Рука крепка, как лапа льва.
Как беспощадный лютый барс,
Бросался в битву он не раз.
Надев из репса синий тон,
На мощном скакуне гнедом
Навстречу с тысячным врагом,
Не дрогнув, выступает он.
И зычным голосом в боях
Наводит он смятенье, страх.
Броню Чубака не берет
Ни меч, ни пика, ни стрела.
А конь Чубака Кок-Ала

Догнать в галопе не дает,
Но если будет догонять,
То бесполезно убежать.
И если впереди Чубак,
Считай, разгромлен будет враг.
А если позади Чубак,
То крепок и надежен тыл.
Чубак Манасу с юных лет
Опорой, другом верным был.
А рядом с ним Сыргак лихой,
В дружине самый молодой.
Ни сна, ни отдыха в боях
Не знает доблестный Сыргак.
Он храбр и легок на подъем,
И если взялся за копье,
От смерти не уйдет никто.
Широк в плечах и коренаст,
Он бьется, смерти не боясь.
С улыбкой доброй на устах
К Манасу подъезжал Сыргак.
А рядом с ним батыр Бакай,
Он ясным и большим умом,
Богатым, острым языком
Любого может убедить,
Толпу любую усмирить,
Предугадает наперед,
Назавтра что произойдет.
Как острый глаз, во тьме ночной
Водил дружину за собой.
Когда идет он впереди,
Удачу и победу жди.
А если позади Бакай,

Крепка защита, так и знай!
Он в мирной жизни и в бою
Советом верным и умом
Манасу прочным был щитом.
И брата младшего Бакай
За дело может отругать –
Тот не посмеет возражать.
Когда к Манасу подошли
Дружина и старик Кыргыз,
Во гневе эр-Бакай спросил:
– Скажи-ка нам, племянник мой,
Как оценить поступок твой?
Оставив ставку и свой трон,
Как баба, бросившая дом,
Сбежал с Таласа ты тайком!
Хвала и честь тебе, мой брат,
Что ты трудом своим обрел
Лихого, доброго коня.
Но ты не пахарь! Ты боец!
Защитник родины святой!
И этот долг тебе, Манас,
Назначен Богом и судьбой!
Ты клятву дал земле о том,
Что будешь род свой защищать
Мечом булатным и щитом,
А не мотыгой и серпом!
В обиде к старому отцу
Решил ты клятве изменить –
Тебе такое не к лицу!
Добро придет, потом уйдет,
На смену новое придет!

Но если земли, где добро
С годами множилось, росло,
В другие руки вновь уйдут,
Захватчики добро и скот
В ладонях нам не принесут!
Никто нам землю не отдаст,
Запомни это, брат Манас!
И сорок воинов-чоро
Смотрели молча на него.
Манас с повинной головой
В ответ ни слова не сказал.
Ну, а потом, махнув рукой,
Невольно зубы обнажил,
Свое смущенное лицо
Улыбкой доброй озарил.
И тут, как мощный ураган,
Разнесся хохот по горам.
От смеха сорока чоро
Чуть не оглох в округе скот.
Старик Кыргыз, до слез смеясь,
Чуть не порвал себе живот,
Он тут же, развязав чанач,
Кумыс батырам разливал.
И каждый, подойдя к вождю,
За плечи крепко обнимал,
А тот, растроганный вконец,
Их обнимал и целовал,
Огромной лапой, как медведь,
Смущенно слезы вытирал.

Сказ об Алмамбете

Э-эй!

Китаем правили тогда
Хан-Каканчына сыновья:
Эсен, Кары, Алооке
И самый младший брат Азиз.
Однажды братья собрались,
Пришли к Эсену во дворец:
Азиза младшего женить
Они решили наконец.
Ему давно за двадцать пять,
Но до сих пор не может он
Себе невесту подобрать.
И повелел сам Эсенхан
Красивых девственниц собрать
С пятнадцати до двадцати –
На выбор высшей красоты.
От Хуанхэ до Иртыша,
И от Амура до Днепра
Красавиц писанных свезли
В Китай, на южный край земли,
Собрали в городе Бейжин
При всем параде для смотрин.
И вот по площади пошли,
Любуясь, девушки собой,
Одна прекраснее другой.
Но хан придирчивый Азиз
Смотрел угрюмо на девиц,
Пока почти что невзначай
Он не увидел Алтынай.

– Вот, наконец, и выбор мой!
Она и будет мне женой! –
Воскликнул радостно Азиз.
И тут же деву Алтынай
Ввела прислуга в хан-сарай.
Платок с венцом надели ей,
И хан, взяв за руки ее,
Невестой объявил своей.
Ну, а потом узнали все,
Что Алтынай пришла сюда
Как байской дочери слуга.
Отец ее кыргыз-бурут,
Родные братья Алтынай
В горах соседних скот пасут.
Но было все предрешено:
Азиз невесту выбрал сам,
А слово не меняет хан!
Вот так кыргызка Алтынай
Китайцу стала вдруг женой.
Видать, такая участь ей
Была предписана судьбой.

Потом кыргызка Алтынай
Китайцу сына родила.
Сам Эсенхан на старость лет
Ему дал имя Алмамбет.
Когда исполнилось шесть лет,
Отправлен был учиться он,
Где был учителем Аждар.
Учить детей имел он дар:
Как снег предупредить и дождь,
И как, когда наступит зной,

Какой погоды ждать зимой.
Но главная учеба все ж
Была там связана с войной.
Учил их с детства сам Аждар,
Как строить армию свою,
Чтоб побеждать всегда в бою,
Владеть секирой и мечом,
Как биться на коне верхом,
И как владеть в бою копьем,
Как реку бурную пройти,
Как на разведку в ночь идти.
И, проучившись десять лет,
Домой вернулся Алмамбет.
На поясе булатный меч,
В руке секира – айбалта,
Крепыш, красавец и атлет –
Таким он стал в шестнадцать лет.
Отец доволен был и рад:
Сын повзрослел, набрался сил.
Ему он тут же поручил
Вершить судебные дела.
И начал юный Алмамбет
К суду виновных привлекать,
А тех, кто был не виноват,
На волю тут же отпускать.
Ни у кого не брал он мзду,
Всегда стоял за правоту.
Был рад ответчик и истец,
Что появился, наконец,
В народе праведный судья.
Однажды он пришел в зиндан,
Увидел скованных в цепях

Тюркоязычных мусульман.
Семья на собственных полях
Растила, продавала чай,
Но был в стране неурожай.
Семья не заплатила в срок
Зекет – положенный налог.
Сын Алооке хан Конурбай
Забрал у них весь урожай,
Семью велел арестовать
И до суда не выпускать.
Судья свой вынес приговор:
Семью на волю отпустить!
Весь урожай им возвратить!
Налог немедля заплатить!
Конура – сына Алооке
И всех других предупредить!
Самоуправство прекратить!
Узнав об этом, Конурбай
К Алме примчался в хан-сарай
И начал на него кричать:
– Ты, недоношенный бурут,
Как смеешь ханских сыновей
Наказывать и поучать?
Вот соберутся все, придут,
Башку тебе здесь оторвут!
Верни мне чайный урожай!
Своих неверных мусульман
Отправь немедленно в зиндан! –
Орал во гневе Конурбай.
– Ты по отцу мне кровный брат!
Как смеешь на меня орать?!
Народ свой грабишь ты, как вор!

Отцов ты наших не позорь!
Я не позволю, чтобы ты
Позорил ханскую семью!
И алчность ты уйми свою!
Иначе вызову тебя
На эр-сайыш и там убью!
С тебя я выбью спесь и дурь!
Запомни это, хан Конур!
– Ты возомнил себя судьей!
Но здесь твой мусульманский бог
Тебя от смерти не спасет!
Башку от тела отсеку
И в грязном тазике с мочой
Я Эсенхану отнесу! –
И меч свой обнажил Конур.
Но Алмамбет опередил:
Секирой он нанес удар.
Конур успел подставить щит,
Иначе был бы он убит.
Он тут же бросился бежать.
Алма хотел его догнать
И там на месте dokonать.
Но конь Конура Алгара
Имел как будто два крыла:
Умчал от смерти седока.
Конур примчался во дворец
И Эсенхану доложил,
Что мусульманин Алмамбет
Предатель наглый и подлец.
При всем народе без причин
Ругает ханов Каканчин.
Все потому, что Алмамбет

Степной волчицей был рожден
И мусульманом был с пелен.
Видать, как волка ни корми,
Он все равно уходит в степь.
Пока не поздно, надо сбить
С бурута наглого нам спесь!
Иначе, дядюшка Эсен,
Зла натворит Алма нам здесь!
Во гневе страшном Алмамбет
Влетел к Эсену во дворец:
– Мой хан, доколе Конурбай
Глумиться будет надо мной?
Тогда зачем, скажите мне,
Назначен в ханстве я судьей?
Но Эсенхан был молчалив.
Невнятно промычав, как вол,
Поднялся с трона и ушел.
И Алмамбет был оскорблен!
Он раньше думал, что Эсен
Прозорлив, честен и умен,
Теперь же убедился в том,
Что хан, как подлый Конурбай,
Хитрец, хапуга, краснобай!
Алма решил его убить,
Всю власть в Китае захватить
И Конурбаю отомстить.
Когда продуман был весь ход:
Кого подкупит, как убьет
И как престол себе возьмёт.
Вдруг вышла как бы невзначай
Дочь Эсенхана Бурулча,
Собой прекрасна и стройна.

И нежно молвила она:
– О вас слыхала я давно,
И вами я восхищена.
За правду, честь и доброту
Стоять умеете, судья,
Но вас предупреждаю я:
Не верьте своему отцу!
Отец родной мой Эсенхан
Азизу – брату своему
Под страхом смерти приказал,
Чтоб вас он собственной рукой
Убил и в землю закопал.
И тут же мой отец сказал:
– Твой сын с рожденья мусульман,
Не даст он жить спокойно нам!
Алма был этим поражен:
Что будет так, не думал он.
К тому же тайно и давно
Был в Бурулча судья влюблен.
– О, Бурулча, прости меня!
Я видел здесь тебя не раз,
Мечтал послать к тебе отца –
Боялся получить отказ.
О, нежная, любовь моя!
Сейчас безумно счастлив я!
Пусть даже смерть мне здесь грозит,
Я за тебя останусь жить!
– О нет, мой милый, уходи
И жизнь свою ты сохрани!
Отец мой стар, не вечен он,
Когда уйдет он в мир иной,
В Бейжине будет хан другой –

Вернуться сможешь в край родной,
Забрать меня к себе домой.
И счастье возвратится к нам,
Мы будем жить, растить детей
С тобой на родине своей.
Чтоб был ты счастлив, мною рад,
Тебя до смерти буду ждать!
Прощай, Алма, любимый мой!
Тебя создатель пусть хранит, –
В слезах сказала Бурулча,
На шею своему Алма,
Надев буддийский талисман.
Был рад и счастлив Алмамбет,
Что повстречал здесь Бурулчу –
Любовь заветную свою.
Но не поверил он тому,
Что Азиз-хан, родной отец,
Желает гибели ему.
И Алмамбет пришел к отцу
– Узнал о том, что Эсенхан
Вам приказал меня убить.
Задумал, видимо, старик,
Отца и сына загубить.
Все потому, что старый хан
Делиться властью не привык,
И для спасенья мы должны
Скорей его опередить!
Я подготовил все к тому,
Чтоб захватить Эсена трон! –
Сказал отцу во гневе он.
– Я знаю, Конурбай наглец,
Но он тебе по крови брат.

И если ты таким путем
Задумал власть себе забрать,
То ты предатель и подлец!
Свершить такой переворот
Тебя кровь матери зовет! –
Ответил сыну Азизхан.
Такое слышать от отца
Алма никак не ожидал,
Чуть было не убил его,
Но вовремя себя сдержал
И, спрятав в ножны свой кинжал,
Пришел он к матери своей
И все подробно рассказал.
– Ревнив отец твой Азизхан,
Подозревает он с пленен,
Что ты не от него рожден.
А может ты, как бог Иисус,
Небесным духом был зачат.
В моей утробе пережил
Для мусульман святой обряд
В честь обрезания – суннат.
Ты здесь, на родине своей,
На гибель, сын мой, обречен,
Ты никогда не будешь хан.
Ты для китайцев здесь всегда
Бурут степной и мусульман.
И жизнь свою чтоб сохранить,
Бежать отсюда надо нам
В родной, обетованный край, –
Сказала сыну Алтынай.
И поздно ночью мать и сын

Вдвоем покинули Китай.
Домчались до Великих стен,
Где пограничные посты.
Алма всю стражу разбросал,
Но мать родную Алтынай
Не смог от гибели спасти.
Когда Китай был позади,
Взошли на главный перевал,
Настигла меткая стрела,
И мать убила наповал.
И прах несчастной Алтынай,
Похоронив в родной земле.
Приехал Алмамбет один
В далекий незнакомый край.

***Сказ о том, как Алмамбет
пришел к казахскому
хану Кокчө***

Бежав с Китая, Алмамбет
Бродил по краю много дней,
И прибыл на простор степей
Где в благодатный Сар-Арка,
Здесь правил с сыном много лет
Батыр казахский Айдаркан.
Увидев путника вдали,
Навстречу вышел сын Кокчө:
– Кто ты? Откуда держишь путь?
Ты по традиции степной

Отведай пищи, а потом
Мы познакомимся с тобой! –
– Отец – китайский хан Азиз,
По матери я сам кыргыз, –
Сказал казахам Алмамбет.
И дальше рассказал о том,
Как не ужился он с отцом.
О том, как подлый Конурбай
Его при всех оклеветал,
И как, спасая жизнь свою,
Он вместе с матерью бежал.
И, выбрав живописный стан,
Поставил юрту для Алмы,
Как брату, юный Кокчё-хан.
Изгой, скиталец Алмамбет
Доволен был судьбой своей:
В степи казахской приобрел
Хороших братьев и друзей.
Полгода в стане Алмамбет
Жигитов храбрых обучал:
Стрелять из лука, как копьем
Владеть в бою и как мечом
Рубить врага и брать живьем,
Догнав противника в бою,
Как при ударе айбалты
Сберечь им голову свою.
И вот, когда пришла весна,
С жигитами пошел Алма
К верховиям дарьи Амур.
Табун отборных скакунов
Пригнал оттуда Алмамбет.

Их позапрошлою весной
Угнал калмыцкий хан Жолой.
И хан Кокчё был очень рад:
Алма их возвратил назад.
Случилось так само собой –
Алма в народе стал судьей.
В советах мудрых он своих
Был честен, чист и справедлив.
Умел он честно рассудить,
И оправдать, и осудить.
И тут же мог определить,
Кто прав и кто здесь.
И вскоре хану и семье
Стал Алмамбет родней, чем брат.
– Друг преданный тебе Алма,
И мы должны его беречь, –
Сказала мужу Акэркеч –
Батыра старшая жена.
Но родичам не угодишь:
Кто выгадал, тот рад всегда,
А тот, кто дело проиграл,
Не примирится никогда.
А ведь еще и зависть есть –
Она сработала и здесь.
И тайно начали роптать:
– Сбежавший с родины калмак
Нас начал, как навоз, топтать.
– А хан Кокчё сдурел совсем,
Заткнул казахам глотку всем!
И порешили меж собой
Изгнать Алму любой ценой.

В народе знали: Кокчэ-хан –
Щедрейший, доблестный мужик,
Когда ж касается жены –
Он беспощаден, как мясник.
И тайно подкупили слуг.
Те распустили грязный слух,
Что Алмамбет и Акэркеч
Имели много тайных встреч.
Добрались сплетни до Кокчэ,
Что изменяет байбиче,
Когда он на охоте сам
Иль разъезжает по гостям.
Когда ночует у токол,
К супруге старшей – байбиче
Китаец ходит по ночам.
Заревновал батыр Кокчэ,
Стал друга верного ругать
Он бранным словом «Твою мать!»
И вот решил он, наконец,
Друзей и родичей собрать
И, если подтвердится слух,
Китайца подлого прогнать.
Когда собрались у Кокчэ,
Арак он выпил с кумысом,
Сказал: – Услышал я о том,
Что Акэркеч и Алмамбет
Развратную имеют связь!
И, если подтвердится слух,
Китайца подлого убью,
Свою неверную жену
В седло я задом посажу,

По всем кочевьям проведу,
Затем блудницу – шуркую
Своей рукой вот здесь убью!
А если это будет ложь,
То сплетники пойдут под нож! –
Сказал народу хан хмельной.
И здесь поднялся Айдаркан:
– Все знают, что мой сын ревнив.
Боишься вечно ты того,
Что кто-то глянет на нее.
Тогда скажи мне, почему
Ты взял красивую жену?
Бог наделяет красотой,
Чтоб любоваться мог любой!
Гордиться должен тот жигит,
Кому она принадлежит.
И не усмотришь никогда,
Коль хочет баба изменить!
И всем ревнивцам мой совет:
Чтобы без ревности прожить,
Свою красивую жену
Ты должен сам обворожить!
Но сын был пьян, неумолим,
Напрасно было спорить с ним.
– Собрались здесь мы все не зря:
Честь хана всем нам дорога –
Такого допускать нельзя! –
Сказали хитрые друзья.
– У каждого свой дом, семья,
Нам некогда следить за ней.
Спроси-ка лучше, хан Кокчэ,

У младшей женушки своей!
– Что знаешь, Бийдайгул, скажи,
Чисты ли предо мной они? –
Спросил Кокчё свою токол.
Красотка юная Бийдай
Была беспечна и глупа,
К тому же в этот день она
Была немножечко пьяна.
– Сестру я Акэркеч люблю,
И если грех она творит,
Судить ее я не могу!
Что делает она без вас
В том доме, я не услежу!
А если байбиче грешна,
Пускай признается сама! –
Лукаво молвила она.
Кокчё от ярости вскипел,
Алму тотчас позвать велел.
– Когда калмак войдет сюда,
Убейте тут же без суда! –
Во гневе приказал батыр.
Когда приехал Алмамбет,
Приветливо сказал «Салам!»,
То все, кто были в юрте там,
Ответили ему «Алик!»
И тут раздался ханский крик:
– А кто мне только что сейчас
Убить китайца угрожал?!
Как только появился он,
Дресней измазали штаны,
Как будто к нам сюда пришел

Могучий лев или дракон!
На мордах появился страх!
А гордость где твоя, казах?!
– Я не пойму, мой друг и брат.
Скажи мне, в чем я виноват? –
Спросил у хана Алмамбет.
– Вы слышали его ответ?!
Там, где цветет фруктовый сад,
Растет шиповник, говорят.
А там, где обитает лев,
В берлоге прячется медведь!
Ты знай об этом, Алмамбет!
– Выходит, ты – фруктовый сад,
Шиповник – я, колючий гад.
Ты – грозный и могучий лев,
А я – трусливый здесь медведь?
А может, все наоборот?
И это пьяному Кокче,
Его завистливым друзьям
Никак покоя не дает? –
Сказал ехидно Алмамбет.
– Ты лицемер! Развратник! Лжец!
Изменник родины! Подлец!
Связать его! – вскричал Кокче.
Жигиты бросились к нему.
– Назад! Убью! – вскричал Алма
И выхватил свой острый меч,
Готовый каждому, кто здесь,
Немедля голову отсечь.
Все знали: Алмамбет в бою
Не даст пощады никому,

И против сотни удальцов
Один он может устоять.
Но Алмамбет пришел в себя:
– Я вижу, наш почтенный хан
Напился, при народе пьян,
Забыл, что он правитель здесь.
Тебе совет мой: не теряй
Свое достоинство и честь!
Ты поступил со мной, как враг,
Не думал я, что выйдет так!
Прощай, мой друг! – сказал Алма.

Когда отъехал на коне
От юрты ханской Алмамбет,
Его догнала Акэркеч:
– Прости его, друг Алмамбет!
Поверил сплетням Кокче-хан.
Ты видишь, он до смерти пьян.
Как протрезвеет, знаю я,
Прощения попросит сам.
– О, нет, женгей! Я понял, здесь
Мне жить спокойно не дадут.
Где зависть, трусость, ревность, лесть,
Там будет подлость и обман.
Такое я уже видал,
И потому сюда бежал,
Оставив родину свою,
Любимая осталась там.
Прощай, женгей, и все забудь! –
Сказал Алма и вышел в путь.

Сказ о том, как Алмамбет пришел к Манасу

Собрал батыров хан Манас
И говорит: – Гляжу на вас
И вижу скуку и тоску.
Интриги, сплетни, суета –
От них не деться никуда.
Земля родная под ногой –
Нет повода идти нам в бой.
В походах ратных нет нужды –
Жиреют наши скакуны.
Осталось нам теперь всего
Жиреть, стареть и умирать.
Какая скука! Твою мать!
А может, на охоту нам
Всем вместе выйти? Как в бою,
Потешить руку там свою,
Отведать дичи, пострелять,
Волков с тайганом погонять!
И он с друзьями и чоро,
Когда-то воинов лихих,
Гуляк здоровых, холостых,
Теперь пузатых и больных,
Семейных, нажитых добром,
А то и дедушек седых,
С задором бросив старый клич,
Как на войну, повел на дичь.
Тайган Манаса Кумайык
Гонял волков со стаей псов,
А сокол верный Ак-Шумкар,

Хоть был уже довольно стар,
Но в небе дичь отменно брал.
И, настреляв десятка два
Косуль, архаров и козлов,
На берегу реки Талас
Чоро устроили привал.
И вдруг увидели они
Китайца-путника вдали.
Жигиты бросились к нему.
Увидев скачущих чоро,
Китаец сам свернул к реке.
– Ищу Манаса я, – сказал
Он на казахском языке. –
Ношу я имя Алмамбет,
Мне нынче двадцать восемь лет.
Отец – китайский хан Азиз,
По матери я ваш, кыргыз.
А дядя мой Алооке
Известен вам как лютый враг.
А сын его хан Конурбай
Двоюродный мне будет брат.
Коварный клеветник, злодей
Вас не считает за людей.
Отцу он учинил скандал,
За то, что тот без боя вам
Свой трон и Фергану отдал.
Наделал бед в судьбе моей:
Изгнал из родины своей!
И прибыл я сюда, в Талас,
Искать удачу и судьбу.
А Конурбая-подлеца,
Придет мой час, я сам убую!

Вы – братья матери моей.
Хочу остаться здесь, у вас,
И верой, правдой я, как друг,
Готов служить тебе, Манас!
Манас был очень удивлен,
И вспомнил: ночью видел сон,
Как будто вдруг могучий слон
К нему явился на поклон.
Спросил Манас своих чоро:
– Что будем делать с ним, друзья?
Один решать не волен я!
Он по отцу китаец, враг,
По матери родной наш брат!
Ему ответил эр-Бакай:
– Для человека главный смысл –
Его деяния и мысль!
Я верю в то, что Алмамбет
Поведал истину, не врет.
И здесь совет разумный мой:
Пора начать в честь друга той!
Был счастлив Алмамбет и рад.
До самой гибели своей
Манасу был он друг и брат.

Женитьба Манаса на Каныкей

Э -эй!

Манас, имевший две жены,
Прожил на свете тридцать лет.

И стал он часто горевать,
Что до сих пор потомства нет.
И Караборк, и Акылай
Умели ладить меж собой
И мужа по ночам делить,
Но не смогли они вдвоем
Манасу сына подарить.
Увидев, как тоскует друг,
Сказал Манасу Алмамбет:
– Хотя имеешь две жены,
Но в тридцать лет ты холостяк.
Ты к ним не сватался никак,
И не ходил к ним как жених,
Калым ты не платил за них.
Чтоб заключить с тобою мир,
Тебе в залог отдали их.
А может быть, наш высший Бог
Тебе потомства не дает
За то, что ты, ведя войну,
Не взял законную жену? –
Спросил шутливо Алмамбет.
Задумался Манас-батыр:
Ведь правду говорит капыр!
И тут же он пошел к отцу,
Сказал, что тот отцовский долг
Пред сыном выполнить не смог.
– Я тридцать лет уже прожил –
Меня, отец, ты не женил.
Невестку первую твою
Я как трофей забрал в бою.
Кайып бесплатно подарил,
Ему калым ты не платил!

Когда покинули Алтай,
Женой мне стала Акылай.
Ее отдал нам хан Шоорук,
Как куну заплатив за тех,
Кого убил он в том в бою.
Ты не позорь, отец, себя:
Ужели не достоин я
Иметь законную жену?
Я знаю, ты большой скупец,
Но долг свой выполни, отец!
А если за невесту вдруг
Предъявят нам большой калым,
Сполна расплатимся мы с ним –
Народ поддержит нас всегда.
Невестку добрую себе,
Отец, ты строго выбирай.
И чтоб была она милей,
Чем Караборк и Акылай,
Чтоб в ратном деле и труде
Совет давала мудрый мне,
И чтоб была она в семье
Подругой, верною женой.
Когда придет мой смертный час,
Чтоб мог я нею с глаз на глаз
Завет потомкам передать, –
Сказал отцу батыр Манас.
Жакып был очень огорчен:
Как раньше не подумал он!
На свете столько лет прожил,
А сына так и не женил.

Чтоб в скупости его никто
Не смог, как прежде, упрекнуть,
Взяв золото и серебро,
Куниц и прочее добро,
Искать невестку вышел в путь.
Прошел Жизак и Самарканд,
Ташкент, Узген, всю Фергану,
И, наконец, Жакып пришел
К таджикам, в город Бухару.
Наместник города Алим
(Он в дружбе был когда-то с ним),
Узнав, зачем пришел Жакып,
Совет дал другу своему:
– Бухарский властелин эмир,
Богатый, славный Атемир,
На выданье имеет дочь.
В округе знают, что она
Нежна, красива и умна,
И всем, кто сватается к ней,
Дает отказ и говорит,
Что ждет другого жениха.
Эмир бухарский примет вас:
Он знает, кто такой Манас.
Все помнят хорошо они,
Как эр-Манас, кыргызский хан,
Китайцев выгнал с Ферганы.
Рад будет породниться с ним! –
Такой совет Жакыпу дал
Наместник Бухары Алим.
И тут же страже доложил,

Что прибыл с делом во дворец
Манаса славного отец.
Эмир бухарский Атемир
Жакыпа тут же пригласил,
С большим почетом угостил.
Узнав, что бай Жакып пришел
Засватать дочь его Сани,
Сказал, что будет очень рад
С кыргызами вступить в родство,
Единство прочное создать.
Но есть условие одно:
У старшей дочери его
Характер твердый, нрав крутой:
Поклялась Санирабига,
Что если замуж отдадут,
Не показав ей жениха,
Покончит девушка с собой.
– И мой совет вам, бай Жакып,
Пусть сын ваш, доблестный Манас,
Ко мне приедет в Бухару.
И здесь ваш сын и дочь моя
Друг другу поглядят в глаза,
И если сладится у них –
Ваш сын достойнейший жених! –
Сказал Жакыпу Атемир.

В Талас вернулся бай Жакып,
Подробно сыну рассказал,
Как он невестку выбирал.
О том, как в Бухаре эмир

Его встречал и провожал.
О том, что Санирабига
Увидеть хочет жениха.
– Понравится – и лишь тогда
Она промолвит слово «да».
– Ну что, ж, мужайся, эр-Манас,
Иначе ты поедешь зря! –
Шутили близкие друзья.
– Умойся, ногти постриги!
Одежду, бороду, усы
В порядок должный приведи.
На лице грозном доброту
И нежный взгляд изобрази!
Манас, любуясь сам собой,
С дружиной мощной, боевой,
Как будто шел на смертный бой,
Со свитой в знойную жару
Приехал в город Бухару.
Манас был встречен, как кумир,
Со свитой вышел сам эмир –
Богатый, славный Атемир.
Все знали, что кыргызский хан
Принес в родной свой Туркестан
Свободу, равенство и мир.

Закончился обильный пир.
Вот свечи яркие зажглись,
И сестры Арууке, Сани
К гостям к фонтану напоказ
Танцовщиц юных привели.

Девчонки, милые собой,
Тростинкой гибкою прошлись,
И, шеи вытянув свои,
Прошли назад, как журавли.
Чуть обнажив свой гибкий стан,
В штанах прозрачных, как стекло,
Порхая нежно и легко,
Под бубен и приятный звон
И в ритме четком, озорном
Красавицы пустились в пляс.
Такой небесной красоты
В горах кочевник не видал.
Таджички грацией своей
Кыргызских воинов лихих
Чуть было не свели с ума,
Не уложили наповал.
И среди них была одна –
Прекрасна ликом и нежна,
И ростом выше чуть других,
В серьгах и бусах золотых,
И очи черные ее
Горели, словно две звезды,
Как будто только что они
Упали на лицо Сани.
И станом девушка была,
Как лебедь белая, стройна.
Жакып к Манасу подошел,
Шепнул тихонечко: «Она».
От умиления Манас
Слезу смахнул с горящих глаз.

Увидев Санирабигу,
Манас в восторге обалдел
И думал: «Будет ли предел
Ее небесной красоте?»
И он сдержать себя не мог,
Хихикал, словно дурачок,
Когда увидел пред собой
Невесты голенький пупок.
А рядом с нею Арууке –
Родная младшая сестра,
Хоть ростом несколько мала,
Зато красавица была.
– А сколько же сестренке лет? –
Спросил лукаво Алмамбет.
И было видно по глазам,
Что он влюбился в Арууке,
Готов на свадебный нике.
Когда свершился званый пир,
На встречу к дочерям пройти
Манасу разрешил эмир.
И вот Манас и Алмамбет
Явились в девичий покой.
Манас в традиции степной
Поцеловать хотел в ладонь,
Потом браслетик золотой
Невесте на руку надеть.
Но лишь к невесте подошел,
За локоть нежно взял рукой,
Она в мгновенье ока вдруг
Схватила маленький кинжал

И в руку нанесла удар.
Манас от боли застонал –
Такого он не ожидал!
– Как смеешь ты, кыргызский хан,
Дикарь, кочевник, грубиян,
Не совершив святой нике,
Притронуться к моей руке!
Мне честь девичья дорога! –
Вскричала Санирабига.
Схватился эр-Манас за меч,
Готовый голову отсечь,
Но встал меж ними Алмамбет,
Убийство совершить не дал.
Манас, униженный и злой,
В крови, с порезанной рукой,
Во гневе вышел из дворца
И дал приказ своим бойцам:
За оскорбленье отомстить!
Разрушить город Бухару!
Дворец эмира разгромить!
Танцовщиц, Рабигу с сестрой
Насильно увести с собой!
И город весь со всех сторон
Был враз войсками окружен.
А там, за крепостной стеной,
Кровавый начался разбой,
Несущий гибель Бухаре.
К отцу на утренней заре
Вбежала Санирабига:
– Спасти чтоб свой народ родной,

Я буду жертвовать собой!
К кыргызам я сама пойду
И там судьбу свою найду!
А если будет груб со мной,
Покончу тут же я с собой!
– Во гневе страшен хан Манас,
Боюсь, не пощадит он нас.
Когда кочевник оскорблен,
Жесток и беспощаден он! –
Сказал отец и дочь свою
Решил к кыргызам не пускать.
– О нет, отец! Пусти меня!
К Манасу я пойду сама! –
Сказала Санирабига
И, в руки белый взяв платок,
Подняв его над головой,
Пошла на смерть и подвиг свой.
Увидев женщину вдали,
Одну, идущую с платком,
Кыргызы не могли понять,
Что делать: ждать или стрелять?
И тут воскликнул Алмамбет:
– Да это ж Санирабига!
Смотри, Манас, к тебе идет
Невеста гордая сама!
И в миг Манас слетел коня,
И к ней навстречу побежал,
И рану с кровью на руке
Он, как безумный, целовал!
Таджичка нежною рукой

Его за шею обняла,
А он прижал ее к груди
И, как ребенок, зарыдал.
И показалось ей тогда,
Что создан богатырь Манас
Из золота и серебра,
Из поднебесной высоты,
Из теплой доброты земли.
И светится он изнутри,
Как солнце утренней зари,
Сияет в полумночной мгле,
Как в небе ясная луна.
И к цели он своей идет,
Как океанская волна.
Рожденный облаком небес,
Манас был чудом из чудес.
И объяснить не хватит слов,
В тот миг, когда в твоей груди
Трепещет пламенем любовь!
Могучий, храбрый эр-Манас
Врагов жестоких побеждал,
Но от побед тех боевых
Такого счастья он не знал!
– Ну, встань, мой хан! Прости меня!
Отныне дерзости такой
Ты не увидишь никогда! –
Сказала Санирабига.
И здесь же в станах тут и там
Раздались крики, шум и гам.
Светились ярко небеса,

Гремели горы и леса.
Открыв ворота Бухары,
Навстречу с музыкой пошли.
Потом и свадьба началась!
Так поженились хан Манас
И брат молочный Алмамбет:
Манас – на Санирабиге,
Алма – на младшей Арууке.

Прошли года. Прошли века.
Забылась Санирабига.
Осталось имя Каныкей,
Что значит – ханская никей.
И вот с тех пор до наших дней
Живет в народе Каныкей.
Таджичку древнюю кыргыз
Считает матерью своей.
Как символу любви, семьи,
Подруги, матери, жены
Мы поклониться ей должны!

*Юную жену Манаса народ
встретил восторженно. Первые
две жены Караборк и Акылай были
приветливы и тактичны. Сани-
рабига очень скоро освоила язык,
жизнь и быт кыргызов и вскоре
стала заботливым другом и совет-
чиком Манаса, признанной главой
семейства, снискала почет и ува-
жение всего кыргызского ханства.*

**Сказ о том, как
родственник Манаса Козкаман
хотел отравить его ядом**

Глава всех ханов Эсенхан
Задание сатрапам дал:
Пройти к Манасу и убить!
Тому, кто это совершит,
Он всенародно обещал
В награду ханство подарить.
Когда захватчик Алооке
Кыргызов с родины изгнал,
Потомок Орозду – Усен
Себе взял имя Козкаман,
Остался, притаился там.
О том, что Козкаман кыргыз,
Китаец ни один не знал.
И вот решили Козкаман
Со старшим сыном Кокчекоз
Пойти к Манасу в хан-сарай,
Войти в доверие к нему,
Там ядом хана отравить,
За преступление свое
Сполна награду получить.
И этот подлый Козкаман
Послал письмо свое в Талас,
В котором слезно описал,
Как он страдал своей семьей,
Служа захватчикам слугой,

Как унижался, голодал,
Как имя он свое скрывал
И как был рад, когда узнал,
Что всех Манас объединил
И ханство мощное создал.
Письмом растроганный, Манас
Позвал его с детьми в Талас,
С собою рядом поселил,
По щедрой доброте своей
Дал скот, кочевье, лошадей.
Воспрянул духом Козкаман,
И при народе, на виду
В слезах Всевышнего просил,
Чтобы Манаса он хранил.
Но почему-то Каныкей
Глубокой чуткостью своей
Не верила его словам.
И вот однажды Козкаман,
Когда все воины – чоро
Ушли гостить в соседний край,
Манаса пригласил на чай.
Сын Козкамана Кокчекоз
Хмельной арак налил в чойчек,
Речь перед гостем произнес:
– Тут братья все родные мы,
Но повелением судьбы
Бежали в разные края.
А вы – наш брат, батыр Манас,
Собрали заново всех нас,
От верной гибели спасли.

И эту водку я для вас
С Китая дальнего привез. –
И чашу с ядом Кокчекоз
С улыбкой хану преподнес.
Манас чойчек опустошил –
И в тот же миг лишился сил.
Предатель подлый Козкаман
И девять алчных сыновей
Решили тут же поскорей
Манасу голову отсечь,
В Китай к Эсену отвезти,
Чтоб ханство там приобрести.
И Козкаман, схватив кинжал,
Нетерпеливо ожидал,
Когда скончается Манас.
И чувствовал Манас-батыр,
Что покидает этот мир.
И думал он: «Где брат Бакай?
Где Каныкей? Где Ажибай?
А где два друга-близнеца –
Мой Алмамбет и мой Чубак?
Где мой Серек, родной Сыргак?
Где соколы, что на лету –
Мой Ырчы-уул и Шууту?
А где мой дядюшка Кошой?
Ужели, не увидев их,
Уйду сейчас я в мир иной?»
Стонал в бессилии Манас,
Уже не открывая глаз.
Жигит Манаса Акаяр

(Коня он хана охранял)
Увидел на закате дня,
Что конь Манаса Ак-Кула
Храпит, копытом землю бьет
И рвет у стойла удила.
И понял тут же Акаяр,
Что с седоком стряслась беда.
Помчался в хан-сарай скорей,
Где ждет Манаса Каныкей.
– Джене! Беда! Наш хан убит! –
С порога закричал жигит.
И тут же, вмиг собрав людей,
Помчалась к мужу Каныкей.
Сын Козкамана Кокчекоз,
Манасу голову зажав,
Приставил к горлу свой кинжал.
Но Каныкей своим мечом
Злодею отсекла плечо.
Жигиты тут же в миг один
Убили подлых сыновей,
Спалили юрты их дотла!
Ночами, не сомкнув очей,
Лечила мужа Каныкей.
И только через десять дней
Манас очнулся наконец.
Чуть было не сгубил его
Предатель Козкаман, подлец!

Поминки по хану Кокетею в долине Каркыра

Богатый, славный Кокетей
Веленьем бога и судьбы
Достиг своих последних дней.
Он гулко кашлял и стонал,
Почуял мудрый аксакал:
Закончились его года,
Что через день, а может, два
Уйдет из жизни навсегда.
Чтоб завещание сказать,
Он брата Баймурзу позвал.
– Я чую, смерть моя пришла.
Наследник у меня один –
Беспечный, юный Бокмурун.
Он в детстве нос не вытирал –
И так народ его прозвал.
Ему всего пятнадцать лет.
Я умираю. Сына нет.
Влюбился в деву Канышай,
На игры девичьи ушел
В аил другой, в соседний край.
Когда вернется он домой,
Ты завещанье передай:
Когда уйду я в мир иной,
Не плачьте громко надо мной.
Без шума, скромно, в тишине,
Как старика преклонных лет,
Старушку, прожившую век,

Отдайте прах родной земле.
И пусть мой сын из похорон
Не создает помпезный звон.
Пусть женщины – в начале дня,
С заходом солнца у огня –
Кошок прощальный в честь меня
На весь аил не голосят.
Ты Бокмуруну передай:
Гостей пусть много не зовет,
И пусть без скачек и призов
По мне поминки проведет.
В округе знают – я богат.
Пасется на моих лугах
Десятитысячный табун,
Баранов тысяч пятьдесят,
Верблюдов будет тыщи две,
А сколько яков и коров,
Никто еще не сосчитал.
И за богатых женихов
Я дочек замуж проводил.
И много золота, серебра
В казне своей я накопил!
А сын мой, юный Бокмурун,
Не для труда, видать, рожден,
Все это промотает он.
Боюсь, узнав, что умер я,
Враги кыргызов: Нескара,
И Соорондук, и Конурбай,
Могучий, алчный хан Жолой –
Прибудут в наш ташкентский край
Как будто смерть мою почтить,
И будут повода искать

Погром кыргызам учинить,
Мои несметные стада
Угонят в разные края.
Манасу весть пускай не шлет.
Всевластный хан Таласа он,
Кыргызский род теперь един,
Могуч, силен, непобедим,
Крепка дружина у него.
Коль силы некуда девать,
Чоро полезут на рожон.
И если съедутся на аш
Сам Нескара, Конур, Манас,
Боюсь, что смерть моя, родной,
Кровавой кончится войной.
Батыр кыпчаков хан Урбю,
И хан Чаткала Музбурчак,
И доблестный Кокче-казах,
Воспетый в сказах эр-Тоштюк,
Хан Андижана Санчыбек,
И сын Эштека Жамгырчы –
Единой власти не хотят
И меж собою говорят:
«Зазнался наш батыр Манас
И захватил один всю власть».
Не надо посылать им весть,
О том, что умираю я.
Боюсь, собравшись вместе здесь,
Рассорятся вконец друзья, –
Закончил, мудрый Кокетей
И, сделав свой последний вздох,
Покинул мир живых людей.
И не успели старика

Оплакать родичи, друзья,
Явился сын издалека.
И горько Бокмурун рыдал,
Что завещание отца
Из уст он лично не слышал.
Когда в горах спустилась ночь,
Умыв лицо от горьких слез,
По юртам люди улеглись,
Чернобородый Баймурза
Тихонько юношу позвал,
И завещание отца
Подробно сыну рассказал.
– Отец пред смертью дал завет:
Похоронить в родной земле
Не как правителя-вождя,
А как простого старика,
Как байбиче преклонных лет.
Без шума, скромно, в тишине
Просил он прах отдать земле.
Просил в округе никому
О смерти весть не подавать
И на поминки никого
Из ханов доблестных не звать.
Манаса, друга своего,
Просил на аш не приглашать.
И чтоб поминки провели
Без скачек, аламан-байги,
Без эр-сайыш, куреш, жамбы.
И по утрам чтоб на заре
Не плакал по нему никто.
И чтоб забыли поскорей,
Что жил на свете Кокетей.

Отец был славен и богат,
И я никак не смог понять,
К чему он это завещал.
А может, мудрый аксакал
Решил кончиною своей
Тебя на жадность испытать? –
В конце добавил Баймурза.
(И так сказал хитрец не зря!
На самом деле он хотел
Попить, поесть и погулять
На тризне в память старика).
Но завещание отца
Иначе понял Бокмурун:
Решил в знак скорби по отцу
Со всех концов собрать гостей
И так поминки провести,
Чтобы запомнили века,
Кем был покойный Кокетей!
И тут же приказал седлать
Коня по кличке Мааникер.
Помчался, чуть забрезжил свет,
Он к другу верному отца –
К Манасу получить совет.
И к вечеру лихой тулпар
Примчал его к реке Талас.
Узнав, что умер Кокетей –
Друг верный, преданный в боях,
Прижал к груди своей Манас
Его наследника в слезах.
А тот с досадой рассказал,
Что был от дома далеко,
О том, что при смерти отец,

Не сообщил ему никто.
Что завещания отца
Своим он ухом не слышал,
О том, что дядя Баймурза
Завет подробно передал,
Манаса слезно попросил,
Чтобы поминками отца
Он лично сам руководил.
Самодовольный эр-Манас
(Мы это видели не раз)
Такою просьбой был польщен
И Бокмуруну обещал
Поминки друга провести,
Чтобы весь мир узнал о нем,
На аше будет управлять
Не кто-нибудь, а лично он!
И Бокмуруну дал наказ:
Позвать на поминальный аш
Друзей и недругов вокруг,
А если кто откажет вдруг
И на поминки не придет,
Того здесь наказанье ждет!
Не понял юный Бокмурун
Приказа подлинную мысль
О том, что хан Манас решил,
Собрав на кокетеев аш
Врагов и недругов своих,
А с ними близких и родных,
Жигитов удаль показать
В стрельбе по золотой жамбе,
На эр-сайыше и борьбе,
На скачках аламан-байге,

Устроить боевой парад,
Чтоб убедились еще раз,
Как грозен и могуч Манас.
Совет Манаса получив,
Собой довольный, Бокмурун,
Как только наступил рассвет,
Уехал в солнечный Ташкент.
И быстроногий Мааникер
Помчался, как крылатый зверь.
О том, что ездил он в Талас,
Какой там получил наказ,
Никто из близких не узнал.

Вот старца отдали земле,
Упали на колени ниц,
Обряд прощальный провели,
Десятки жирных кобылиц,
Баранов сотню и коров
В честь хана в жертву принесли.
Кошоя Бокмурун позвал:
– Совет мне дайте мудрый свой,
Почтенный дядюшка Кошой.
Несметное добро и скот
Я как наследник получил,
Хотел бы ровно через год
Поминки с честью провести,
Со всех концов позвать гостей,
Чтобы надолго мой отец
Остался в памяти людей.
И на поминки в честь отца
Не пожалею я добра.
Пусть знают все в округе всей,

Кем был отец мой Кокетей!
Скажите, дядюшка Кошой,
Где есть широкое жайлоо,
Чтоб в юртах тысячи людей
Свободно можно разместить,
А рядом чтоб текла река,
Чтобы смотреть издалека
На скачки сотен лошадей.
В день жаркий чтобы для гостей
Прохлада нежная была!
И мудрый дядюшка Кошой,
Большой знаток земли родной
(Он на совет был зван не зря),
Сказал, что в мире места нет,
Чем благодатный Каркыра.
– Долина вечных снежных гор,
До неба синего простор,
Трава, как бархатный ковер,
Внизу бурлит река Кеген,
Такой ты не найдешь взамен!
Вода прозрачна, как слеза,
Вкусна, как райская зам-зам!
И юрты тысячным гостям
Поставить можно будет там.
Чтоб вырыть сотни очагов
Для самоваров и котлов,
Там есть места по берегам,
И выпас для коней найдем.
Дух Кокетея будет рад,
Коль там поминки проведем!

Окреп повеса Бокмурун.
За год сумел себе забрать
Он в ханстве родовую власть.
Велел в канун весенних дней
В далекий путь седлать коней,
А на верблюдов и волов
Котлы и юрты паковать,
На Иссык-Кульский отчий край
Велел аилам кочевать,
И тысячи голов скота
Погнать в долину Каркыра
И к берегам реки Кеген,
Где будет в честь его отца
Аш поминальный проведен.
А тот, кто хану возвразит,
Наказан будет в тот же миг:
Погасит в очагах огонь
И пустит по ветру золу,
Отнимет скот, спалит весь дом
И выгонит из ханства вон.
И хана юного никто,
Боясь, послушаться не мог.
Народ познал за этот год,
Как юный Бокмурун жесток.
Сложили юрты по частям,
Навьючив на волов и нар
Посуду, прочее добро,
Надев наряды на девиц,
Коню по кличке Мааникер
Украшив сбрую серебром,
Подняв зеленый стяг с луной,
Со свитой женщин и вдовой,

В браслетах, кольцах и серьгах,
В куницах, траурных платках,
В далекий выступили путь.
И кошокчи наперебой,
Договорившись меж собой,
Хвалили песнями в слезах,
Каким был ханом Кокетей,
Каким был храбрым на войне,
В миру, с друзьями и в семье,
Как свой народ он защищал,
Как дочек замуж выдавал,
Каких друзей он угощал,
Как за Манаса воевал,
Как славным и богатым стал.
Загнав в пути в десятый пот
Людей, коней и прочий скот,
К утру на сорок пятый день
Добрались до реки Кеген.
И изнуренный караван,
Прошедший долгий, трудный путь,
В долине предков Каркыра
Встречала горная заря.

***Приглашение на поминки
по Кокетею***

Вот на просторах Каркыра,
Поставив юрты с очагом,
По склонам гор пустили скот.
В котлы, бурдюки – чаначи
Кумыс полился с молоком.

Сын Кокетея Бокмурун
Айдара юного позвал,
Седлать тулпара Мааникер,
Готовить в путь он приказал.
– Ты всей округе сообщи,
Что поздней осенью, когда
Скотина вес свой наберет,
Когда подножный корм жайлоо
Верблюду пузо разорвет,
Настанет осень в Каркыра,
По хану Кокетею я
Аш поминальный проведу.
Того, кто в гости не придет,
Жестокая расправа ждет.
Мне поручил такой наказ
Не кто-нибудь, а сам Манас!
Из Маргелана Малабек,
Хан Андижана Санжыбек,
От Самарканда Алыбек –
Пускай прибудут все сюда,
К нам на поминки в Каркыра.
А дальше город Бухара,
Где правит славный Атемир, –
Ему привет мой передай!
А ближе в устье семи рек
Живут народы жедигер –
Багыша в гости к нам зови!
Хозяин гор, долин, лугов
Сын Будаыка Музбурчак –
Его ты пригласи на аш!
На берегу двух рек Кемин,
Бедняк он бывший, ныне бай, –

Урбю привет мой передай!
Там сын Эштека Жамгырчы,
С кыргызских всех они родов,
Скажи, просил их сам Манас
Прибыть на поминальный аш!
А на просторах Сар-Арка
Есть доблестный казах Кокче –
Зови его к нам в Каркыра!
И там калмыков род солон,
У них правитель Ороккыр,
И Кокетея видел он –
Его на аш ты позови!
Пройди в просторный ближний край,
Там, где лежит Большой Китай,
Там хан манжуров Нескара –
Зови его на аш сюда!
А рядом старец Алооке –
Его к нам в гости позови!
На берегу большой реки
С бегущей желтою водой,
Где правит ханством Конурбай,–
Пусть он со свитою своей
Прибудет к нам на пир большой!
А если вдруг откажет он,
Полезет снова на рожон,
Тогда пощады пусть не ждет –
Управу сам Манас найдет! –
Такой приказ дал Бокмурун.

Собрались тысячи гостей
От тюркских и других родов –
Родных, соседей и врагов.

Калмыки, персы и манжу,
Китайцы племени хан-су,
Батыры, свиты и войска.
И предводитель каканчей
Коварный воин Конурбай
Пришел с дружиною своей.
А хан манжурцев Нескара
Свои войска привел не зря:
Кыргызам он не мог простить
Того, что много лет назад
Груженный чаем караван
Захвачен ими был в пути.
Таивший злобу Нескара
Решил проверить лично сам,
Какие силы собрались
На аш в долине Каркыра.
И, посетив кыргызский стан,
Китайский хан увидел там
Батыров доблестных, лихих
И с тайной радостью узнал,
Что нет Манаса среди них.
Решил коней он посмотреть,
Готовых к скачкам – аламан.
Коня увидел Мааникер –
И оценил манжурский хан,
Что это истинный буудан.
И Нескара, Конур, Жолой
Совет держали меж собой.
Сказал батырам Нескара:
– Узнал я вечером вчера,
Сюда, на поминальный аш,
С дружиною не пришел Манас.

Видать, настал и наш черед
Бурутов крепко наказать.
Эй, Бокмурун! Поди сюда!
Зачем ты в гости звал меня?
Веди мне своего коня!
И если конь не будет тут,
Я накажу тебя, бурут!
И понял в страхе Бокмурун,
Что может поминальный той
Кровавой кончиться войной.
Помчался к юрте за рекой,
Где отдыхал старик Кошой.
– Что делать, дядюшка родной?
Расправой Нескара грозит,
С ним Конурбай и сам Жолой.
Я завещание отца,
Видать, не понял до конца.
И не подумал я о том,
Что те, кому окажешь честь,
В душе таят вражду и месть.
Не думал я, что Нескара
Приезд Манаса в Каркыра
На десять дней опередит.
Коварным был его расчет:
Пока Манаса с нами нет,
Кыргызам учинить погром;
Когда Манас придет сюда,
Его с дружиной окружить
И поголовно перебить.
Я вижу, дядюшка Кошой,
Поминки мы проводим зря.
Здесь, на просторах Каркыра,

Могилу рою для себя, –
Заплакал юный Бокмурун,
Вчерашний баловень, драчун.
И молвил мудрый хан Кошой:
– Так вот, юнец наивный мой,
Коль есть мечта у подлеца,
Забрать себе богатство, власть,
Не дрогнув, в жертву он отдаст
Родного сына и отца.
Любой ценой хотят они
Найти причину для войны.
И если ты коня отдашь,
Они найдут другой кураж.
Устроят ссору, так и знай!
И мой совет тебе, сынок:
Коня китайцам не давай!
Скорей к Манасу весть пошли
О том, что Нескара, Жолой,
А с ними подлый Конурбай
Хотят расправиться с тобой,
Сорвать наш поминальный той.
И тут же дядюшка Кошой
Письмо Манасу написал,
И ночью тайною тропой
В Талас Айдара он послал.

Прибытие Манаса в Каркыру

И ровно на четвертый день
К зеленым берегам Кеген

Приехал эр-Манас на той
С своей дружиной боевой.
И криками «Манас! Манас!»
Кыргызы бросились встречать
Манаса доблестную рать.
Со старческой скупой слезой
Обнял Манаса хан Кошой.
– Дождался, наконец, народ
Свою опору и оплот!
Здесь Конурбай и Нескара,
Прожорливый толстяк Жолой
Погром устроили вчера.
Приехав в гости к нам на аш,
Войну готовят против нас.
И требует сам Нескара
Отдать тулпара Мааникер.
Решай, как быть, могучий шер!
– Мой хан! – вмешался хан Урбю. –
Отдай коня им Мааникер!
Мой друг Манас, ты мне поверь,
Иначе поминальный той
Кровавой кончится резней!
– О чем ты просишь, хан Урбю?!
Тебя я здесь не узнаю!
Ужель не знаешь ты меня?
Ты хочешь, чтоб я наглецу
С почетом подарил коня?! –
Вскричал Манас и вдруг камчой
Урбю ударил по лицу.
Его плетеная камча,
Как сталь булатного меча,
До кости щеку рассекла,

И кровь у хана потекла.
И тут все ханы и чоро
Взялись за сабли и мечи.
– Уймитесь! – закричал Кошой. –
Вы что, хотите, дураки,
Резню устроить меж собой?
Я вижу, слава, сила, власть
Тебя испортили, Манас!
Когда кричат «Манас! Манас!»,
Ты рад, краснеешь, как кумач,
И пыжишься, как будто ты
Надутый воздухом чанач!
Но знай, кто хвалит нас в глаза,
Тот подхалим и лизоблюд!
А если власть в твоих руках,
Разумным, справедливым будь!
Урбю здесь всем известный хан,
Плечом к плечу он был с тобой,
Не раз под знаменем твоим
Ходил Урбю на смертный бой.
А ты, как низкого раба,
При людях хана оскорбил!
Ответил старцу хан Манас:
– Мой хан, я уважаю вас,
Пред вами голову склоню
И в мирной жизни, и в бою
За возраст, справедливость, ум!
Урбю забыл ваш об одном:
Не для того Манас рожден,
Чтоб лебезить перед врагом!
И тут явился Баймырза
В крови, подтеках и сказал:

– К нам завалился сам Жолой
И в юртах учинил разбой!
Опустошили казаны
И мясо унесли с собой!
Связали и избили нас!
Для этого ль ты, Бокмурун,
Проводишь поминальный аш?
– Вот, хан Урбю, ты видишь сам,
Нельзя потворствовать врагам! –
Сказал с укором эр-Манас
И крикнул: – Бейте в добулбас!
Где Алмамбет? Чубак, Сыргак?
Нас окружил коварный враг!
С дружиной ты, старик Кыргыз,
В обход зайди к китайцам в тыл!
– Не горячись, Манас, постой,
Ты волю гневу не давай! –
Остановил его Бакай. –
Уставший от войны народ
Теперь спокойно скот пасет,
Рожает и растит детей
И урожай берет с полей.
А если мы убьем гостей,
Китай Великий не простит,
За них жестоко отомстит.
И снова гибель и война!
Окровавленная земля!
И вновь придется, так и знай,
Нам возвращаться на Алтай.
Пошлем людей, поговорим
И как гостей их пристыдим.
А если не пойдут на мир,

Устроим им кровавый пир!
– Согласен с вами, брат Бакай!
Тогда пусть Нескара, Жолой
И давний враг наш Конурбай
Прощенья просят предо мной!
Но тут сказал старик Кошой:
– Манас, горяч во гневе ты,
Боюсь, наделаешь беды!
Пусть к ним пойдут держать совет
Бакай, Чубак и Алмамбет.
Калмыки знают наш язык,
Китайцы слышать не хотят,
И если Алмамбет пойдет –
Договорятся меж собой, –
Закончил дядюшка Кошой.
На всякий случай, для гостей
Взяв чапаны и тебетей,
И под охраной боевой
Бакай, Чубак и Алмамбет
Пошли к врагам держать совет.
Узнав, что прибыл в Каркыра
С дружиной грозной эр-Манас,
Встречать манасовых послов
Со свитой вышел Нескара.
– Пришли, проделав долгий путь,
Чтоб Кокетея помянуть.
Со мной бесстрашный Конурбай,
С дружиной богатырь Жолой.
Мы привели в кыргызский край
Стрелков, борцов и скакунов,
Чтоб на турнирах и байге
Народу удаль показать,

Призы себе завоевать.
Пораньше прибыли мы к вам,
Чтобы привыкли скакуны
К долинам вашим и горам –
Они ведь не привычны нам.
Дай Бог, чтоб прибыли не зря, –
Сказал шутливо Нескара.
– С досадой я узнал о том,
Что наши воины-юнцы
Забрали мясо из котлов –
Проголодались, видно, псы!
Я наказал их поделом.
И очень радуется всех нас,
Что будет ашем управлять
Прославленный батыр Манас.
Прошу прощенья, хан Бакай!
В знак извиненья от меня
Примите лучшего коня.
Таков ему подарок мой! –
Сказал с поклоном Нескара.
Бакай, Сыргак и Алмамбет,
Переглянувшись меж собой,
Решили Нескаре надеть
Расшитый золотом чапан,
Из суусара тебетей.
И были обе стороны
Довольны миссией своей.
Кыргыз, китаец и манжу
Забыли старую вражду.
Приколы, шутки, звонкий смех
И днем, и ночью, на заре
Не умолкали в Каркыре.

И юный Бокмурун не смог
Сдержать своих счастливых слез.
И Мааникера поводок
Манасу доблестному в дар
Он, улыбаясь, преподнес.

Смотр скакунов

А рано утром, на заре,
Едва в лучах затрепетал
Зеленый кокетеев стяг,
Все гости разом на конях
Помчались к берегу Кеген,
Чтоб посмотреть и оценить
На старт идущих лошадей.
По обе стороны реки
По сорок, пятьдесят рядов
Толпились тесно седоки,
Оставив в центре полосу
Примерно в сто больших шагов.
Побольше черных муравьев
Собрался здесь поток людской,
Как будто это был не аш,
А пышный и веселый той.
На скачках аламан-байге,
Для тех, кто первенство возьмет,
Был выделен богатый скот:
Пять тысяч лучших лошадей,
Верблюдов тысяча пятьсот,
Полсотни тысяч коз, овец.
И те, кто вел скоту учет,

Сбивались с ног, чтоб подсчитать.
И ровно девяносто юрт
Установили вдоль реки,
Чтоб там сидели старики,
И в каждой юрте кыз, жигит,
Чтоб чай подать, кумыс налить.
– Пускать коней! – раздался крик.
Кыргызы, персы и манжу,
Приветствуя коней своих,
Долину оглушили вмиг.
Кангайской деве Оронгу
Почёт оказан был везде,
Возникла первой на кругу
Ее кобыла Кулабээ.
За нею легкою рысцой
Тулпар Манаса Ак-Кула
В прекрасный форме скаковой,
Как элик, стройный и лихой,
Готовый мчатся хоть куда.
За ним уверенно пошел
Широкогрудый и большой
Скакун Жолоя Ачбуудан.
И все заметили вокруг:
Друг другу два коня под стать,
Похожие, как близнецы,
На двух играющих зайчат.
За ними гордо гарцевал
Конь Бокмуруна Байтору.
А вслед за ними вдоль реки
Пошли другие скакуны:
Конь Мурадыла Кылжейрен,
Конь Музбурчака Телкурон,

Друг эр-Тоштюка Чал-Куйрук,
Два черных скакуна Урбю,
От Кокчохана – Кокала,
И конь Кошоя Чонсарат.
И дальше сотни две иль три
Тулпары стройные прошли.
Друг другу все они под стать,
Готовые в любой момент
До края проскакать земли.
И больше тысячи коней,
Один другого постройней,
Ушли на аламан-байге,
Чтоб ровно через восемь дней
Вернуться к финишу назад,
Где всех примчавшихся коней
Ждать будут тысячи гостей.
А хитроумный Конурбай
Коня по кличке Алгара
На скачки с ними не пустил –
Конем похожим заменил.
Решил на свежем Алгаре
В турнире эр-сайыш копьем
Манаса выбить из седла
(Придёт усталым Ак-Кула!)
И как победный приз забрать
Его любимого коня.
На старт отправив скакунов
С охраною из всех родов,
Вернулись на речной простор,
Ширдаки расстелив у гор,
Накрыв обильный досторхан,
Подали поминальный аш.

Когда молдо прочел коран,
Буддист, хрестьянин, мусульман –
Все вместе, повторив «Омин!»,
Воздели руки к небесам –
И с неба Кокетея дух
Благословенье дал гостям.

Стрельба по золотой жамбе

Возврата скачущих коней,
Придется ждаться семь-восемь дней.
И надо было развлекать
Игрой и зрелищем гостей.
Повесили на двух соснах
На тонких шелковых шнурах
Из слитка золота жамбы.
По кругу вставленный алмаз
Блестит и соблазняет глаз.
И если пулей иль стрелой
Шнуры из шелка перебьешь –
С алмазом слиток золотой
За меткость тут же будет твой!
Стреляли гости сотни раз,
Прищурив зорко меткий глаз,
Но в цель никто не смог попасть!
К мишени вышел Конурбай.
Он десять раз пускал стрелу,
Потом стрелял он из ружья –
Но все попытки были зря!
Гортанным криком заорав,

Чтоб показать, что метче всех,
Стрелял по цели Нескара,
Но вызвал только громкий смех.
Решил удачу испытать
В стрельбе по цели сам Жолой.
Прищурив узкий меткий глаз,
Стрелял по диску он не раз,
Но в цель никак не мог попасть.
Самоуверенный Жолой
Сам недоволен был собой.
Но вот поднялся эр-Манас!
Ударил дважды добулбас –
И тут же сорок молодцов
По двадцать встали в два ряда.
А к центру вышел чал-Кыргыз
И тебетей подкинул вверх.
Из лука выстрелил Бакай
И, в тебетей попав стрелой,
Не дал ему на землю пасть.
И сорок ловких меткачей,
Пронзая этот тебетей,
Держали в небе над собой!
Довольный зрелищем, Манас
Ударил трижды в добулбас –
И сорок доблестных чоро
Мгновенно выстроились в ряд
И, в ружья заложив заряд,
Огонь открыли по жамбе.
К мишени вышел хан Бакай
На быстроногом Бозжорго –
И с ходу выстрелом одним
Шнурочек тонкий перебил.

Помчался Ажибай за ним –
И нить другую прострелил.
На верном друге Сарала
К мишени вышел Алмамбет –
И цель прострелена была.
За ним понесся Кокала –
И метким выстрелом Чубак
Порвал еще один шнурок.
Сыргак, нажавши на курок,
Порвал еще один шнурок.
Жамбы одна держала нить –
Порвать ее никто не мог,
Пока не вышел сам Манас
С ружьем могучим Ак-келте.
Из дула пыхнул черный дым –
Меж сучьев и через листву,
Сверкая диском золотым,
Мишень упала на траву!
Манас взял слиток золотой
И в дар Кошою преподнес.
А мудрый дядюшка Кошой
К жамбы притронулся рукой:
– Поскольку это первый приз,
То пусть останется с тобой! –
С победой всех благословил
И приз Манасу возвратил.

Борьба Кошой с Жолоем

Наутро Кокетея стяг
В долине вновь затрепетал.

Сын Ырамана Ырчы-уул
На площадь всех гостей созвал.
– Спешите на балбан-куреш!
И тот, кто победит в борьбе,
Тот будет рад своей судьбе:
Получит тысячный табун.
Так обещал сам Бокмурун! –
Кричал горластый Ырчы-уул.
Тут спор пошел среди гостей:
Перебирали силачей,
Кто сможет в силовой борьбе
Прославить родовую честь.
Но силачи из разных стран
Не выходили на майдан.
Напрасно дядюшка Кошой
(Он всеми избран был судьей)
На круг батыров вызывал,
Богатым призом соблазнял.
Вот от калмыков вышел в круг
Могучий богатырь Жолой.
По шесть батманов он съедал
Пшеницы за один присест.
Он сам убил в бою одном
Врагов сто восемьдесят шесть!
Пропахший мясом и бузой,
Доспехи снял с себя Жолой
И крепкий торс свой обнажил.
Могуч в плечах и коренаст,
А голова с большой казан,
Одутловат, лицом широк,
С полтыквы каждая щека.
Как тигр, готовящий бросок, –

Бесстрашен, грозен его вид.
Любого встречного врага
Он лапой может раздавить.
Его плетеная коса
Потолще конского хвоста.
По возрасту лет сорок пять
Жолою с виду можно дать.
В глазницы впалые глаза –
Считай, вороньих два гнезда.
По двум лопаткам на спине
Промчатся можно на коне.
А мышцы на его грудях –
С глубокий и большой тавак,
В котором пятерым гостям
Дают дымящий бешбармак.
И все соратники его
Просили, на колени встав,
Родного бога своего
Победу их вождю послать.
От тюрок, персов, мусульман
Никто не вышел на майдан.
Калмыцкий мощный богатырь
Хитер, опасен, как шайтан,
Его так просто не возьмешь.
Тому, кто выйдет на куреш,
Последним станет этот той.
Напрасно дядюшка Кошой
Своих батыров звал на круг.
Он уговаривал, стыдил,
Что ради чести родовой
Жалеть не надо своих сил.
Никто не шел на этот риск,

Хоть обещал сам Бокмурун
Тому, кто победит в борьбе,
В награду тысячный табун.
Отчаявшись вконец, старик
Пошел к Манасу самому.
– Манас, силен ты и могуч!
Надежды нет у нас другой –
Ты сможешь крепкою рукой
Жолоя толстого свалить!
– Аба, я с детства неуклюж
На рукопашный бой – куреш.
В бою и играх на коне,
Ты знаешь, нет замены мне.
И если выйду я сейчас,
Подумают, что хан Манас
За призом вышел на ковер.
А если победит Жолой,
Кыргызам всем большой позор!
А может, дядюшка Кошой,
Тряхнете славной стариной?
Ведь сколько раз гигант Жолой
У вас валялся под ногой!
А если нету среди нас
Достойного ему борца,
То пусть не состоится бой
И приз возьмет себе Жолой!
Растерян был батыр Кошой:
– Я был когда-то молодой –
И устоять не мог Жолой!
Схватив его за толстый торс,
Бросал на землю, как жолборс.
Но как бы ни был ты могуч,

Года всегда берут свое.
Но что поделаешь, мой хан?
Придется в восемьдесят лет
С калмаком выйти на майдан.
В последний раз в таком бою
За честь кыргызов постою!
И если даже упаду,
Не стыдно будет старику.
Я только одного боюсь:
Ослабли руки у жены –
И сиромятные штаны
Из козьей кожи сшила мне.
А вдруг бессовестный Жолой
За тонкие штаны возьмет
И на две части разорвет?
Кругом народ! Что будет с ним,
Когда увидят все вокруг
Меж ног висящий организм?
Мне стыд, позор, а людям смех –
Потехой стану я для всех!
А может, у кого-то есть
Из прочной шкуры кандагай? –
Спросил в надежде хан Кошой.
Достал Манас из-под седла
Из шкуры прочной кандагай.
– Вот вам штаны, мой абаке.
Я, выезжая к вам на той,
На всякий случай взял с собой.
Пошила лично для борьбы
Невестка ваша Каныкей.
Спасибо вы скажите ей!

Бери, аба, и примеряй!
Но старому богатырю
Штанина узкая была –
И до колена не дошла!
– Где Каныкей? Позвать сюда! –
Жигитам приказал Манас.
Дочь Атемира Каныкей
Стройна, прекрасна, как газель,
И сорок молодиц за ней
Сквозь строй ликующих гостей,
Как стая белых лебедей,
В нарядах за ханум прошли.
– И что за детские штаны
Пошила на смех людям ты?! –
Спросил он гневно у жены.
С улыбкой светлой, как луна,
Манасу молвила она:
– Мой повелитель, я для вас
Из шкуры диких кабанов
Пошила этот кандагай.
На всякий случай среди швов
Оставила большой запас, –
Сказала нежно Каныкей,
С Манаса не спуская глаз.
Когда два дюжих молодца
Штаны распяли в два конца,
Они пришлось в самый раз!
Как будто прочный кандагай –
В куреше прочный, крепкий щит –
Кошою лично был пошит.
Доволен был старик Кошой

Своей невесткой молодой,
С поклоном обратился к ней:
– Дитя мое! О Каныкей!
Для счастья бог тебя создал,
Чтоб лик твой ночью, как луна,
Дорогу мужу освещал,
А днем, как солнце в небесах,
Кыргызам горы озарял.
Ты просьбу от меня прими –
Манасу сына подари!
И в честь победных наших дней
Ему дай имя Семетей!
Чтоб вечным был Манаса род,
Вслед за батыром шел батыр –
И защищали свой народ!
В благословеньи хан Кошой,
Мудрейший и, как лунь, седой,
Подняв ладони к небесам,
Просил, чтоб Кокетея дух
Оберегал невестку сам.
И все, кто был на том пиру,
Невольню вторили ему.
И старый доблестный батыр,
Готовый к схватке боевой,
Достоинно вышел на майдан,
Где ждал его гигант Жолой.
– Безумец старый! Может, ты
Не знаешь, кто перед тобой?!
Эй! Посмотри! Я хан Жолой!
И если ты в штанах чужих –
Сейчас же потеряешь их! –
Сказал Жолой, и тем у всех

Невольню вызвал громкий смех.
– Тебя узнал я, хан Жолой!
И вспомнил наш куреш с тобой!
Как я броском через бедро
Прижал тебя к земле спиной,
И ты, хвастливый хан Жолой,
Лежал, как баба, подо мной! –
Сказал Кошой, и весь народ
От смеха надорвал живот.
И тут взбесился эр-Жолой,
Схватил за пояс старика,
Но повалить не мог никак!
Руками мощными Кошой
Противника держал за кисть.
Ее он вырвал кое-как –
Осталась шкура на руках.
Пытался каждый курешчи
Подножку дать, взять на бедро,
Свалить приемом болевым,
Но победить не мог никто.
И после каждого броска
Народ кричал и ликовал,
Победы от батыров ждал.
Настала ночь. Возшла луна.
В долине звездной Каркыра
Боролись два богатыря.
Никто из них не уступал.
Никто на землю не упал.
И вдруг почувствовал Жолой:
Устал, расслабился старик
И на ногах едва стоит.
Вцепился в пояс боевой

И на плече его храпит!
Кошоя спящего Жолой
Поднял высоко над землей
И в горы старца потащил:
Хотел, прикрывшись темнотою,
Убить об камень головой!
Болельщики подняли крик,
Но крепко спал, видать, старик.
Жолоя тут Манас догнал:
– Проснись, аба! – он заорал.
И вдруг Кошой глаза открыл,
Рванулся из последних сил
И с ног Жолоя тут же сбил,
Перехватил через бедро
И наземь бросил, как ведро!
Жолой, ударившись спиной,
Подняться сам уже не мог –
И через голову его
Старик Кошой перешагнул.
А Конурбай и Нескара,
Китайская вся сторона
Безумный крик тут подняла,
За то, что богатырь Кошой
Лежащего ногою пнул,
Ну, а потом перешагнул.
Нарушил правила бурут,
Прилюдно хана оскорбил!
Взялись за копья и мечи.
Ища защиты от врага,
К Манасу бросилась толпа.
Но хан Бакай вступился тут
И усмирил растущий гнев.

Он за поступок старика
Просил прощенья у гостей,
Просил обиды все забыть
И состязания продлить!
Потом рассказывал Кошой:
– Когда хватал меня Жолой,
Размял, видать, своей рукой
В костях отложенную соль –
В суставах прекратилась боль!
Давненько этим я страдал,
И я, бедняга, в тот же миг
От удовольствия заснул.
И если б не Манаса крик,
Живым бы не увидел вас! –
Смеялся доблестный старик.

Поединок Манаса с Конурбаем

Сын Кокетея Бокмурун
Последний объявил турнир.
– Пока примчатся скакуны
С далекой аламан-байги,
Пусть состязанье эр-сайыш
Закончит поминальный пир.
На приз две тысячи коней
Получит тот, кто победит.
Кто проиграет, тот отдаст
В придачу своего коня! –
Кричал он на закате дня.
С утра собрался весь народ.

Вот солнце поднялось в зенит,
Но на турнир по эр-сайыш
Никто не выступил вперед:
В турнире с боевым копьем
Смертельным может быть исход.
И только вечером к реке
На Алгаре, с копьем в руке
На битву вышел Конурбай.
– Я Конурбай, китайский хан.
Со мною выйти на майдан
Имеет право только хан.
Такие правила у нас!
Пусть выйдет на сайыш со мной
Кыргызский хан или Манас!
Кто будет выбит из седла,
Тот своего отдаст коня! –
Гремел отважный Конурбай.
(Иметь коня, как Ак-Кула,
Сам Конурбай давно мечтал.
И для того он Алгару
Берег, на скачки не послал).
На шею повязав ремень,
Пришел к Манасу Алмамбет.
– Мой хан, за вас пойду взамен!
Самодовольный Конурбай –
Соперник мой и вечный враг.
Позвольте мне, мой добрый брат,
Сразиться с Конурбаем здесь!
При всех собью с него я спесь!
Подонка я в расход пушу,
За все обиды отомщу!

– Нет, Алмамбет, прости меня:
Подумают, что струсил я,
И для потехи на сайыш
Я двух китайцев натравил.
Как жаль, что своего коня
На скачки я пустил вчера!
Ты лучше, брат мой Алмамбет,
Отдай коня мне Сарала.
В бою твой конь не подведет,
Как друг мой верный Ак-Кула!
И Алмамбет, сойдя с коня,
Отдал Манасу Сарала.
И тут с поклоном подошла
Жена Манаса Каныкей,
И сорок молодиц за ней,
ЧAPAN с броней ак-олпок,
Пошитый ею, подала.
И мудрый аксакал Бакай
Манаса в бой благословил,
Чтоб непременно победил
И честь кыргызов защитил.
Посредник и судья Кошой
Достал на жребий медный грош,
Чтобы узнали меж собой:
Кто бой начнет, кто примет бой.
Его Манас остановил:
– Хан Конурбай – кыргызам гость.
К гостям у нас святой почет –
И первым пусть Конур начнет!
И, взяв копье с тупым концом,
Помчался первым Конурбай,

Чтоб сбить Манаса из седла,
Из рук батыра вырвать щит
И беззащитного убить.
Но ловкий, опытный Манас
Копье соперника отбил.
Затем настал его черед –
Помчался Сарала вперед.
Но Конурбай не промах был –
Щитом копье его отбил.
И так, считай, до тридцати
Ломались копья о щиты.
Потом пошли на ближний бой –
Скрестили копья меж собой.
Вот с криком ярым Конурбай
Нанес удар что было сил –
Манаса чуть с коня не сбил!
Конец копья, минуя щит,
Манасу впился в правый бок,
Но спас от смерти ак-олпок!
Он, тут же развернув коня,
Нанес китайцу свой удар.
Конур отбить удар не смог,
Упал на землю, как мешок,
И не спасла его броня!
Быстрее пущенной стрелы
Манас помчался к Алгаре
И за узду схватил коня.
Но тут бедняга Конурбай
В слезах, колена преклонив,
Манаса начал умолять:
– Народ увидел еще раз,

Как ты могуч, батыр Манас!
Склоняю голову свою!
Вот сабля. Хочешь – отруби!
Пусть тут же я сейчас умру –
Верни, Манас, мне Алгару! –
Просил поверженный батыр.
Манасу стало жаль его –
Конуру бросил он чылбыр.
За этот благородный жест
Обрушил гнев свой Алмамбет:
– Манас, нет спору, ты силен,
Но мудростью ты обделен!
Видать, недаром в детстве был
Большим болваном наречен!
Зачем отдал ты Алгару
Непримиримому врагу?
А подсчитал ли ты в уме,
Какое зло он принесет
Кыргызам всем, тебе и мне
На этом боевом коне?!
Зачем, Манас, ты отпустил
Лису, попавшую в капкан?
Когда б коня ты не отдал,
Я б Конурбая наказал!
За все обиды я свои
Ему б жестоко отомстил!
Пока живет калча Конур,
Кыргызам не видать добра!
Ты сам, мой хан, поймешь не раз,
Что Алгару отдал ты зря!

Завершение поминок по Кокетею

На день восьмой Бакай собрал
Соратников и рассказал,
Что весть хорошая пришла:
– Тулпар Манаса Ак-Кула
В пути коней всех обогнал.
За Ак-Кулой идет вослед
Скакун Жолоя Ач-Будан.
А столько призовых побед
Враги кыргызам не простят.
И могут Ак-Кулу подсечь,
Из дула выпустив картечь.
Тулпар китайцев Ач-Будан
На Ак-Кулу, как брат, похож.
Прошу, мой храбрый Алмамбет,
Надеть китайский свой наряд
И на китайском языке
В поддержку Ак-Кулы орать.
Тогда наш конь живым придет
И приз назначенный возьмет.
Совету Алмамбет был рад,
Надел китайский свой халат,
А Саралу, чтоб не узнать,
Попоной вышитой накрыл.
Приняв за своего Алму,
Китайцы кланялись ему.
И видит, у подножья гор
Несется к ним во весь опор
Скакун Манаса Ак-Кула.

За ним вдогонку, как стрела,
Летит китайский Ач-Будан.
Похожи оба скакуна
На двух резвящихся зайчат,
Которых трудно отличать.
Навстречу выехав, Алма
Стал громко «Ач-Будан!» кричать.
В засаде ждавшие враги
Не стали в Ак-Кулу стрелять.
Как только первый конь байги
Примчался к берегам Кеген,
Известно стало сразу всем,
Что на седле его сидит
Таласский молодой жигит,
Под ним кусает удила
Не Ач-Будан, а Ак-Кула.
Манаса боевая рать
Коня помчалась охранять.
Орали не жалея сил –
И конь кыргызов победил!
(Не знал довольный Алмамбет,
Что ход обманной с Ак-Кулой
Закончится большой бедой).
Пригнал в долину Бокмурун
На приз двухтысячный табун.
Манас всех призовых коней
Дружинникам своим раздал.
Потом подали бешбармак –
На четверых один тавак.
Лились рекою для гостей
Бозо, кумыс, хмельной арак –
Гремел победный той в горах!

Устав от игр и кутежей,
Уснули гости наповал.
Глубокой ночью в Каркыра
Неугомонный Нескара
Китайских ханов всех собрал.
– Зачем мы прибыли на аш,
Коль в поединке и байге
Никто не победил из нас?
В жамбы никто не мог попасть,
В куреше проиграл Жолой,
И оскорбил его Кошой.
Да и тебя, хан Конурбай,
Копьем свалил с коня Манас.
Как дураков, на скачках нас
Надул коварный Алмамбет –
Предателю прощенья нет!
Мы всюду потерпели крах.
Наглеет с каждым днем бурют,
Преграды нет ему в горах.
Кыргызам только волю дай!
Видать, забыли, как они
От нас бежали на Алтай!
Сегодня восстановим здесь
Свою поруганную честь!
Прикрывшись темнотой ночной,
Устроим им кровавый той!
Жигитов накрепко вязать!
Бойцов на месте убивать!
Коней всех в табуны собрать,
Пока не занялась заря,
Немедленно в Китай угнать! –
Так повелел хан Нескара.

Батыр китайский Конурбай,
Глава калмыков хан Жолой,
И вождь солонов Ылама,
А с ними старый Нескара –
Все, пировавшие вчера,
Договорившись меж собой,
Жестокий начали разбой.
И это был кромешный ад!
Как сель бушующий, потоп!
Зола костров, и дым, и чад
Затмили звездный небосвод.
Горели юрты, скот живой.
Громил обиженный Жолой.
А Конурбай – подлец, злодей
Вязал и убивал людей.
Другие гнали лошадей.
Котлы, посуда, тюндюки
По склонам скатывались вниз.
И тут же, на виду мужей,
Насиловали молодиц,
И под рыданья матерей
Вязали молодых девиц.
И всюду крики, стоны, кровь!
Кумыс, айран и молоко
Из полных льется бурдюков.
Такой жестокости врага
Доселе не видал никто!
Манас с дружиною своей
Зажат был в скалах меж камней
В ущелье узком, где приток
Впадает в бурную Кеген.
Оттуда вырваться не мог,

Чтоб дать врагу достойный бой
И обуздать его разбой.
Когда в горах настал рассвет,
Без слез нельзя было смотреть
На беспощадный тот погром:
Дома, сгоревшие дотла,
Повсюду мертвые тела,
Как будто ночью по горам
Прошел смертельный ураган,
Устроил в Каркыре Содом.
Наутро хан Манас собрал
Людей, оставшихся в живых.
Убрали каменный завал,
В ущелье вход освободив.
Дружине в гневе хан сказал:
– Еще вчера был убежден:
Пока со мною Алмамбет,
Чубак, Сыргак, Бакай-мудрец,
Врагу от нас пощады нет!
Разбит он будет, побежден!
Но ночью поминальный аш
Позором кончился для нас!
Нажравшись пищи дармовой,
Как дураки, ушли в запой!
Забыли, что кругом враги
Мечтают выбить нам мозги!
И стража вся в загул ушла,
Как стадо ишаков, спала!
Чтоб искупить свою вину
И честь былую возместить,
Врага должны мы перебить!
Догнать, отбить своих людей

И угнанных вернуть коней!
Чоро, сгорая от стыда,
Поклялись мчаться хоть куда,
Догнать и перебить врага.
Но возразил тут Алмамбет:
– Спешить не надо, мой Манас.
Постигла неудача нас:
Разбиты мы, разорены,
Угнали наши табуны,
И сил у нас надежных нет.
Кангайцев нам уж не догнать.
Пока мы будем собирать
Войска и боевых коней,
Хан Конурбай и Нескара
К Китайской подойдут стене.
А там усиленный дозор –
И мы потерпим, верьте мне,
Вновь поражение и позор.
С той силой, что у нас сейчас,
Не можем в бой идти, Манас!
Подслушал я, что Эсенхан
Узнал, что было в Каркыре,
И силы он готовит там
Отпор кыргызским дать войскам.
Сказали мне позавчера,
Что Конурбай и Нескара,
Договорились меж собой
Вернуться с Каркыра домой,
В едино силы все собрать,
Пойти походом на Талас
И сокрушить наш каганат!
И мой совет тебе, Манас,

Кыргызских ханов всех собрать,
И силу мощную создать,
Чтобы всегда готовым быть
Родную землю защищать.
Иначе Конурбай придет,
Поодиночке перебьет! –
Сказал Манасу Алмамбет.
Разумным был его совет.

И вот в долине Каркыра,
Где пир веселый шел вчера,
В слезах убитых погребли,
Прочли коран за упокой.
Так пышный поминальный той
Кровавой кончился бедой!
И Каркыра, наш край родной,
Омыт кыргызскою слезой.
И что затеял хан Манас,
Была ошибкой роковой!
О ней вы вспомните не раз,
Пока дослушаете сказ.

Сбылись опасения старца Кокетя. Поминальный той закончился большой бедой. Бокмурун разорился. Манас, созвав на аш своих недругов и родовых правителей, хотел укрепить свою власть. Но это оказалось его роковой ошибкой. Правители кыргызских родов, недовольные единовластием Манаса и тем, что китаец Алмам-

бет стал его ближайшим другом и советником, объединившись меж собой, решили сместить Манаса с престола.

Заговор кыргызских ханов

Э-эй!

В горах, где солнечный Алай –
Кыргызский благодатный край,
На той весенний собрались
Шесть ханов из шести родов:
Почтенный, славный Музбурчак,
Из Андижана Санжыбек,
Сын Эламана эр-Тоштюк,
Из Сар-Арка казах Кокче,
С Кемина старый хан Урбю,
И от эштеков Жамгырчы.
Прибыв на этот званный той,
Шептались ханы меж собой:
– Позвав на кокетеев аш,
Всю власть забрал себе Манас,
Глумился, унижал он нас.
С ним заодно старик Кошой,
Бакай с дружиной боевой.
– Познали там мы не почет,
А унижение и гнет.
– И на поминках никому
Он слова высказать не дал.
И кроме своего Алмы,

Он никого не признавал.
– А кто он, этот Алмамбет?
Предатель родины, беглец.
Сумел к Манасу он подлезть
Через предательство и лесть.
– Тебя, почтенный хан Урбю,
Манас ударил по лицу –
Унизил, оскорбил при всех!
– Он взял один над всеми верх!
Что делать нам? Случилось так –
Всю власть зажал он в свой кулак.
– Коли не сможем обуздать
Его безудержную власть,
В рабов он превратит всех нас.
Чтоб не терпеть такой позор,
Нам надо силы все собрать,
Достойный дать ему отпор!
Но тут сказал им хан Урбю:
– Идти я с вами не могу.
Плешив я, дожил до седин.
Сын молод. Род мой не един.
И у меня не хватит сил,
Чтобы за власть тягаться с ним.
– А где достоинство твое?! –
Вскричал во гневе хан Кокче. –
Ты хан Урбю или ничто?
Когда зазнавшийся Манас
Тебя ударил по лицу,
Готовы были ханы все
Отпор дать злему наглецу.
И если б не старик Кошой,
Который успокоил нас,

Лишился б трона хан Манас!
И не кичился бы собой!
Я вижу, трусишь ты, Урбю,
В тебе и ханской чести нет!
Зачем пришел ты на совет?
Чтоб все Манасу передать? –
Потребовал Кокче ответ.
И хан Урбю пообещал
За честь, достоинство и власть
Со всеми до конца стоять.
И порешили ханы здесь:
В Алай Манаса пригласить,
Гостей по станам разделить,
А там их тайно окружить,
Угнать осёдланных коней,
Собраться всем, ну, а потом
Манасу сообщить о том,
Что должен сам покинуть трон.
А если трон он не отдаст,
Всем миром свергнуть его власть!
Чоро с дружиной перебить,
Манаса заточить в зиндан,
Забрать в заложницы жену,
Народу сообщить всему,
Что править будет не Манас –
Ашаром созданная власть.
Шесть ханов из шести родов,
Кобылу тут же заколов,
Ладони опустили в кровь,
Подняли вверх, упали ниц,
Земле и небу поклялись:
– Предавшему наш уговор

Пусть будет вечным сей позор!
И пусть его могильный вход
В свою утробу заберет!
За то, что трусит он и врет.
И покарает пусть его
Лохматогрудая земля
И неба синего простор!
И каждый хан отснарядил
От рода своего посла
Манасу передать письмо
О том, что ханы в гости ждут
Его с дружиной на Алай –
В кыргызский благодатный край.

Прибытие послов к Манасу

Помчались шестеро послов
От знатных шестерых родов
В далекий путь, к реке Талас,
Где трон поставил хан Манас.
И здесь увидели они:
Ворота с каменной стеной
Блестят под краской золотой.
Водой наполненный овраг,
Чтобы не мог подъехать враг,
И стража мощная вокруг.
Послы, не зная как тут быть,
Топтались долго у ворот,
Не знали, как, с чего начать:
Стучаться в дверь или кричать,
Покуда Жорончу-казах

Не появился на глазах.
Узнав о том, что все они
Пришли от ханов шестерых,
Пошел к Манасу эр-казах
Сказать о прибывших послах.
Услышав стражника доклад,
Послам Манас был очень рад.
До слез он громко хохотал:
– Недавно от людей узнал
О том, что шестеро козлов –
Отар бараньих вожаков –
К Тоштюку прибыли на той,
Совет держали меж собой –
Тягаться вздумали со мной!
Хотят безумцы, чтобы я
Власть хана ханов снял с себя!
Ужели думают, что я
Страшусь подобного брата?!
Всегда почет у нас послам,
Как самым дорогим гостям.
С достоинством примите их,
Подарков дайте дорогих.
Потом по ханству пусть пройдут,
Посмотрят – и тогда поймут,
Какая сила есть у нас,
Как поживает хан Манас!
И лишь потом веди ко мне! –
Жасолу дал он свой наказ.
В сопровождении бойцов
К Манасу повели послов.
– Правители шести родов
С огнем решили поиграть! ?

Ну что ж, давайте, очень рад!
Я сам хотел их в гости звать, –
Сказал Манас, прочтя письмо.
И, чтобы дать послам урок,
Гостей обильно угостив,
Одели с головы до ног,
Потом смотреть их повели
Манаса боевую мощь.
А сам Манас им преподнес
Шесть быстроногих лошадей,
Чтобы домчались поскорей
К спесивым ханам на Алай.
И передал в письме Манас
Всем ханам грозный свой наказ.

К Тоштюку прибыли послы,
И там послание прочли:
«Я, хан Манас, всем ханам хан,
Я всем повелеваю вам,
Чтоб ровно через сорок дней
С дружиной, с армией своей
Все прибыли ко мне в Талас!
Того, кто к сроку не придет,
Жестокая расправа ждет!
Печатью подтвердил Манас».
Тут ханы стихли в миг один,
Воды набрали будто в рот:
Не думали они о том,
Что приглашенье на Алай
Подобный примет оборот!
И им сказал тогда Тоштюк:
– Ну что, друзья, затихли вдруг?

А я ведь говорил всегда,
Что хан Манас нам не чета.
Теперь мы, Музбурчак-ава,
В когтях разгневанного льва.
Наверно, грозный аксакал
Уловку нашу разгадал!
И если требует, чтоб мы
Явились с армией к нему,
То значит, наш могучий хан
Затеял новую войну.
А не исполним мы приказ –
Никто не выживет из нас.
И выход здесь один, друзья:
Готовить в бой свои войска,
Седлать добротных лошадей
И ровно через сорок дней
К Манасу с армией своей
Прибыть в готовности и в срок!
И возразить никто не мог.
И ровно через сорок дней
Шесть ханов с армией своей
Все вместе прибыли в Талас,
Где ждал их грозный хан Манас.

Великий поход на Китай

На сорок первый день с утра
На аргамаке Ак-Кула
На площадь выехал Манас.
И двадцать воинов-чоро
Гарцуют слева от него,

И столько же лихих бойцов
Гарцуют справа от него –
Охрана верная его.
Неугомонный добулбас
Гремел, как гром, на весь Талас.
На ханов, не скрывая гнев,
Смотрел наш разъяренный лев.
– Ведите всех ко мне сюда! –
Своим чоро он дал приказ.
Явились ханы в тот же час.
И вот пред ним они стоят,
Жмут руки робко и глядят
Глазами сереньких зайчат.
– Вы, ханы из шести родов,
Считали нас за дураков ?
Я мог бы строго наказать
За то, что за моей спиной
Договорились меж собой
Скорей расправиться со мной.
Не я ваш враг! А враг другой –
Он за Китайскою стеной!
И враг наш Конурбай, Жолой,
Те, кто в долине Каркыра
Почетный поминальный той
Кровавой кончили резней!
Чтоб разорить кыргызский род,
Готовят против нас поход!
А чтоб врага нам победить,
Должны его опередить!
Мы, как единый каганат,
Всю мощь должны собрать в кулак,
Единой двинуться ордой

В поход великий на Китай,
Чтоб сохранить наш отчий край!
А тот, кто не пойдет в поход,
Без головы домой уйдет!
Затихли ханы и молчат,
Как стайка пуганых зайчат.
Вперед пойдешь – там смертный бой.
Назад – заплатишь головой.
А если смеешь возразить –
Немедля голова слетит!
И все, боясь за жизнь свою,
Глядели молча на вождя,
Как жаба смотрит на змею.
Вот ханы, овладев собой,
Заговорили вразнобой:
– Манас, пойми нас и прости!
Готовы мы с тобой идти
За родину, за свой народ!
– Веди, великий хан, вперед!
Поставили печать – моор,
Скрепили клятвой уговор.
Довольный ханами, Манас
Перед народом речь держал:
– Мой доблестный родной народ!
Страдал не раз ты от врагов.
Ты изгнан был с родной земли.
И силою твоих сынов
Мы вновь на родину пришли!
Но снова, мой народ родной,
Беда кружится над тобой:
Убить и разорить хотят
Нас Нескара и Конурбай!

И, чтоб врага опередить,
Пойдем походом на Китай!
Враждой ответим на вражду!
И я от вас ответа жду!
Поднялся ропот, шум и гам,
Молились люди небесам:
– Коке-Тенгир, всевышний наш!
Мы просим нас спасти, помочь,
Над нами вновь спустилась ночь!
Зажили мирным мы трудом
В своем отечестве родном.
В поход зовут нас ханы вновь,
Где ждут нас смерть, увечья, кровь!
Хотят вести нас на Китай –
В неведомый, далекий край.
Нет! На войну мы не пойдём!
Пусть каждый будет здесь казнен,
Зато на родине умрем!
Пришли сюда мы защищать
Вождя от ханов шестерых –
Выходит, это был обман.
Попались в хитрый мы капкан
И бросили себя в зиндан! –
Народ, как море, бушевал.
И Алмамбет тут слово взял:
– Я знаю хорошо Китай.
И кто там этот Конурбай?
Хвастливый трус и негодяй!
Да и китайский сам народ,
Враждуя меж собой, живет.
Там много золота, добра,
Там чай и разные шелка.

Лишь Конурбай и Нескара
Имеют личные войска.
Мужчины там, поверьте мне,
Сидеть не могут на коне.
Увидев конную орду,
Без боя все сдадутся нам,
И мы с добычей боевой
Вернемся все к себе домой!
Народ затих и замолчал:
Алму никто не поддержал.
Никто из ханов шестерых
В ответ ни слова не сказал.
Когда в войсках, идущих в бой,
Утрачен лад, взаимный мир,
Там будут трус и дезертир.
И потому Манас решил
Проверить прочность своих сил,
На верность воинов своих,
Пока не поздно, испытать.
И по наивной доброте
Сказал: – Пойдут со мною те,
Кто хочет сокрушить врага!
Кого страшит победный бой –
Пусть возвращаются домой!
И в миг один по всем войскам
Промчалась радостная весть,
И крик ликующих бойцов
Дошел до голубых небес.
– Да будь он проклят, ваш Китай!
Его добро не нужно нам!
– Пойдемте, братья, по домам!
– Наш добрый вождь, батыр Манас,

На волю отпускает нас!
– И пусть он вечно будет жить!
– Тенгир его благословит!
И тут же начали войска,
Ряды покинув, уходить.
– Пойдите! Я вас не пойму!
Когда водил вас на войну
За землю и родной народ,
Не дрогнув, шли за мной вперед!
Когда в Китай позвал Манас –
Как будто подменили вас!
Сбежав с позором по домам,
Вы жертвой станете врагов!
И снова гнет! И рабство вновь!
Жестокая судьба нас ждет!
Кыргызы славились своим
Бесстрашным духом боевым,
И потому наш славный род
Веками на земле живет!
Ужель забыли вы о том,
Какой устроили погром
Нам Конурбай и Нескара
Там, на поминках в Каркыра?!
За честь и родину свою
Пойдем мы на врага в поход!
В его берлоге покорим!
За униженья отомстим!
Вернется каждый в дом родной
С большой добычей и живой!
Велю я каждому из вас
В придачу дать по два коня.
От ран и смерти защитит

В боях вас прочная броня!
За землю предков, за народ
Пойдем мы на Китай в поход!
Нас славная победа ждет! –
Сказал батырам хан Манас.
От речи пламенной такой
Объял кыргызов ратный дух:
Их призывал на смертный бой
Родной отец и верный друг!
Готовые идти в поход,
Кричали воины «Ур! А-а!»,
Что означало «Бей врага!»
– Манас! Манас! Веди нас в бой!
Верны тебе! Всегда с тобой!
Манас доволен был собой,
С любовью он смотрел на рать
И был уверен, что они
Врага любого победят.
Но вот он руку поднял вновь –
Вмиг наступила тишина.
– Далек и труден будет путь,
И бой жестокий предстоит!
Пусть славный аксакал Бакай
Войсками сам руководит!
Он в мирной жизни и в бою
Советом мудрым и умом
Всегда народу был щитом.
Согласен ли со мной народ? –
У воинов спросил Манас.
И все согласны были с ним.
– В китайский город Чет-Бейжин
Дорогу знает лишь один –

Чоро мой верный, Алмамбет,
Ему в дороге равных нет.
Как на ладони, весь Китай
Он знает каждый уголок.
И пусть он в незнакомый край
Войска кыргызов поведет!
Манас был прав. Никто ему
Не мог хоть чем-то возразить.

Чуть свет забрезжил в небесах,
На шлемах воинов лихих,
На пиках острых заиграл
От солнца отраженный блик.
Как знак войны затрепетал
С древком зеленым красный стяг,
Чтоб видел и страшился враг.
От воинов, идущих в бой,
Земля дрожала под ногой.
А впереди на Ак-Куле,
С непробиваемым щитом,
С мечом нещадным Ач-албарс,
Во всем величии своем
Под флагом горцевал Манас.
Как грозный селевой поток,
Кыргызы двинулась в поход.
Звучали шутки, громкий смех,
Как будто вышли для утех.
Но тут заметили чоро:
Манас был мрачен, нелюдим,
Никто не мог общаться с ним.
– Что с вами, доблестный байке?
Печальны вы, в глазах тоска.

А может, к Каныкей-джене –
Заглянем на прощанье, а? –
Спросил шутливо Алмамбет.
И тут раздался громкий смех,
И сам Манас захохотал,
Видать, вопрос такой он ждал.
Лукаво глянув на Алму,
Он по усам провел рукой,
Дорогу указал камчой.
– Великий бабник наш батыр! –
Шутили меж собой чоро,
К хануме на прощальный той
От хана получив добро.
Навстречу им из ак-оргё
Степенно вышла Каныкей
И сорок девушек за ней,
Как стайка белых лебедей,
В нарядах, красочных шелках,
С улыбкой тайной на устах.
Увидев томный, нежный взгляд,
Созвездье сказочных очей,
Манаса боевой отряд
Свалился со своих коней!
– Девчонки красотой своей
Ребят убили наповал.
А с кем теперь я в бой пойду? –
Смеялся грозный аксакал.
– Добро пожаловать, мой хан!
Мы рады встретить, угостить,
В поход батыров проводить, –
Журчал, как ласковый ручей,
Прелестный голос Каныкей.

Тулпара за узду взяла
(Ей был покорен Ак-Кула)
И в юрту белую свою
Открыла хану дверь она.
Когда дружина и Манас
Наелись досыта и всласть,
В крови батыров заиграл
Хмельной арак из кумыса,
Сказала Каныкей гостям:
– Родные наши, вы сейчас
В поход уйдете на Китай,
В далекий и опасный край.
В Китае люди, говорят,
Как в муравейнике кишат.
Молиться будем богу мы,
Чтоб из походов боевых
Пришли с победой и в живых.
Бешметы сшили мы с броней,
Чтоб каждый был неуязвим.
Одежда цвета одного,
Чтобы дружинника-чоро
Не перепутали с другим.
Как символ наших снежных гор,
Мы белый головной убор
Пошили каждому из вас,
Чтоб от жары и ветра спас.
И сорок девушек подряд,
Вручая боевой наряд –
Бесценное в боях добро,
До слез расстрогали чоро.
Тревожной думою своей
В слезах делилась Каныкей:

– Послушай, брат наш Алмамбет,
Тебе прощальный мой завет.
Идете вы на смертный бой –
Бог знает, кто придет живой!
В поход кровавый на Китай
Я умоляла не ходить.
Там Нескара и Конурбай
Манаса могут разгромить.
Но муж мой был неумолим,
Ничто не сделаешь ты с ним,
Когда мужчина одержим.
Боюсь я, брат наш Алмамбет,
Что не вернется он живым.
За ним кровинушки родной –
Наследника на свете нет.
Родную щечку малыша
Не прижимала я к грудям,
И плач ребенка своего
Я не слыхала по утрам.
Коль не вернется он живой,
Боюсь, что в вечный мир иной
Уйду бездетной я вдовой!
Его две старшие жены –
И Акылай, и Караборк –
Наследника не принесли.
Живем мы дружною семьей
И связаны одной судьбой.
В тоске ждала я свой черед,
Когда Манас ко мне придет,
Со мною будет до утра,
Но не могла дожидаться я
И в юрте плакала одна.

Поминки, той, борьба за власть,
То вновь поход или война –
Любовью я не напилась.
Далече родина моя,
Ты знаешь, персиянка я,
Отец мой в Бухаре эмир.
Когда покину этот мир,
Пусть даже на краю земли,
Родным я буду завещать,
Чтоб прах сюда мой привезли,
В горах кыргызских погребли.
Так полюбила я душой
Народ кыргызский мой родной!
Молю тебя, мой Алмамбет,
От стрел коварных и меча
Любимого ты береги!
Ведь хан наш очень одинок,
Бывает в гневе он жесток.
И чтоб ошибок роковых
Не совершал он сгоряча,
Я умоляю, береги!
Доверчив и наивен он,
И ханской властью упоен,
Уверен в том, что весь народ
Ему покорен и влюблен.
Не знает доблестный батыр,
Что тот, кто к власти приближен,
Бывает мезью заражен,
И тайно ждет свой звездный час,
Когда хан потеряет власть.
Ты знаешь, доблестный Алма,
Где власть, там подлость и обман,

А потому беречь его
Тебя здесь умоляю я!
От тайного коварства, зла
Манаса, друг мой, береги!
Тебе вверяю жизнь его –
Живым мне мужа возврати!
Я буду счастлива в тот миг,
Когда, прильнув к его груди,
Услышу, как она стучит!
Я жизнь Манасу посвящу,
Чтобы кыргызский наш народ
В единстве смог он сохранить.
И Бог меня благословит! –
Рыдала горько Каныкей,
И из светящихся очей
По смуглым, трепетным щекам
Катились слезы, как ручей.
И Алмамбет ответил ей:
– Манас мне братом стал родным.
Клянусь, ханум, я честью вам,
В обиду хана я не дам!
Манаса – друга своего
Я грудью буду защищать.
Но он, джене, не одинок –
За ним кыргызский весь народ,
Хотя от матери другой
Есть братья Абыке, Кобёш.
Отрада у Манаса есть:
Надежда, мудрый друг и честь,
Богиня сказочных ночей,
Сияние счастливых дней,
Подруга жизни – Каныкей!

Сказав, что одинок Манас,
Вы мне напомнили сейчас,
О том, что я здесь одинок,
Живу на свете, как изгой.
Народ кыргызский стал родной,
Пришел я с чистою душой,
Но все равно я здесь чужой!
И чую за своей спиной
Дыханье зависти я злой!
Я там – предатель, здесь – беглец.
И если вдруг придет конец,
Боюсь, не буду погребен
Ни там, на родине, ни здесь.
Меня не похоронит брат,
Не будут плакать надо мной,
Не бросят горсть родной земли
Ни дочь моя, ни сын родной.
И лишь одна на свете есть
Моя отрада, радость здесь,
Кто будет ждать меня в тоске, –
Сестренка ваша Арууке.
В поход уходим мы, сестра!
Напрасно думаете вы,
Что на Китай идем мы зря!
Победой власть мы укрепим,
Пусть знают все, что хан Манас
Могуч, силен, непобедим!
Чтоб был народ всегда един,
Им должен править хан один!
– Да сохранит всевышний Бог
Манаса до победных дней! –
Благословила Каныкей.

По женской доброте своей
Не догадалась Каныкей,
Что хитроумный Алмамбет,
Задумал Конурбаю мечь,
Повел кыргызские войска
На родину свою Китай,
А там чтоб силой возродить
Свою поруганную честь.
В душе лелеял он мечту:
Вернуть владения свои
И, как жену, к груди прижать
Дочь Эсенхана Бурулчу.

Команду «В путь!» подал Манас,
И тут же грянул добулбас.
Дружина выступила в путь,
В поход Великий на Китай.
Стояли долго вдоль реки
Детишки, жены, старики,
В слезах просили небеса,
Чтобы родных в боях берег
От смерти сам всевышний Бог.

Назначение Алмамбета главнокомандующим

В долине речки Сары-Тал
В поход идущие бойцы
Устроили большой привал.
Воткнули копыя в мягкий грунт,

Мечи забросили в кусты,
Коней угнали, чтоб пасти.
Одни, спасаясь от жары,
В реке купались голышом,
Другие спали под шатром.
По кругу вытоптав траву,
Устроили игру в ордо.
Назначив крупную байгу,
Играли здесь в тогуз-коргол.
Как будто тысячная рать
Отправилась в большой поход
Поесть, поспать и поиграть!
Увидев это, Алмамбет
Во гневе был и разъярен,
И тут же прибыл в ханский стан.
– Прости меня, великий хан!
Пора сворачивать с пути!
С такой разнузданной толпой
Нам до Бейжина не дойти.
Со стадом диким вот таким
Мы никогда не победим!
А если выступим, никто
Там не останется живым!
В поход я с вами не пойду!
Такую дикую орду
На гибель я не поведу!
И сорок воинов-верзил,
А с ними сам старик Кыргыл,
Не смея ничего сказать,
Стояли, опустив глаза
(Видать, горели от стыда).
– Ты прав, мой храбрый Алмамбет!

В войсках у нас порядка нет.
В походе на Большой Китай
Следить за войском, управлять
В пути обязан был Бакай.
А коли власть не смог он взять,
То, зная, состарился наш брат.
Отныне ханом боевым
В пути пусть будет Алмамбет!
Езжайте к дядюшке сейчас
И сообщите мой приказ! –
Решительно сказал Манас.
И тут же Ажибай, Серек
Поехали к Бакаю в стан.
Чтоб пожилого абаке
Известием не огорчать,
Не знали, как, с чего начать.
Заметив это, хан Бакай
Сказал: – Я вижу, оба вы
Пришли о чем-то сообщить.
Бойтесь, если весть дурна,
Велю вам головы срубить.
Не бойтесь, выслушаю вас.
Что повелел мне хан Манас?
Набрался духу Ажибай:
– Простите, дядюшка Бакай.
Когда мы двинулись в поход,
Вы были ханом боевым.
Теперь всю войсковую власть
Алме решил он передать...
Здесь рассмеялся эр-Бакай:
– Пока я дожил до седин,
Какой ни занимал я чин!

И ханом был, и тор-ага,
Но, как вы видите, друзья,
На лбу не выросли рога!
Эр-Алмамбета я ценю
Повыше хана самого.
Умен, хитер, отважен, смел,
Большой знаток военных дел.
И это знает эр-Манас.
Отдал разумный он приказ!
Как только Ажибай, Серек
Слова Бакая донесли,
Горластый воин Ырчы уул
Войскам немедля сообщил,
Что Алмамбету одному
Вся власть над войском перешла,
Чтоб подчинялись все ему
В тылу, в походе и в бою.
А если кто-то возразит,
С плеч голова его слетит!
Добившись власти, Алмамбет
Не медля обошел войска,
Людей в строю пересчитал,
Чтоб строгим был в пути учет,
Назначить старших приказал.
В десятке старший – он баши,
У сотни старший – жуз баши,
У тыщи старший – мин баши.
И всем он строго наказал,
Считать состав свой по утрам,
Ну, а потом по вечерам.
И если будет недочет,
Башку немедля отсечет.

И каждый воин должен знать –
В пути не будем отдыхать,
Пока до цели не дойдем!
В порядке строгом и в строю
Войска вновь двинулись вперед
Через леса, поля, луга.
Переходили реки вброд,
Короткий делали ночлег –
И так примерно сорок дней,
Не зная отдыха и сна,
Вся армия кыргызов шла.
Главарь дружинников – Кыргыз
В пути совсем уж занемог:
Натер мозоли между ног,
Сидя без отдыха в седле,
Натер он задницу до дыр.
Превозмогая боль и зуд,
Сказал десятнику Бозуул:
– Я ехать дальше не могу.
Наш хан Манас совсем сдурел –
Всю власть китайцу передал.
Он хочет загубить людей,
Загнать в дороге лошадей.
Боюсь, что я в пути умру.
В поход я дальше не пойду!
Живым хочу вернуться в тыл! –
Стонал в бессилии Кыргыз.
И тут ответил он баши
Бозуул во гнев старика:
– Когда всех брали на учет,
Ты был в десятке, старый черт!
Когда Алма нас перечтет,

Тебя не хватит одного.
Башка чтоб не пошла в расход,
Я Алмамбету доложу,
Что ты, Кыргыз, в пути подох!
Главарь дружины боевой,
Кыргыз в боях был закален,
И наглой грубостью такой
Был старый воин оскорблен.
И сам пошел к Манасу он.
– Ты сам водил в походы нас!
Теперь я не пойму, Манас,
Кто нас ведет на этот раз?
И почему кыргызов в бой
Ведет китаец на Китай?
Ответ разумный людям дай!
Народ устал и изнурен.
Голодны кони, нужен корм,
И кровь сочится под седлом.
Мы все в дороге перемрем –
И до Бейжина не дойдем!
А может быть, китаец твой
Решил в пути нас загубить?
Измучился вконец народ –
В поход он дальше не пойдет!
Меня просили: – Передай,
Пусть будет проклят ваш Китай!
Послушав старого бойца,
Манас прошелся по войскам
И Алмамбету приказал
Дать людям отдых и привал.
Но прежде повелел Манас

Людей в строю пересчитать,
И там, где будет недочет,
Башку от тела отсекай.
И перед ним войска прошли:
В составе полном он баши,
И жуз баши, и мин баши –
Все триста тысяч человек!
Но тут беда одна стряслась:
В десятке, где был сам Манас,
А он баши был Тазбаймат,
Как ни считали, не могли
Десятого бойца найти!
И Алмабет тогда сказал:
– Выходит, трус один сбежал.
А ты, плешивый Тазбаймат,
Подкуплен был или проспал!
Снесите голову ему! –
Алма во гневе приказал.
И мигом шестеро чоро
Баймата к плахе повели,
Чтобы плешивую башку
Секирой мигом отрубить,
И приготовили ведро,
Чтоб кровь бедняги тут же слить.
– Пойдите! – заорал Серек. –
А может, Тазбаймат-дебил
Манаса в список не включил?
Решил, что хан не человек!
– Ты мой батыр! Я твой желдет.
Меня в твоей десятке нет!
Выходит, ты меня, нахал,

За человека не считал?!
Зачем ты, добрый мой Серек,
От смерти Тазбаймата спас! –
Смеялся громче всех Манас.
Добро на отдых получив,
Упали наземь все бойцы.
В пути измученных коней
Пустили по лугам пастись.
Зарезав жирных кобылиц,
Устроили привальный той.
Лечили тех, кто занемог,
И спали крепко под луной,
Как говорят, без задних ног.
А на заре хан Алмамбет
Пришел к Манасу на совет.
– Мой хан, докладываю вам,
Вот, наконец, мы подошли
К китайским землям, городам.
И чтоб подходы разузнать,
Послать разведку надо нам.
– Кыргыз не знает этот край –
Ты должен сам идти в Китай! –
Ему ответил хан Манас.
– Готов я выполнить приказ,
Но об одном прошу я вас:
Чтоб не было сомнений вдруг,
В разведку пусть пойдет со мной
Надежный, преданный мне друг,
Чоро ваш самый молодой,
Не раз испытанный в боях, –
Бесстрашный, доблестный Сыргак.
В Китае будет нужен нам

Конь Ажибая Карткурон,
Надежный жеребец-вожак,
Он может пригодиться там, –
Сказал Манасу Алмамбет.
– Готовьтесь, пусть с тобой идет
В разведку доблестный Сыргак.
Узнаете вы по пути,
Как нам к Бейжину подойти,
Как укрепил свой город враг.
Желаю соколам моим
Вернуться в целости живым! –
Благословил батыр Манас.
И вскоре Алмамбет, Сыргак
Никем не веданной тропой,
На поводу ведя с собой
Коня по кличке Карткурон,
Ушли в разведку за кордон.

Ссора Чубака с Алмамбетом

Глава дружинников Кыргызл,
Он в сорок лет еще грешил.
Известный всем прелюбодей,
Добра не делал для людей,
В народе сплетником он слыл.
И слух однажды распустил
О том, что по ночам Чубак
Встречался тайно с Каныкей.
Узнав, что Алмамбет, Сыргак
Ушли в разведку на Бейжин,

Сказал Чубаку при бойцах:
– Сын хана Акбалта Чубак!
Не знал, что ты такой чудак.
Хотя нойгутский ты батыр,
Но ниже, чем беглец, капыр!
Достоинства в Чубаке нет,
Коли над ним во всех делах
Поднялся выше Алмамбет.
Кенкол не меньше, чем Талас!
Чубак не хуже, чем Манас!
Нажравшись водки, ты всегда
Колотишь в грудь, Чубак, себя,
Что мир один перевернешь.
Сыргак и Алмамбет вчера,
Не взяв тебя, ушли в дозор.
А ты, как старая жена,
Остался здесь у казана!
О, боже мой, какой позор! –
Сказал ехидно старый хрыч.
– За мной, нойгуты! По коням! –
Во гневе заорал Чубак. –
И тут же загремел там-там.
– Китайца я зарежу сам! –
Кричал обиженный Чубак.
И тут же, оседлав коня,
Дозор помчался догонять.
Узнав об этом, эр-Бакай
К Манасу тут же прискакал
И все подробно рассказал.
– Спешите, дядюшка Бакай,
Пока два этих дурака
Не натворили там беды! –

Сказал Бакаю хан Манас.
– Их усмирить я не смогу.
Унять их сможешь только ты! –
Ответил дядюшка Бакай.
И сам Манас помчался вслед,
Чтобы Чубак и Алмамбет,
Друг другу не пустили кровь.

Конь Алмамбета Сарала,
В галопе быстрый, как стрела,
И Кокчебич, Сыргак конь,
А с ними верный Карткурон,
Пройдя дорогу в сотни верст,
К речной тропе спустились с гор –
И здесь Чубак догнал дозор.
«Салам» подал свой Алмамбет –
«Алик» не дал Чубак в ответ.
– А что случилось, мой Чубак?
Не хочешь руку мне подать
И держишь меч за рукоять?
Ужель напал внезапно враг?
Войска кыргызов разгромил? –
Чубака Алмамбет спросил.
– А ты забыл, мой дорогой,
Как кровью мы клялись с тобой
В походах ратных и в бою
За дружбу жизнь отдать свою?!
Иль клятва с кровью и мечом
Тебе, китайцу, нипочем?
Ушел в разведку без меня!
Ты думал, трус, предатель я?
Подумал, что в разведке я,

Как ты, к врагу перебегу?
А может, ты, китайский раб,
Решил к своим перебежать?
Взял юного Сыргака в путь,
Чтоб легче было обмануть! –
И меч Чубак свой обнажил.
От злости Алмамбет вскипел:
– Довольно! Долго, я терпел
И не могу молчать теперь!
По крови я китаец! Да!
Но с чистым сердцем и душой
К кыргызам я пришел сюда!
Иду войной я на Китай,
На родину, на отчий край!
Я за Манаса, за тебя,
Я за кыргызов в бой иду!
Да вот не знал, что эр-Чубак
Несправедливый, злой дурак!
И я сейчас за честь свою
Ценою жизни постою!
Ну что же, друг мой дорогой,
Готов сразиться я с тобой!
И, меч свой вырвав из ножен,
Набросился на друга он.
Коня пришпорив Кокала,
Прикрывшись кожаным щитом,
Навстречу бросился Чубак.
Пошел с мечом на брата брат!
В смертельной схватке боевой
Искрился и звенел булат.
Рубились равных два бойца,
И каждый взмах меча грозил

Пустить из тела друга кровь.
И вдруг ударил добулбас,
Как с неба, грянул зычный глас:
– Вы что, друзья, с ума сошли?! –
Во гневе заорал Манас.
И тут же правою рукой
Взял за узду он Саралу,
А левою рукой схватил
Коня Чубака Кокалу.
И вот, как верный, грозный щит,
Меж ними хан Манас стоит.
– Уймите гнев, богатыри!
Вы мне, как братья-близнецы!
И каждый мне родней, чем брат!
Когда вы вместе и со мной,
Могу весь мир в руке держать.
А коль к согласью не придем,
Народ на части разобьем
По мелким ханствам и родам.
По миру вновь пойдет молва,
Что у кыргызов братства нет!
Кто отделится от родов,
Тот станет пищей для волков!
Но был Чубак неумолим:
– Пусти, я рассчитаюсь с ним,
С китайцем преданным твоим!
Алтай ты, хан Манас, забыл,
Когда мы из последних сил
Нешадно бились за народ.
Нам было по тринадцать лет,
И я ходил на риск и смерть,
А слава от моих побед

Досталась вся тебе, Манас!
На это не обижен я:
Как Бога, я ценю тебя!
Но вот пришел к нам Алмамбет –
И для тебя Чубака нет!
И сорок воинов-чоро
Как будто для тебя ничто!
И поменял ты, хан Манас,
На беглого китайца нас! –
Бранился в ярости Чубак.
– Ты отпусти меня, Манас!
Убью Чубака я сейчас!
Назвал меня он беглецом!
Свалил меня он в грязь лицом! –
К Чубаку рвался Алмамбет.
Разгневался батыр Манас:
– Друзья, теперь я понял вас!
Поссорились вы меж собой,
Чтоб не идти со мною в бой.
Без вас пойду я на Бейжин!
И клич мой, знаете, один –
Вчера, сегодня, завтра, впрямь:
«Или победа, или смерть!»
Идите, отпускаю вас!
И посмотрю на ваш позор!
Узды он выпустил из рук,
Уселся молча на бугор.
И разъяренный эр-Чубак
Смиренно вдруг сошел с коня
И руки на груди скрестил.
– Мой Алмамбет, я был неправ,
Попутал гордости шайтан.

Повел себя я, как болван,
Готов сгореть я от стыда!
Вот руки! Хочешь – повяжи!
Вот пропасть – вниз меня столкни!
Вот меч, чтоб голову снести!
Но если можешь – то прости! –
Без тени горести и зла
Взмолился доблестный Чубак.
И Алмамбет сошел с коня.
На шею крепкую свою
Набросил богатырь камчу:
– И ты прости меня, Чубак!
К тебе, мой друг, обиды нет! –
И, как молодка – келинчек,
Стоял в поклоне Алмамбет.
Когда увидел эр-Манас,
Что два батыра, как друзья,
Стоят в обнимку перед ним,
Сверкнули слезы на глазах,
Как будто вдруг увидел он
Звезду двойную в небесах.
И четверо богатырей:
Манас, Сыргак и Алмамбет,
А с ними доблестный Чубак –
Отправились в дальнейший путь,
Чтоб на Бейжин издалека,
С вершины Тал-Чоку взглянуть.
Отсюда виден весь Китай –
Великий благодатный край.
У самых голубых небес
Под солнцем облака кружат.
Дурманит голову тебе

Лугов альпийских аромат.
И, взяв подзорную трубу,
Увидел весь Китай Манас.
Кишащих, словно муравьи,
Людей увидел эр-Манас.
Цветущие сады, поля,
Луга увидел эр-Манас.
И Алмамбет им рассказал:
– Вон там, за черною горой,
Мой город Чет-Бейжин родной.
На троне восседает там
Правитель главный Эсенхан.
За Чет-Бейжином вдалеке
Владенья хана Алооке,
Где правит младший сын его –
Хапуга, лютый Конурбай.
А слева – благодатный край,
Где правит дева Оронгу.
Левее – племена манжу,
А справа – племена солон.
Расположились к ним впритык
Владенья хана Бозкертик.
А там, за бурною рекой,
Блестят озера Кок-Ноор,
Правитель там толстяк Жолой.
Велик раздробленный Китай!
Когда весь мир объял потоп,
Всю землю залило водой,
Но до Бейжина в те года
Вода потопа не дошла.
Не знал о нем сам Соломон,
И не был здесь Рустем – Дастан,

И даже Македонский сам
Завоевать его не смог.
И на людей не мог влиять
Зять Мухаммеда Азирет.
Народ живет здесь трудовой,
С большой доверчивой душой.
Но мы пойдем не на Китай –
Наш враг проклятый Конурбай.
Его должны мы сокрушить
И, как грабителя, убить!
И на вершине Тал-Чоку,
Удачи верной пожелав,
Ушли с Манасом эр-Чубак
К своим войскам, в обратный путь.
А Алмамбет и эр-Сыргак
Пошли в разведку разузнать
Пути-дороги на Бейжин.

В разведке

Пришли в долину Тешик-Таш,
Где ароматные цветы
Благоухают на лугах,
Сады фруктовые цветут
И чай кустится на полях.
Здесь Алмамбет сошел с коня.
Он вниз лицом в траву упал
И, как ребенок, зарыдал:
– Прости меня, моя земля!
Сыргак, вот родина моя!

Меня здесь мама родила,
И с пуповины кровь мою
Земля родная приняла.
Здесь по лужайке вдоль реки
Я в детстве бегал босиком.
Вон там, под красочным шатром,
Играл с друзьями пацаном.
Вон тот ветвистый желтый тал
Я в ранней юности сажал.
Под той чинарой вековой
Родился ночью под луной.
Немало повидав беды,
Иссохли листья без воды,
И лишь у корня, видишь ты,
Растет зеленый стебелек.
Мне мать сказала Алтынай:
«Сыночек, горемычный мой,
Когда вернешься ты домой,
Здесь будет маленький росток –
То знай, не будешь одинок:
Родится у тебя сынок».
Росток чинары говорит,
Что Арууке – жена моя
Мне сына осенью родит.
Земля, где был ты порожден,
Всегда останется родной.
Прости, Сыргак, соратник мой,
Что, как дитя, здесь слезы лью.
Бежал отсюда я, Сыргак,
Спасая жизнь и мать свою.
Лишили ханства и земли,
И перед родиной мои

Заслуги даже не спасли.
Отец мой здесь известный хан,
Я не был у него в чести:
Наверно, сомневался он,
Что от него я был рожден.
Я ведь по матери кыргыз,
По вере с детства – мусульман.
Когда родился, говорят,
Я был обрезан, как Христос.
Видать, младенцем перенес
В утробе матери суннат.
Я грудь у матери просил
Не плачем детским «Ма-ма! Мам!» –
Орал всюду: «Ислам! Ислам!»
Как видишь, друг мой дорогой,
Я с детства был уже изгой.
И здесь, и там я был чужой.
Так мне повелено судьбой!
Я полюбил безумно здесь
Дочь Эсенхана Бурулчу.
Она, страдая, пятый год
По мне тоскует, плачет, ждёт.
А на поминках я узнал,
Что хвастался там Конурбай:
В токолы хочет он забрать
Мою невесту Бурулчу.
Ему я это не прощу!
За все Конуру отомщу!
За честь я жизнью заплачу!
Свою невесту Бурулчу
Я к сердцу, как жену, прижму,
Ну, а потом пускай умру!

Колдунья в детстве прорекла:
Жизнь Алмамбета коротка.
И если здесь погибну я,
Прошу тебя, мой друг Сыргак,
Женись ты на своей джене –
Прекрасной, нежной Арууке.
И сына, верю я тебе,
Ты не оставишь сиротой,
И будет он тебе родной, –
Закончил Алмамбет в слезах.
– Крепись, Алма! – сказал Сыргак
И друга за плечо обнял.
– Благодарю, братишка мой!
Я знал, что ты меня поймешь.
Теперь давай, мой друг, с тобой
Мы воинский исполним долг!
И из куржуна Алмамбет
Китайский вытащил бешмет,
На голову ему надел
Расшитый шелком тебетей.
Как будто был чоро Сыргак
Китайца знатного батрак.
Потом надел он свой чапан,
Что здесь носил, когда был хан.
И двинулись в дальнейший путь,
Как два китайца молодых,
Которые домой идут.

По горным тропам шел их путь.
Две речки переплыли вброд:
И Шат-Кечу, и Таш-Кечу,
Где так и не было моста, –

Алма знакомые места.
И, наконец, пришли они
В долину, где спокон веков
Пасут китайцы табуны;
Когда поближе подошли,
Навстречу вышел караул –
Табунщик главный Карагул.
Он был в долине Каркыра,
Где Конурбай и Нескара
Гостям устроили разбой,
Угнали лошадей с собой.
– Откуда вы? Зачем пришли?
Средь жителей округи всей,
Я не встречал таких людей, –
Спросил в тревоге Карагул.
– Идем мы в город Чынмачын.
Я сам из племени конгур.
Мой брат – известный хан Бургур, –
Соврал табунщику Алма.
– А этот парень кто такой?
Одежда на плечах трещит,
Глаза таращит и молчит,
Как будто он глухонемой.
– Он сын бурутского вождя.
Когда попал бедняга в плен,
От страха проглотил язык.
Когда одежду дал ему,
Бурут был тощий, как шайтан,
А здесь отъелся, как кабан,
Теперь она ему впритык, –
Смеясь, ответил Алмамбет.
– А этого вы жеребца

Ведете на базар продать?
На чай хотите обменять?
– Он мне достался как трофей,
Когда, кыргызов разгромив,
Угнали мы их лошадей.
Идем мы в город Туанша,
Сюда вернемся не спеша.
Ты присмотри за ним, мой друг,
Тенге получишь за свой труд! –
Алма с коня узду стянул,
Камчой по крупу стеганул.
Увидев свой родной табун,
Галопом Карткурон рванул,
Своих обнюхал кобылиц –
И весь табун как вожака
Признал родного жеребца.
Тут сразу понял Карагул,
Что Алмамбет его надул.
Конягу стеганув камчой,
Пустив столб пыли за собой,
Умчался в страхе Карагул,
Чтоб Конурбау рассказать
О том, что враг пришел в Китай
Его не стали догонять –
Им надо было поскорей
На родину угнать коней.
Сыргак о щит свой постучал
(Знакомый табуну сигнал) –
И тут же верный Карткурон
Табун свой в Каркыру погнал,
Туда где стелится ковыль,
И запах трав родных пьянит,

Где сказочный Кеген бурлит.
Да разве можно край родной
Землей другою заменить!

Разведчиков оставим здесь,
Чтобы узнать другую весть:
Чем заняты Манас, Чубак.
На берегу реки Марал
Они устроили привал
И ждали там, когда придут
С разведки Алмамбет, Сыргак.
– Езжай за ними, мой Чубак!
А вдруг у них стряслась беда,
Не могут выбраться сюда! –
Забеспокоился Манас.
Чубак помчался тут же в путь,
Чтоб о батырах весть узнать.
А сам Манас улегся спать:
Три дня, три ночи был в седле,
Не спал, не отдыхал нигде.

Начало битвы

Примчался к хану Карагул
И Конурбау сообщил
О том, что хитрый Алмамбет
Угнал кыргызский весь табун.
– Предателя и беглеца
Насквозь я проколю копьем
Или схвачу его живьем!
Связав, на площадь приведу,

Башку прилюдно отсеку! –
Взревел во гневе Конурбай.

В ущелье узком с двух сторон
Таились Алмамбет, Сыргак,
Чтобы устроить там завал,
Дружину сверху перебить,
А Конурбая самого
Живым в заложники схватить
И Эсенхану предложить
Взамен без боя сдать Бейжин.

Чубак, примчавшись в Тал-Чоку,
Увидел сверху весь Китай.
Вдали от города Бейжин,
Подняв столб пыли за собой,
С своей дружиной боевой
К ущелью мчался Конурбай.
И эр-Чубак во весь опор
К Манасу бросился назад.
– Проснись, мой хан! – кричал Чубак,
Но спал, как мертвый, эр-Манас.
Пытаясь хана разбудить,
Он даже голову потряс,
Бил по лицу и щекотал.
Отчаявшись вконец, Чубак
По заду хана своего
Камчой ударил что есть сил –
И лишь тогда батыр Манас
Глаза свои с трудом открыл.
– А что случилось, мой Чубак? –
Спросил он, зад свой почесав,

С упреком глянул на него,
– Поспать спокойно не даешь.
– Алма, Сыргак окружены!
А ты храпишь и видишь сны,
Как будто летом на джайлоо
Лежишь в объятиях жены! –
Во гневе заорал Чубак.
И вот Манас и эр-Чубак
Помчались к боевым друзьям,
Чтобы Сыргак и Алмамбет
Не угодили в плен к врагам.

В ущелье узком вдоль реки
Рубились, жизни не щадя,
Кыргызские богатыри.
А к ним уже со всех сторон
Ползли китайцы по горам,
Увидев это, хан Манас
Сыргаку тут же приказал
Скорее сообщить своим,
Чтоб все кыргызы как один
Пошли походом на Бейжин.
Загнав коня в десятый пот,
К Бакаю прибыл эр-Сыргак,
Но, кроме слов «Ава! Ава!»,
Не мог он ничего сказать –
Забыл от страха все слова.
– Ты что, мой доблестный Сыргак,
В штаны от страха наложил?
Немедля дух свой собери
И весть нам поскорее дай! –
Потребовал старик Бакай.

– Нашли мы наших лошадей,
В табун пустили жеребца,
И наш отважный Карткурон
Умчал коней всех в Каркыра.
Но тут проклятый Конурбай
Нас окружил со всех сторон.
Боюсь, пока мы к ним дойдем,
В живых батыров не найдем! –
Дрожа поведал эр-Сыргак.
– Сыргак, немедля замолчи!
Не должен слышать здесь никто,
Что Алмамбет, Чубак, Манас
Там в окружении сейчас!
Услышат если эту весть,
Войска мы не удержим здесь.
Как зайцы, разбегутся все.
Из них, поверь мне, ни один,
Не выйдет с нами на Бейжин!

И вот Сыргак и эр-Бакай
Спокойно прибыли к войскам.
И рассказал им эр-Сыргак,
Что Чет-Бейжин у них в руках,
Как Конурбай и Нескара
Манасу бросились к ногам,
– Богатства предложили нам,
Красивых девушек и вдов,
Скорее надо все забрать! –
Сказал батырам эр-Сыргак.
И тут же с криками «Ур! А-а!»
К Бейжину бросилась орда,
Побольше чтоб себе урвать,

Попить, поесть и погулять.
И стяги над собой подняв,
Под громкий добулбасов бой,
Под звуки чоор, керней, сурнай
Пошли кыргызы на Китай.

А здесь Манас, Алма, Чубак,
Зажатые в крутых горах,
Попали в тесное кольцо.
Войска свои вели сюда:
Свирепый воин Мурадыл,
И в красной шапке Нескара,
А с ним калмыцкий хан Ушан,
И хитроумный Борончу,
Воительница Оронгу,
Глава калмыков хан Жолой,
Мантукский воин Бозкертик.
И копыа, словно лес густой,
Сверкали сталью голубой,
И стяги тридцати родов
Несут войска над головой.
Вверху синеют небеса,
Внизу бурлящая река,
Куда ни глянь – враги везде,
И нет спасения нигде.
Кыргызам предложил Конур:
Напрасно кровь не проливать,
Манасу мирно сдаться в плен,
И Алмамбета им отдать –
Тогда Манаса и чоро
Они не будут убивать.
И чтоб войска свои Манас

Увел немедленно в Талас.
– А если не согласны вы,
Захватим в плен мы всех живьем,
На плахе головы снесем!–
Кричал им снизу Конурбай.
Сказал Манасу Алмамбет:
– Нам выхода иного нет.
Мой хан, к китайцам я пойду.
Пусть срубят голову мою!
Зато Чубака и тебя
От верной гибели спасу!
– О чем ты говоришь, мой друг?
Мне непонятен твой испуг.
Мы будем биться, Алмамбет!
И лозунг мой сейчас и впредь:
«Или победа, или смерть!» –
Сказал Манас ему в ответ.
И тут, как муравьи земли,
Как тьма голодной саранчи,
Враги по склонам поползли.
И трех батыров наверху
Достигли первые ряды.
И дали бой богатыри!
И кровь ручьями потекла,
И сотни выпущенных стрел
Впивались в щит и гнули шлем.
Но силы были неравны.
Теснее замыкался круг,
Чтобы забрать батыров в плен.
И в это время грянул вдруг,
Как гром небесный, добулбас –
И видит там, внизу, Манас:

Как горный селевой поток,
Как мощный ураган степи,
Готовый все с земли снести,
Под кличем яростным «Ура!»
Идут кыргызы на врага!
Дрожит китайская земля.
Под стягом родовых племен:
Глава казахов хан Кокче,
Батыр кыпчаков эр-Тоштюк,
От Андижана Санжибек,
Глава эштеков Жамгырчи,
Ташкентец юный Бокмурун,
А рядом доблестный Урбю,
И сорок воинов-чоро,
Которых в бой ведет Кыргыз,
За ним Бакай и хан Кошой
Ведут войска на смертный бой.
С утра до ночи шла резня,
И с ночи снова до утра
Рубились, жизни не щадя.
Из трупов высилась гора.
И кровь от битвы роковой
Лилася красною рекой.
И всюду стон, проклятья, крик,
Не отличишь чужих, своих.
Жолоя эр-Чубак настиг,
Копьем насквозь его пронзил,
Но тут китайский хан Ушан
Чубаку в бок копье всадил.
А подоспевший Алмамбет
Ушану голову срубил.
Свой город вышел защищать

Гигант китайский Мадыкан,
Но тут же, угодив в капкан,
Убит был грозный великан.
Нашли на поле смерть свою
И Музкиндик, и Ылама.
И вот сошлись лицом к лицу
Батыр Манас и Конурбай.
Манас взмахнул своим мечом –
И тот с пораненным плечом
Умчался в город Чет-Бейжин.
За ним китайские войска
Пустились в панике бежать,
И предводитель Нескара
Не мог бегущих удержать.
Кыргызы бросились вослед,
До стен догнали городских,
Но стража кованых ворот,
За стены пропустив своих,
Закрылась крепко от чужих.

Совет держа, сошлись в одном:
Бейжин весь осадить кольцом
Батырам дать передохнуть.
Когда устроили учет
Все он баши и жуз баши,
И каждый доложил из них:
Погибших больше, чем живых.
Заметил тут же Алмамбет:
Что средь живых Чубака нет.
Не мог представить он никак,
Что мог погибнуть эр-Чубак.
По всем ущельям и полям,

Где смертной бой кипел вчера,
Везде искали, не нашли.

А утром рано, чуть заря,
Чубак явился с Нескара.
За шею привязав к седлу,
Китайца вел на поводу,
За ним его дружину всю.
– Ты жив! А я тут слезы лью! –
Навстречу бросился Манас. –
Не ты ль, паскудный Нескара,
Набеги совершал на нас?
Погром устроил в Каркыра,
Пытался захватить Талас,
Убить пытался ты меня.
Теперь я вижу, дорогой,
Связали самого тебя! –
Злорадствовал батыр Манас.
– С победой ты закончил бой,
И волен здесь меня убить.
Но если сохранишь мне жизнь,
Готов я быть тебе слугой.
Открою я свою казну,
Красавиц юных подарю,
Отдам тебе весь этот край.
Прошу тебя лишь об одном:
Меня, Манас, не убивай! –
Взмолился пленный Нескара.
Манас был тронут, но потом
Поминки вспомнил в Каркыра –
И меч свой вынул из ножен.
Но за руку его схватил

Стоявший рядом Алмамбет:
– Он может пригодиться нам,
Когда за хана Нескару
Предложит выкуп Эсенхан!
Решили, что пойдут в Бейжин
Урбю, речистый Ажибай,
А переводчиком при них –
Манаса верный ашпозчу
Китаец-повар Шийкучу.

На троне ханском золотом
Их принял лично Эсенхан.
А слева-справа от него
И Айжанжун, и Кунжанжун
Стояли тут же и без слов
В поклоне слушали послов.
Китаец-повар Шийкучу
Служил Манасу много лет.
Он Эсенхану рассказал,
Что хан бурутов эр-Манас
Опасен, грозен и силен,
Завоевать способен он
Не только солнечный Китай –
Весь мир земной из края в край.
Чтоб город и людей спасти,
Был выход здесь всего один:
Пока не поздно, сдать Бейжин!
И с почестями Эсенхан
Манаса выехал встречать.
– Ты победил, батыр Манас!
Бейжин тебе я отдаю!
Людей напрасно не губи,

Святые храмы и дворцы
Прошу тебя, не разрушай!
Я трон тебе передаю,
Но просьбу выполни мою:
Живым отдай мне Нескару
И ханов всех, попавших в плен.
За павших воинов в бою
Я куну заплачу свою! –
Просил Манаса Эсенхан.
У ног Манаса расстелив
Расшитый золотом ковер,
Надев на голову венец,
Его подняли на руках
И в главный понесли дворец,
На ханский усадили трон.
И вот с китайской всей земли
К Манасу на поклон пошли
Калмык, китаец и манжу.
Дары богатые несли,
С улыбкой мягкой, лебезя,
Манасу в верности клялись.
Когда он в город выезжал,
Народ кричал и ликовал.
Манас был горд и убежден,
Что весь Китай им покорен!
Добился цели Алмамбет,
О чем мечтал он столько лет:
Вернул владенья и казну,
Взял в жены деву Бурулчу.
Гулял на свадьбе Эсенхан
Как Алмамбета тесть родной,
Забыв обиды и вражду,

Скрепилась дружбой родовой.
И три жигита с Шууту
Помчались сообщить в Талас
О том, что взят и покорен
Китайский город Чет-Бейжин
И что на трон взошел Манас!
Услышав радостную весть,
Была не рада Каныкей:
– Взят Чет-Бейжин, китайский трон,
Обрек себя на гибель он.
Пусть возвращается скорей –
Здесь сын родился Семетей!
А если вдруг погибнет там
Его отец, любимый мой,
Единственный ребенок наш
С пленок станет сиротой, –
Рыдала горько Каныкей,

В Бейжин примчался Шууту,
Манасу суйюнчи привез,
Что сын родился у него,
Что имя дали Семетей,
И что просила Каныкей
В Талас вернуться поскорей,
И что кыргызский весь народ
Своих родных с победой ждет!
Мольбе жены Манас не внял –
Он воинов своих собрал
И перед ними речь держал:
– Я строг был с вами и жесток –
Иначе поступить не мог.
И против воли вашей я

В поход повел всех на Китай.
Ценою крови и смертей
Мы перед родиной своей
Сыновний выполнили долг:
Повержен враг, лежит у ног!
Когда народ в стране един,
Врагами он непобедим!
Закончен боевой поход –
Переотдохнуть пора бойцам.
Молодоженам, старикам,
Кто болен, ранен был в бою,
Отныне волю я даю –
Пусть возвращаются домой!
Кыргыз с дружиной боевой
Пусть здесь останется со мной!
– Хвала, великий хан Манас! –
Кричали воины вокруг,
От слез не вытирая глаз.
Устроили прощальный той.
Затем Бакай, старик Кошой,
Отец Манаса бай Жакып,
Сын Элемана эр-Тоштюк,
Отец Чубака Акбалта
Навьючили на караван
В боях добытое добро
И двинулись в родной Талас,
Где ждали их уже давно.
Не знал доверчивый Манас,
Что сдача города Бейжин
Была уловкой, чтоб потом
Весь город окружить кольцом,
Призвать к оружью горожан,

Дворец Манаса захватить
И всех кыргызов перебить.
А хитроумный Конурбай
Велел оружие ковать,
Для стрел смертельный яд искать –
Конур ждал часа своего.
Узнав, что многие бойцы
С добычею в Талас ушли,
Ослабла стража во дворце,
Он за Манасом стал следить,
Чтобы пробраться и убить.
Слугу Манаса – Шийкучу
Сумел он тайно подкупить.
Калмык по имени Манжу
С макушки сбрил свою косу
И, как бродячий мусульман,
На голову надел чалму,
Взял в руку старую клюку
И, словно нищий, поутру
Пошел к Бейжинскому дворцу.
А здесь лазутчик Шийкучу
Печеный хлеб ему подал –
И в тот же миг калмык Манжу
Помчался к хану своему.
Конур лепешку разломал,
И там, в записке, прочитал,
О том, что утром хан Манас
Выходит в сад читать намаз.
На этот ритуал святой
Он стражу не берет с собой,
И, в сад проникнув, в этот миг
Манаса можно загубить.

К дворцу помчался Конурбай.
Старик Кыргызл и Акаяр,
Что сторожили хан-сарай,
Заснули крепко на заре
И не узрели, как проник
Сам Конурбай на Алгаре.
А сад Манаса охранять
У Ажибая был черед,
Он знал, что ханский в сад никто
Через Кыргызла не пройдет.
Прижав копье свое к земле,
Сам Ажибай дремал в седле.
Читать предутренний намаз
Пошел к реке батыр Манас.
Он руки в воду опустил
И омовенье поутру
По шариату совершил.
В халате легком на плече,
В молитве утренней просил,
Поднявши руки к небесам,
Чтоб сохранил создатель сам
Его победы над врагом,
Живым домой вернул его,
Чтоб, наконец, увидеть там
Родного сына своего.

Молитва Манаса

Всевышний Бог! Создатель мой!
Я на коленях пред тобой.

Дав солнце нам над головой,
Ты освещаешь мир земной,
Сиянье к ночи погасив,
Нас оставляешь с темнотой.
Святых пророков, мудрецов
Ты нам даешь, Создатель, сам.
Безмозглых, глупых дураков
На землю посылаешь нам.
Чтоб жили в войнах и борьбе,
Ты посылаешь нам врагов.
Дав сердцу пламень и любовь,
Героев создаешь ты сам.
Создатель неба и земли,
Судить нас можешь только ты!
Твоих сынов водил я в бой,
Чтобы спасти народ родной!
Благословлял меня в пути
О, мой Создатель, только ты!
Я кровь людскую проливал,
Друзей и братьев я терял!
Прости меня за этот грех –
Таков был мой жестокий век!
Создатель мой! Прошу тебя,
Народ в единстве сохрани!
Пускай плодится и живет,
Пусть множится, жиреет скот!
И льется в закрома зерно!
На волю, жизнь и труд его
Не посягает пусть никто!
И пусть народ мой тыщи лет
Не знает горестей и бед!
Пусть будет хан, занявший трон,

В народ свой, как и я, влюблен!
И землю предков от врагов
Хранит и защищает он.
Дай честь и мудрость старикам,
Добро и ласку матерям,
Отвагу, совесть сыновьям,
Благоразумье дочерям!
Народ чтоб в мире вольно жил,
Отдали кровь свою и жизнь
Кыргызов верные сыны!
О-омин!
И в этот безмятежный миг
Манаса Конурбай настиг –
Нанес удар своим копьем...
Услышав хана громкий крик,
Проснулся стражник Ажибай,
Но скрылся подлый Конурбай!
Вернулся Ажибай назад,
И вырвал пику из спины.
На зов примчался Алмамбет,
Из раны кровь остановил.
Но сломанный конец копья
В спине остался глубоко,
Извлечь его не смог никто...

Гибель батыров

Промчался по Китаю слух
О том, что ранен хан Манас.
Поднялся у кангайцев дух.
Для Конурбая, Нескары

Настал их долгожданный час.
В три круга осадив Бейжин,
Чтоб из бурутов ни один
С Китая не ушел живым,
И чтобы выгнать мусульман,
На бунт подняли горожан.
И вот на город Чет-Бейжин
Пошла стотысячная рать,
Чтобы кыргызские войска
Рубить, колоть, уничтожать.
Подняв Манаса красный стяг
И бросив клич «Манас! Урр-а!»,
Повел бесстрашный Алмамбет
Войска кыргызов на врага.
Жестокий получив отпор,
Кангайцы стали отступать.
Ни Айжанжун, ни Кунжанжун
Не в силах были их сдержать.
Но вот с отрядом боевым
Навстречу вышел Конурбай,
За ним поднялся весь Китай.
И, как могучий шторм морской,
На битву вышел весь народ –
И закипел нещадный бой.
Смешались кони, люди здесь,
Покрылась трупами земля,
Людская кровь рекой текла.
В пыли, в чаду, в огне, в дыму
Друг друга не могли узнать
Кыргыз, китаец и манжу.
Истощный крик, предсмертный стон
Звучал вокруг со всех сторон!

Погиб с тулпаром Мааникер
Сын Кокетея Бокмурун –
Его прикончил Кунжанжун.
Под градом выпущенных стрел
Отважно бился Алмамбет.
Схватить богатыря живым
Хотел с дружиной Айжанжун.
На помощь бросился Серек –
Жанжуну голову отсек.
Сыргака окружив кольцом,
Пытались сеткою поймать,
Но конь Сыргака Кокчебич
Им не давал себя догнать.
Копытом влево-вправо бил,
Седок его сплеча рубил.
К нему помчался выручать
С дружиной храбрый Музбурчак –
И сетку разрубил Сыргак.
И сорок воинов-чоро:
И Ажибай, и Жамгырчи,
И Алмамбет, Чубак, Сыргак,
И хан Кокче, и Музбурчак,
И Санжибек, и хан Урбю –
Сражались насмерть как один,
Чтоб удержать в руках Бейжин.
Но вот в ряды кангайских войск
Пришел охотник Шипшайдар –
Стрелок-меткач – козго атар.
Умел он на скаку попасть
Стрелою меткой прямо в глаз.
Зажав пробитое плечо,
Рубился доблестный Кокче.

И тут кангаец Кунжанжун,
Спасаясь, бросился бежать.
Когда Кокче его догнал,
Вдруг появился Шипшайдар –
И точным выстрелом одним
Сразил батыра наповал.
У ханской ставки Музбурчак
Зажал с бойцами Нескару.
Дружину потеряв в бою,
Он отбивался кое-как.
Вот появился Шипшайдар –
Лишился жизни Музбурчак.
Отважно бился эр-Сыргак.
Он Конурбая сбил с коня,
Взял Алгару за удила,
Но тут крылатый Кокчебич
Споткнулся, и Сыргак упал.
Проклятый Шипшайдар-стрелок
Примчаться и сюда успел –
И пущенная им стрела
Сыргаку угодила в лоб.
Подняться он уже не мог.
Спасти чтоб друга своего,
Умчался в горы Кокчебич –
И там постигла смерть его...
Батыр Чубак был окружен,
Отчаянно рубился он.
Чтобы Чубака взять живым,
Набросили большую сеть.
Но эр-Чубак не сплеховал –
Руками сети разорвал.
Туда отряд своих стрелков

Привел охотник Шипшайдар –
Меткач и убивать мастак,
И градом выпущенных стрел
Убит был доблестный Чубак.
Погиб и леопард Серек.
Простились с жизнью: хан Урбю,
С ним юный весельчак Айдар,
Силач могучий Акаяр,
Стрелок, рубака Акжолтой,
Хан Андижана Санжибек –
Погибших всех не перечеть.
Один остался Алмамбет.
Чтоб не попасть врагу живым,
Алма решил в свой смертный час
Коня на волю отпустить,
Кинжалом грудь себе пронзить –
Китайский древний ритуал.
Но Шипшайдар ему не дал
Своей рукой себя убить –
Стрелу он меткую пустил
И прямо в шею угодил.
Друг Алмамбета Сарала
С батыром бросился в галоп –
Догнать его никто не смог.
Сын Ырамана Ырчы-уул
В слезах Манасу сообщил,
О том, что нет уже в живых
Батыров славных и родных,
И что в отчаянном бою
Осталось мало их в строю.
Заплакал раненый Манас:
– Зачем мне жить, когда в живых

Батыров нет моих родных?!
За ними я на смерть пойду!
Едва преодолая боль,
Седлать велел он Ак-Кулу –
И на последний смертный бой
Повел он войско за собой.
Когда китайские стрелки
К Манасу близко подошли,
Пустили в хана сотни стрел.
Но не сразила ни одна –
Спасала крепкая броня.
И Шипшайдар тогда решил
Лишить Манаса скакуна –
И в горло верному коню
Попала черная стрела.
Пал на колени Ак-Кула...

Возвращение из Великого похода

В одну из пасмурных ночей
В слезах проснулась Каныкей,
Младенца в руки взяв с пелен,
Рыдая, грудь ему дала.
И, вспоминая страшный сон,
От слез сдержаться не могла.
У речки серенький бычок
Вдруг начал, как дитя, реветь –
Погиб, наверно, Алмамбет.
А белый сокол на лету

Крыла могучие сломал –
Видать, Чубак попал в беду!
Чинара, стоя во весь рост,
На землю рухнула в момент –
Ужель в живых Сыргака нет?
А трон Манаса вдруг упал,
Все ножки подогнулись вмиг –
Знать, Ак-Кула под ним погиб.
И если славный наш отец
Попался без коня врагам –
Жестокий ждет его конец:
Живым он не вернется к нам!
Сон этот мудростью своей
Так разгадала Каныкей.
А если с боя не придут
Манас и верные чоро,
Беда придет опять в народ.
И, как всегда, здесь вспыхнет вновь
Борьба за власть между родов.
Коль нет достойного вождя,
Начнется личная вражда.
Наследник только что рожден,
Не скоро возмужает он.
А братья Абыке, Кобёш
Погибели батыров ждут,
Чтоб власть Манаса поделить
И чтобы в ханскую казну
По локти руки запустить.
Народ единый и оплот,
Манасом созданный в боях,
Погибнет, превратится в прах.
И вновь в изгнание, вразброд

Пойдет разграбленный народ,
Вновь опустеет отчий край.
– Спешите, дядюшка Бакай!
Вот здесь письмо, вот конь ему –
Скакун по кличке Тайбурул,
В боях он истинный дулдул.
Пусть наш отец, любимый мой
Из гибельной страны чужой
Живым вернется к нам домой!
Сыночек ждет его родной!
Езжайте, дядюшка, скорей!
И лучших боевых коней
В Китай послала Каныкей.
Собрав свой боевой отряд,
Через дремучие леса,
Пустыни, горы и луга
Назад, в загадочный Китай
Помчался доблестный Бакай.

В десятый пот загнав коней,
Он мчался тридцать дней-ночей.
И к Желтой прибыл он реке,
Что по-китайски Хуан-хэ.
И он увидел в темноте:
В долине гор, на высоте
Сияют мириады звезд,
Вокруг темнеет лес густой,
Закрывший тенью небосвод.
Приблизившись, увидел он:
Манас врагами окружен.
Не звезды это, а костры,
А лес – китайские войска,

Рассвета ждут, чтобы с утра
Тесней кыргызов окружить
И поголовно перебить.
Но хитроумный хан Бакай,
Никем не ведомой тропой
Прошел к Манасу невредим
И появился перед ним.
Привел он боевых коней,
Вручил письмо от Каныкей.
Прочтя, что ждет его сынок,
Манас сдержат себя не мог,
От счастья чуть не зарыдал,
И, как любимое дитя,
Письмо к груди он прижимал.
И снаряженьем Ак-Кулы
Он Тайбурула оседлал.
– Теперь, проклятый Конурбай,
Пощады от меня не жди!
За жизнь Чубака и Алмы
Вам не дадим пощады мы!
Нам случай для победы дан:
Глухая ночь, густой туман.
И Зулпукор – свой грозный меч
Поднял Манас над головой,
Повел войска на смертный бой.
Как смерч, как ураган ночной,
Врагам, объатым крепким сном,
Жестокий учинил погром.
С тех пор, как волею небес
Под солнцем греется земля,
Никто не знал до этих дней
Подобной битвы меж людей.

И цель у всех была одна:
Не жизнь! Не солнце! Только смерть!
И сколько пало в том бою,
Никто не сможет перечесть!
И Конурбай, спасая жизнь,
Бежал в свой каменный Бейжин,
И там укрылись все, кто мог,
Закрыв ворота на замок.
Войска Манаса на конях
Не в силах были город взять,
И по железным воротам
Напрасно били топором.
Тогда решил батыр Манас
Бейжин еще раз осадить,
И так, без пищи и воды,
Войска и город уморить.
И вдруг как будто бы с небес
Создателя раздался глас:
– Китай велик, непобедим.
Когда весь мир объял потоп,
Остался цел и невредим.
И даже грозный Искандер
Не смог найти сюда путей.
Так уходи, Манас, скорей! –
Сказал глас разума, видать.
Манас не мог ему не внять –
И дал команду отступить.

Без хана храброго Кокче
В родные степи Сар-Арка
Ушли казахские войска.
Таджиков храбрые стрелки,

Простившись рано поутру,
Ушли в родную Бухару.
Их предводитель Музбурчак
В долине смерти погребен –
К любимой не вернется он.
И храбрецов лихой отряд,
Привел которых Бокмурун,
Убитых схоронив ребят,
По хану павшему скорбя,
Ушли в ташкентские края.
Погибших всех похоронив,
Свой стяг победный опустив,
Не вытирая слез из глаз,
Кыргызы двинулись в Талас.
Когда прошли Китайский вал,
Расположились на привал,
Вдали вдруг кто-то увидал,
Что вслед за ними конь бредет,
Седок лежит, обняв коня,
Блестят на солнце шлем, броня –
И все узнали: к ним идет
Конь Алмамбета – Сарала.
– Мой Алмамбет! Ты жив, родной!
Ужели бог меня простил,
Коли вернулся ты живой? –
От радости Манас вскричал
И, несмотря на раны, боль,
Навстречу другу побежал.
Не выпуская удила,
Рукой за холку Сарала
Держался мертвый Алмамбет.
Видать, китайская земля

И прах его не приняла –
За то, что, бросив край родной,
Властолюбивый блудный сын,
Собрав войска страны чужой,
На свой народ пошел войной
И столько жизней загубил!
И если бог его простил,
Судьба кыргызов не простит –
Потомкам долго будет мстить...
Батыра здесь похоронив,
По горсти бросили земли,
И, скорбно головы склонив,
Кыргызы двинулись в Талас.
Конь Алмамбета Сарала
Один остался у бугра,
И на могилу седока
Упали слезы с карих глаз.
А на носилках меж коней
От раны эр-Манас стонал.
За ним, нагруженный добром,
Шелками, златом, серебром,
Верблюжий караван шагал.
– Зачем все это мне дерьмо?
За это ль кровь я проливал?
За это ль тысячи людей
В боях жестоких потерял?
Не стоит жизни этот прах!
Коль не победу, а беду
Принес народу своему.
Прости, Тенгир мой, в небесах! –
Просил у бога он в бреду.
– Погибших к жизни не вернешь,

Утратой сердце не терзай,
Так было суждено, видать.
Народ с победой будет ждать.
Батыр, ты духа не теряй! –
Сказал Манасу брат Бакай.
Манас слабеющей рукой
Бакая мудрого обнял,
Не падать духом обещал,
Просил гонцов послать вперед
И сообщить, чтоб знал народ,
Как завершился их поход.
Письмо послал он Каныкей
О том, что ранен был в бою,
И встретить с сыном на руках
Просил любимую свою.
Письмо Манаса получив,
Рыдала горько Каныкей:
– И если в спину ранен он,
То значит, сбылся страшный сон.
Чубак! Сыргак! Наш Алмамбет!
Видать, и вас на свете нет!
И, малыша прижав к груди,
Пошла навстречу Каныкей.
Манас узнал издалека
Жену с ребенком на руках,
Собрал все силы, сколько мог,
Надел свой шлем и ак-олпок,
На боевом лихом коне
Навстречу выехал жене.
– Ужель вернулся ты живой
С Бейжина, повелитель мой!
Но где, скажи мне не тая,

Дружина славная твоя? –
В слезах спросила Каныкей.
– Прошу, любимая моя,
Ты душу мне не тереби,
Скорее сына моего
Поддай в объятия мои!
Ведь для него в жестокий час
Сам бог меня от смерти спас! –
Супругу умолял Манас.
Но Каныкей была тверда –
Манасу сына не дала!
И раньше знала Каныкей:
Манас глазлив на малышей,
И если глянет на дите –
От смерти не спасет никто.
Под глазом черное пятно,
Особым пламенем горят
Его зеленые глаза.
И на родного малыша
Манасу посмотреть нельзя.
Из рук Манаса взяв камчу,
Ко лбу прижала малышу.
Отец камчу святую взял,
Прижал к груди, поцеловал.
(Родного сына эр-Манас
До смерти так и не видал).
Когда приехали в Талас,
Отвсюду съехался народ
С похода воинов встречать.
В тревоге вышла Арууке,
К Манасу бросилась в слезах:
– А где мой Алмамбет, жезде?

Меж вами не видать нигде!
Манас с трудом сошел с коня,
Как дочь, прижал ее к груди:
– Родная, ты его не жди!
Погиб наш славный Алмамбет.
Чубака нет в живых, аяш!
Сыргак убит в бою, аяш!
Лишился крыльев я и глаз! –
Рыдал могучий хан Манас.
Китайский покорив Бейджин,
В Талас вернулся я один.
За гибель славных сыновей
И за бесславный мой поход
Прости меня, родной народ!..
Слезами исходил родник,
Пожухли травы, лес поник,
И всюду плач, рыдания, рев
Сирот, несчастных стариков.
Не в силах был смотреть Манас
На плачущих детей и вдов.
А по спине его, струясь,
Из раны с болью кровь лилась.

Завещание Манаса

Сознание терял Манас
Из раны кровь его лилась,
Свою супругу Каныкей
Прижал к груди в последний раз:
– Мужайся, верная моя!
Видать настал мой смертный час.

Из желторотых я птенцов
Могучих беркутов взрастил.
Разбросанный кыргызский род
В единый я собрал народ,
На землю предков возвратил.
И для потомков на века
Отечество я сохранил.
И в холод, в голод, в нищету
Собрал богатство и казну,
Создал могучий каганат.
Я счастлив, перед смертью рад,
Что за кыргызский свой народ,
За честь и родину свою
Я жизнь, не дрогнув, отдаю.
Я верю, за великий труд
Потомки честь нам воздадут!
Накрой меня в последний раз
Одеждой бронной ак-олпок,
А рядом пусть лежит ружье –
Мой безотказный ак-келте.
С зарядом сумку боз-кисе
Повесь сюда на кереге.
У изголовья положи
Мой меч булатный Зулпукор.
А справа от меня поставь
Стальную пику сыр-найзу
И в руку правую подай
Мою любимую камчу.
Ты просьбу выполни мою –
И встречу я последний миг
Не как дряхлеющий старик –

Как воин, раненный в бою!
Чтоб недруги от мести злой
Не надругались надо мной.
Могилу чтоб никто не знал,
Меня в горах похорони.
Пусть знают тайну обо мне
Бакай и дядюшка Кошой.
В Турфан, к калмыкам, весть пошли,
Девиче храброй кыз-Сайкал:
Я в жены взять на свете том
Влюбленной деве обещал.
Себя для сына береги!
Когда схороните меня,
Ты в Бухару, к отцу беги –
Пусть там растет наш Семетей!
А здесь, на родине своей,
Он не увидит светлых дней.
И братья Абыке, Кобёш
Тебе житься здесь не дадут,
А если будешь возражать,
Найдут причину и убьют.
И сына нашего они
В манкурта тут же превратят,
Заставят скот его пасти.
Как возмужает Семетей,
О жизни расскажи моей,
Кем был его отец Манас,
Что родина его Талас.
Батыром сына воспитаи,
С дружиной верной, боевой
Вернитесь с сыном в отчий край.

Смерть Манаса

И ночью тайно Каныкей
Жигитов верных собрала,
По горным тропам далеко
В ущелье утром привела.
У скал на каменной стене
Пробить заставила проход
И там для вечного жилья
Построила Манасу грот.
Когда вернулась Каныкей:
– Готово ль все? – спросил Манас. –
Теперь зови сюда родных,
Друзей и воинов моих,
Взгляну на них в последний раз...
И люд пошел со всех сторон
Отдать последний свой поклон.
Когда все воины прошли,
Манас жену к себе позвал,
К губам ладонь ее прижал –
И душу небесам отдал...
И зарыдал тут весь народ:
Рыдал Кошой и эр-Тоштюк,
С ним Ажыбай, седой Бакай,
Батыры – верные чоро.
Затмились солнце и луна:
Как в склепе, ночь была темна.
Трещала, рушилась скала,
С корнями падали леса,
Дрожала под ногой земля.
Верблюды могучий Желмаян

(В поход с батыром он ходил)
У юрты, где лежал Манас,
В слезах колена преклонил.
А пес Манаса Кумайык
Семь дней подряд не ел, не пил,
И ночью, глядя на луну,
Скулил он жалобно и выл.
А ловчий сокол Ак-Шумкар
На лапах путлица порвал,
Над юртой траурной кружил,
Потом бесследно в горы взмыл.
Скакун батыра Тайбурул,
Манасом признанный дулдул,
Сорвать пытался удила,
Хрипел, копытом землю бил,
И в конских преданных глазах
Дрожала горькая слеза.
И тихо, чтоб никто не знал,
Скончалась дева кыз-Сайкал.
Душа влюбленной вознеслась
Туда, где ждал ее Манас.
Жена Манаса Каныкей
Держалась на ногах едва,
Вдовой оставшись в тридцать два,
Рыдала в траурном платке,
И слезы с кровью по щеке
Текли безудержной струей.
– Угасло солнце в небесах,
На землю опустился мрак.
Потухла яркая звезда –
Пришли к нам горе и беда.
В платке я черном пред тобой,

Мой хан, возьми меня с собой!
Ушел ты рано в мир иной,
Оставил сына сиротой,
В беде оставил свой народ.
Ох, горькая судьба нас ждет:
Страдания, нищета и гнет.
А сын твой бедный Семетей
Не скоро власть твою возьмет, –
Рыдала горько Каныкей.
Шесть братьев, выстроившись в ряд:
Кобёш и старший Абыке,
Чыйбыт, Кочкор и Адыбай
И самый младший брат Колбай, –
Фальшивую слезу пустив,
А в душах радость затаив,
«Прощай, наш абаке!» вопят,
Как будто искренне скорбят.
Когда спустился мрак ночной,
Бакай, Тоштюк и брат Кошой
Обмыли тело, на покой
Прочли молитву и скорей
Манаса в горы увезли
И в скалах тайно погребли,
Камнями завалили вход.
(И вот уж тыщу лет прошло,
Никто не знает этот грот).
Бакай мудрейший, чуть заря,
Привез с кочевья тайно труп
Старухи, умершей вчера.
Камнями тело обложив,
Покрепче обвязав ремнем,
Прощальный совершив обряд,

Подняли тело над собой
И понесли, чтоб закопать.
За ними хлынул весь народ,
По горсти бросили земли
И, как Манаса, погребли.
Пришедшие со всех сторон
Вернулись к юрте с похорон,
Чтобы утешить Каныкей.
Крепиться все желали ей,
Пообещали через год
Под ханский стяг собраться здесь,
Манаса с честью помянуть –
И двинулись в обратный путь.

Едва отметив сорок дней,
К вдове Манаса Каныкей
Послал людей брат Абыке,
Чтоб брачный совершить нике.
Но, тут же получил отказ,
Потом Кобёш своих послал,
Снохе жениться предлагал,
Но и ему не повезло.
Пытался силою забрать
Манаса верную жену,
Власть хана и его казну.
И убедилась Каныкей,
Что это не ведет к добру,
Взяв сына с бабкой Чыйырды,
К отцу бежала в Бухару.
Брат Абыке и брат Кобёш
Ужиться вместе не смогли,
Чтоб хана власть себе забрать,

Войной ходил на брата брат.
И в ханстве возродилась вновь
Борьба за власть между родов.
Распался мощный каганат
Разграблен был и разорён,
Разгромлен был Манасов трон.
И тысячу, и больше лет
Кыргызы жили под пятой –
То под одной, то под другой.

За власть из зависти убьют,
И разорят, и продадут,
А выгоду получит плут.
А потому разумным будь!
В объятиях таласских гор
Манас великий наш лежит,
Но по батыру до сих пор
Никто поминки не провел.

*Декабрь 2007 –
10 сентября 2008*

СЕМЕТЕЙ

**Бегство Каныкей
из Таласа в Бухару**

Промчались ровно сорок дней
С тех пор, как доблестный Манас
Покинул мир живых людей.
Рыдания плакальщиц с зарей
Неслись над траурной землей.
Певец и сказочник Жайсан
(А дар ему был богом дан)
С утра по станам разъезжал,
В слезах батыра воспевал,
Манаса имя чтоб в веках
Кыргызов род не забывал,
В своих молитвах поминал.

Почтили память в сорок дней.
С почетом проводив гостей,
Отец Манаса – бай Жакып
Из всех родов собрал людей.
– Ушел из жизни мой Манас –
Защиты нет теперь у нас.
Погибли ханы и чоро.
В живых остался Тазбаймат,
И чудом смерти избежал
Глава дружины Кыргыз-чал,
Да старики Бакай, Кошой
Спаслись от смерти роковой.
Теперь единый каганат

Начнет делиться по родам.
Китайцы вновь нас разгромят,
Отнимут пастбища и скот –
Кыргызы вновь пойдут вразброд.
А чтоб народ был цел, един,
Им должен править хан один.
И мы должны сказать о том,
Кому доверим ханский трон.
Два брата у Манаса есть,
Их родила мне Бақдолет.
Пусть сын мой старший Абыке
Займет по праву ханский трон
И в жены Каныкей возьмет.
Таков наш родовой закон! –
Сказал народу бай Жакып.
– Сестрой мне стала Каныкей,
Она мне матери родней,
Пред нею в вечном я долгу,
И в брата брачную постель
Пред Богом лечь я не могу!
Кобёш пусть женится на ней,
И ханством править будет он.
Ему я уступаю трон! –
Сказал народу Абыке.
И тут же в ставку к Каныкей
Пошли Кыргыз и Тазбаймат.
Они сказали ей о том,
Что брат Кобёш взошел на трон,
Что скоро будет брачный той
И станет ханская вдова

Кобёшу младшею женой.
Но завещал батыр Манас
В последний час своей жене:
«Когда схороните меня,
Ты в Бухару к отцу беги –
Пусть там растёт наш Семетей.
А здесь, на родине своей,
Он не увидит светлых дней.
И братья Абыке, Кобёш
Тебе житья здесь не дадут.
А если будешь возражать,
Найдут причину и убьют.
Как возмужает Семетей,
О жизни расскажи моей:
Кем был его отец Манас,
А родина его – Талас».

С почтеньем выслушав гостей,
Ответила им Каныкей:
– Кобёш – мне деверь, мужу брат –
Достоин ханством управлять.
И, как велит нам шариат,
Чтоб сын не вырос сиротой
И чтоб по крови родовой
Потомство брата сохранить,
Должна я стать ему женой.
Но мне повелено судьбой
Остаться вечною вдовой.
Когда был жив ещё Манас,
Ему я сыном поклялась
О том, что к телу своему
Не дам коснуться никому –

И клятве буду я верна, –
В слезах ответила она.
С почетом проводив гостей,
Седлать велела скакуна –
Коня Манаса Тайбурул.
Взяв сына и свекровь с собой,
Ночной прикрывшись темнотою,
К отцу бежала в Бухару.

Прощание Каныкей с Таласом

Жена Манаса Каныкей –
Средь смертных нет ее милей!
Верней всех верных жен, она
Стройна, как лебедь, и нежна.
Бухарского эмира дочь,
В беде готовая помочь,
Смиряла всех, где был разлад.
В Таласе вырастила сад,
Сама здесь воздвигала храм.
Когда Манас был ханам хан,
Создал могучий каганат,
В державу гор, в оплот степей
Собрал кыргызских сыновей,
Была с ним рядом Каныкей.
Теперь несчастною вдовой,
Грудного сына взяв с собой
Должна покинуть этот край –
Так было велено судьбой.

В далекий отправляясь путь,
При звездах, в тишине ночной,
Свекровь и сына взяв с собой,
Рыдала горько Каныкей:
– Прощай, земля моя Талас!
В краю другом я родилась,
Но здесь познала я любовь,
И жизнь, и счастье, и власть.
Была Манасу я женой,
Шахиной гордой и рабой,
Подругой доброй и судьей.
И вот я покидаю вас,
Долины рек Кен-Кол, Талас,
Где спит любимый мой Манас,
С ребенком сирым и вдовой.
Знать, так повелено судьбой!
В душе тоска, страданье, грусть...
Слезой последнею клянусь,
Живой иль мертвою к тебе,
Я обязательно вернусь!
Как возмужает Семетей,
Узнает о судьбе своей,
Кем был его отец Манас,
Что родина его – Талас.
Когда я буду умирать,
Пусть даже на краю земли,
Родным я буду завещать,
Чтоб прах сюда мой привезли,
У ног Манаса погребли:
Так полюбила я душой
Народ кыргызский мой родной!
Прощайте, горы и леса,

Долины, реки и жайлоо!
Прощай, седой мой Ала-Тоо!
Прощай, земля! Прощай, народ!
Молиться буду по утрам,
Чтобы хранил Создатель сам
От войн кровавых и невзгод,
От бед стихийных, нищеты,
От зависти, коварства, зла,
Чтоб не было сирот и вдов,
Борьбы за власть между родов!
Сняла свой траурный платок
И, взяв в ладони горсть земли,
Связала в крепкий узелок.
И, бросив взор в последний раз,
В слезах покинула Талас.

Когда Кобёш узнал о том,
Что отказалась Каныкей
С ним брачный совершить нике,
Как лютый волк, он был взбешен:
– Таджичка хитрая, видать,
Сама решила сесть на трон!
Охрану ставки перебить,
А непокорную вдову
В зиндан глубокий заточить!
Ребенка у нее отнять!
А чтоб кормить и пеленать,
Найти ему другую мать!
Держать в темнице Каныкей,
Пока согласия не даст
Женой покорной быть моей! –
Вскричал во гневе хан Кобёш.

И только наступил рассвет,
Он с войском прибыл во дворец.
Но был он очень удивлен:
Ворота настужь, ни души.
Вдову, старуху с малышом
Искали всюду, не нашли –
Как будто сгнули они!
Навстречу вышел казначей
И, поклонившись, передал
Ключи от золотой казны.
Что так легко захватит власть,
Никак не ожидал Кобёш.
Ключи он к сердцу прижимал,
От счастья хохотал до слез.

На пути в Бухару

Когда пришли к Аму-Дарье,
Переходили реку вброд.
Коня с одеждой и едой
Бурлящей унесло водой.
Вослед бедняга Чыйырды
Бежала долго вдоль реки,
Пока груженого коня
Не поглотил водоворот.
В одеждах рваных, без еды,
С грудным ребенком на руках,
В бескрайней и пустой степи
Остались женщины одни.
Бедняги спали по ночам,
Прижавшись тесно к Тайбурул.

Проснувшись рано поутру,
Держали путь на Бухару.
Скакун крылатый Тайбурул,
В боях испытанный дулдул,
Копыта в кровь в пути разбил,
С трудом держался на ногах,
За ними плелся кое-как.
Без крова, пищи и воды,
Изнемогая от жары,
Они тащились по степи.

Утратив силы, Каныкей
Без чувств упала на траву.
К пустой груди ее прильнув,
Скулил голодный Семетей.
И, руки к небесам подняв,
Просила Бога Чыйырды
Родных от смерти сохранить,
Чтоб не пришлось на старость ей
Сноху и внука хоронить.
И горькая ее мольба
Звучала в синих небесах.
И к ним Святую Кайберен –
С козленком Серую Козу,
Видать, послал Создатель сам.
И слышит Серая Коза,
Что где-то здесь недалеко
Скулит голодное дитё.
Когда, едва придя в себя,
Открыла Каныкей глаза –
Стояла прямо перед ней

С козлёнком Серая Коза,
А вымя полное ее
Сосал младенец Семетей.
Виляя хвостиком смешным,
Сосал козлёнок рядом с ним.
Тут Чыйырды в свою ладонь
Сдоила козье молоко,
Голодной Каныкей дала.
Вот так Святая Кайберен
Людей от гибели спасла.
А Тайбурул, их верный конь,
Встал на ноги – окреп и он.
И двинулись в далекий путь
С кормилицей – Святой Козой.

И, наконец, дошли они
До благодатной Ферганы.
Здесь наступил прощальный час,
И, как к сестре, щекой к щеке
К Козе прижалась Каныкей.
Из четырех миндальных глаз
Катились слезы матерей.
Козленок красным язычком
Головку малыша лизал,
А тот братишку своего
За шею крепко обнимал.
Как дочь родную, Чыйырды
Прижала Кайберен к груди,
И слезы счастья по щекам
Текли безудержной струей.
Козлёнка бабушка взяла,

Поцеловала раз и два,
А тот на бабу Чыйырды,
Как внук балованный, смотрел,
Игриво хвостиком вертел...
Стояла долго на холме
Богиня гор, долин, степей,
И озорник-козленок с ней.
Смотрела уходящим вслед,
Пока в невидимой дали
Они не скрылись из очей.

Прибытие Каныкей в Бухару

С грудным ребенком на руках,
В лохмотьях, в рваных башмаках,
Они добрались кое-как
До стен столичной Бухары.
Просила стражу Каныкей,
Чтобы пустили во дворец, –
Никто не мог поверить ей,
Что сам эмир – ее отец.
Но все ж дождались наконец.
К воротам вышел Исмаил.
Сестру свою он не узнал
И страже строго приказал
В столицу не пускать бродяг.
Взмолилась Каныкей в слезах:
– О, Исмаил, мой брат родной,
Сестра твоя перед тобой.

Красавицей в шестнадцать лет
Я покидала отчий дом –
И вот вернулась я сюда
С ребенком сирым и вдовой.
Жезде твой доблестный убит,
В родном Таласе погребен.
Бежать скорее в Бухару
Пред смертью завещал мне он.
Чтоб сын его племянник твой,
Не рос ущербным сиротой,
Ты в сыновья возьми его.
Пусть думает мой Семетей,
Что я не мать ему – сестра,
А ты ему отец родной.
И Исмаил, прижав к груди
Сестру родную, зарыдал,
Озябшего взял малыша
И в ханский завернул чапан.
Согретый лаской и теплом,
Заснул с улыбкой мальчуган...
Так сын Манаса – Семетей,
Вдова Манаса – Каныкей
И мать Манаса – Чыйырды
Нашли заботу и приют
В дворце эмира Бухары.

Испытание скакуна Тайтору

Так Семетею Исмаил
Отца родного заменил.

Скакать на боевом коне,
Владеть копьём, мечом, щитом
Он сам племянника учил.
На трех различных языках
Мальчишка бойко говорил –
Фарси, арабском и родном.
А на кыргызском языке
Общались с бабкой меж собой.
Он мать родную Каныкей
Эже – сестрою называл.
О том, что мать она ему,
Мальчишка сызмальства не знал.
Как только юный Семетей
Подрос, окреп и возмужал,
Эмир бухарский Атемир
Решил в честь внука своего
Устроить небывалый пир.

Вот, потрясая небеса,
Долины, горы и леса,
Как иерихонская труба,
Взревел на весь восточный край
Из меди кованный карнай.
Со всех концов гостей на пир
Созвал щедрейший Атемир.
И Каныкей на том пиру
Решила испытать судьбу –
Пустить на скачки Тайтору.
И если конь ее лихой
На скачках всех опередит,
То Семетей, седок его,
Получит первую байгу.

Решила выйти на майдан
И сообщить прилюдно там,
Что этот быстроногий конь
От Ак-Кула был порожден.
На нем когда-то эр Манас
На смертный бой ходил не раз
И Туркестан – наш отчий край
От кабалы китайской спас.
И на коне – её сынок,
Его отец – батыр Манас,
А родина его – Талас.
Но если волею судьбы
Конь Тайтору сойдет с пути,
То сын Манаса Семетей
Уж никогда не будет знать,
Что я ему – родная мать,
И что отец его – Манас,
А родина его – Талас.
Земле и небу поклялась,
Что выпьет яд и сгинет с глаз.
И во дворец пошла к отцу,
Чтоб он немедля приказал
Пустить на скачки Тайтору,
Чтоб был в седле не кто-нибудь,
Сам Семетей – эмира внук.

И вот настал тот звёздный день,
Когда с просторной Ферганы
Пришли на площадь скакуны.
По кругу двинулись рысцой –
И саяпкеры вразнобой
По крупу, холке и ногам

Давали цену скакунам.
Прекрасные, как на подбор,
Красой своей лаская взор,
Кусают нервно удила,
Готовы мчаться хоть куда,
На запад, север и на юг,
Хоть землю обежать вокруг.
Когда верхом на Тайтору
На площадь въехал Семетей,
Ехидный смех раздался вдруг.
Смутился юный Семетей,
И был готов сойти с коня,
Но подбежала Каныкей,
И тихо молвила она:
– Невзрачен конь твой Тайтору,
Чем насмешил всю Бухару.
Он ростом мал, коротконог,
И шаг его не так широк,
Но конь твой может проскакать
Подряд без устали дней пять.
Ты волю дай ему в пути,
Не понукай, не бей камчой,
Держи на скорости одной.
Вначале может он отстать.
Когда ж, пройдя далекий путь,
Начнут другие уставать,
Скакун твой вырвется вперед
И первым к финишу придет.
Породы редкостной твой конь –
В горах кыргызских он рожден.
И вот тулпары всех мастей
Ушли на старт. Через восемь дней

Должны примчаться в Бухару.
И тех, что первыми придут,
Богатые подарки ждут:
И золото, и серебро,
Янтарь и прочее добро...
Назад с Жизака в Бухару
Помчались кони поутру.
Галопом мерным, не спеша,
Пошел за ними Тайтору.
Любуясь красотой своей,
Смотрел на мчащихся коней
С насмешкой юный Семетей.
Вот кони далеко ушли,
Исчезли, не видать вдали.
А Семетей на Тайтору
Отстал от них на три версты.
Звучали шутки – тамаша,
Ехидный юмор – аския,
Смеялись зрители вокруг:
Мол, на безухом ишачке
Последним мчится не спеша
Бухарского эмира внук.
Во гневе юный Семетей
Коня камчою понукал,
Но тот, не слушаясь его,
На той же скорости скакал.
И вспомнил юный Семетей
О старой тетушке своей
И их последний разговор.
Видать, бездетная вдова
От зависти к нему и зла,
Хотела, чтоб при людях он

На скачках испытал позор.
Решил он тут же: Тайтору
Зарезать, нищих угостить,
Скорей вернуться в Бухару
И тетку подлую убить.
Упершись крепко в стремяна,
Тянуть он начал удила,
Но Тайтору в своем скаку
Не подчинялся седоку.
И тут увидел Семетей
Вперед ушедших лошадей!
Вот обогнали двух коней.
Четвертый! Пятый!! Вот седьмой!!!
А вот и целою толпой,
Устав от бега, скакуны
За ним остались позади!
Один лишь мчится впереди
Скакун эмира Ак-Тулпар.
Но вот настал тот самый миг,
Как Тайтору его настиг.
И два коня ноздря в ноздрю
Помчались вместе в Бухару.
Но конь эмира Ак-Тулпар
(В пути он выдохся, видать)
Почти у финиша упал –
И был уже не в силах встать.
Примчался первым в Бухару
Тулпар кыргызский – Тайтору!

Народ кричал и ликовал,
Коней вернувшихся встречал.
Когда во всей красе своей

Навстречу вышла Каныкей,
Народ затих и замолчал.
Расшитый золотом чапан,
Кыргызский куний тебетей
Надела сыну Каныкей.
И на майдане в тот же миг
Восторженный раздался крик.
И слезы счастья, как ручей,
Из грустных полились очей.
И, Семетея взяв с собой,
Она вошла на минарет.
– Родные, гости и друзья!
Пред вами Санирабига!
Всем сердцем благодарна я,
Всем, кто пришел на этот пир.
Его в честь внука своего
Дает отец мой – Атемир.
Примчался первым в Бухару
И вырвал аламан-байгу
Скакун кыргызский Тайтору!
По родословной этот конь
От Ак-Кула был порожден.
На нем кыргызский хан Манас
Родную землю защищал,
На смертный бой ходил не раз.
Полсотни лет тому назад
Сидел на троне в Бухаре
Китайский хан Алооке.
Он много тюркских сыновей
Убил, изгнал, поработил.

Но хан кыргызов эр Манас
Войска китайские разбил
И отчий край наш Туркестан
От всех врагов освободил.
Благословенная судьбой,
Манасу стала я женой.
Мне дали имя Каныкей,
Что значит – ханская никей.
Вот Семетей – мой сын родной.
Отец его – батыр Манас,
А родина его – Талас!
За гибель своего отца
Врагам он должен отомстить,
Борьбе за власть между родов
Конец он должен положить.
Так завещал ему отец!
Эмир бухарский Атемир,
Воздевши руки к небесам
(Эмиру вторил весь майдан),
Просил, чтоб внука добрый Бог
От бед и гибели берег,
Чтоб сын Манаса Семетей
Исполнил свой сыновний долг!
И весь майдан в согласьи с ним
Благословил, сказав «Оминь»!

И ровно через тридцать дней
С дружиной крепкой, боевой
В Талас далекий, край родной,
Взял путь отважный Семетей.

Прибытие Семетей в Талас

В долину рек Талас, Кен-Кол
С дружиной прибыл Семетей.
Узнав дорогу от людей,
Нашел Манаса мавзолеей.
Здесь встретил их старик седой,
В одеждах нищенских, с клюкой.
– О-о, Семетей! Родной ты мой!
Бакай-ата перед тобой.
Узнал тебя я сей же час:
Ты с виду вылитый Манас!
Живу и охраняю здесь
Отца я твоего кумбез.
С Таласа выгнал, скот отнял
Манаса младший брат Кобёш, –
Заплакал горько хан Бакай.
Растроган был и Семетей.
За плечи старца он обнял.
– Ата, я знаю все о Вас.
И мать, и бабка Чыйырды
Мне с детства ведали не раз
О том, как Вы своим умом,
Богатым, острым языком
Могли любого убедить,
Толпу людскую усмирить,
Врагов нещадных примирить.
Всегда Вы знали наперед,
На завтра что произойдет.
Как зоркий глаз во тьме ночной,
Батыров славных за собой

Водили Вы на смертный бой.
И знаю я, ата, о том,
Что в мирной жизни, на войне
Манасу были Вы щитом.
Клянусь своею честью Вам,
В обиду Вас теперь не дам!
Вот Вам чапан и тебетей,
Что шила и послала Вам
Невестка ваша – Каныкей.
А вот вам конь, мой абаке.
В Таласе дед мой бай Жакып,
Я слышал, с нетерпеньем ждет,
Прочтем молитву и вперед!
Поведал старина Бакай:
– Отец не здесь твой погребен.
В горах, у неприступных скал
От злых врагов упрятан он.
Манаса тайно от людей
Там хоронила Каныкей.
Лишь два батыра были с ней,
Они пред небом поклялись,
Могилу в тайне сохранить,
Во тьме ночной спустились вниз
И выпили смертельный яд.
Батыры верные лежат,
Кумбез Манаса сторожат.
Из тех, кто знал, где спит Манас,
На свете из живых людей
Осталась только Каныкей...
Прочли молитву еще раз,
Смахнули слёзы с мокрых глаз –
И тут же двинулись в Талас.

– О, суюнчу, старик! Ликуй!
Кобылу белую забей!
Вернулся внук твой Семетей!
Вбежала в юрту Бақдолет
И испугалась, что Жакып
Сейчас от радости умрет.
Но старичок, потупя взор,
Бородку жидкую потер,
Безрадостно сказал жене:
– Ты думаешь, что в Бухаре
Мой внук соскучился по мне?
И прибыл, чтоб проведать нас,
Пожить у братьев, погостить?
Приехал Семетей в Талас,
Чтобы Кобёшу отомстить,
За то, что сел на ханский трон,
А мать его хотел убить,
С грудным ребенком выгнал вон.
Он брату это не простит!
Начнется смута среди людей,
Чтоб ханством правил Семетей.
Борьба за власть начнется вновь,
И братская прольется кровь.
Зекет китайцу мы даем,
Зато в спокойствии живем:
В горах стада свои пасем
Серпом, мотыгой, кетменем
Свой урожай с земли берем
Зерном и мясом с молоком.
А если к власти внук придет,
К войне готовится начнет,
Чтоб Конурбаю отомстить.

Трудом добытое добро,
Годами выращенный скот –
Все пустит, как отец, в расход.
Пойдет войною на Китай –
Вновь станет лютым нам врагом
Непобедимый Конурбай.
Чтобы с Китаем в мире жить,
За смерть Манаса мы должны
Конура подлого простить!
Сейчас у власти твой Кобёш –
Народом должен править он!
Коль Семетея не убьешь,
У сына он отнимет трон!
Ты Семетею с кумысом
Подай в аяке смертный яд! –
Сказал жене жестокий гад.
– Ты что, с ума сошел, старик?!
Такое Бог нам не простит! –
Сказала в страхе Бақдолет.
Жакып жену за косы взял,
Приставил к горлу ей кинжал:
– Ты волю выполни мою,
Иначе я тебя убью!
Надел колпак свой и ичиг,
Навстречу внуку своему
Из юрты вышел злой старик.

Когда Бакай и Семетей
Подъехали, сошли с коней,
Раскрыв объятья, бай Жакып
Гостям навстречу побежал,
На всю округу заорал:

– О-о, внук родной мой Семетей!
Я ждал тебя, не спал ночей!
Скучал я, плакал, тосковал!
Твою головку я во сне
Ласкал и к сердцу прижимал!
Мудрец Бакай! Родимый мой!
Я рад увидеться с тобой!
Обиды прежние простим!
Приехал внук мой Семетей!
Теперь все будем вместе с ним!
Но прежде чем войдете в дом,
Исполним древний ритуал.
Эй, Бақдолет! Неси скорей
Аяк им с белым молоком!
Из юрты вышла Бақдолет,
Гостям с поклоном подала
Две чаши полных с кумысом.
Взял Семетей напиток свой,
Готовый выпить все до дна,
Но незаметно Бақдолет
Чуть покачала головой.
Заметил это хан Бакай.
– Ваш внук, почтенный абаке,
С рожденья вырос в Бухаре.
Видать, не знают люди там,
Что прежде чем подать гостям,
Из чаши пьет хозяин сам!
Отпейте сами Вы глоток,
Все остальное внук допьет!
– Нет! Нет! Жакып кумыс не пьет!
У дедушки болит живот! –
Схватила чашу Бақдолет

И выплеснула за порог.
Лизнул кумыс дворовый пес
И тут же на глазах подох.
Во гневе юный Семетей
За рукоять схватил свой меч.
Но встал меж ними хан Бакай,
Убийство совершить не дал.
– Он дед тебе родной, сынок.
Судьей ему пусть будет Бог!
Нас ждет народ, пойдем скорей,
Хотят послушать твою речь, –
Сказал Бакай, и Семетей
Вложил в ножны булатный меч.

Но был Жакып неумолим,
Хромая, побежал за ним.
– Я виноват, мой Семетей!
Прости меня или убей!
Но прежде выслушай меня!
Сейчас кыргызский весь народ
Живет и думает, как я.
Мне все равно, кто правит мной –
Китайский хан иль внук родной.
Здоровье, пища и покой,
А в доме верная жена,
Тепло, уют и детский смех,
Да конь хороший для утех –
Вот радость жизни для людей!
Отец твой, доблестный Манас,
От гибели народ свой спас,
Создал кыргызский каганат.
Единым ханством и людьми

Не смог он мудро управлять,
Советам старших не внимал.
Его дружинники – чоро
И все, кто был вокруг него,
Доверьем пользуясь его,
Народ свой стали угнетать,
Перед Манасом лебезить,
Обманывать и клеветать,
А негодным подло мстить.
Манас был властью упоен,
И мой совет не слушал он.
Доверил ханство и судьбу
Он Алмамбету – хитрецу,
Предателю и подлецу,
Доверил в ханстве все дела.
И на поминках в Каркыра,
Где был на скачках Ак-Кула,
Алма китайцев обманул,
Вражду устроил и резню
И против друга своего
Настроил ханов и родню.
Чтоб упредить переворот,
Под страхом смерти он погнал
Кыргызских ханов на Китай
В кровавый, гибельный поход.
Манасу дал такой совет
Коварный, хитрый Алмамбет.
И столько жизней загубил!
Где мой Чубак? Где мой Сыргак?
А где мой доблестный казах –
Сын Айдархана хан Кокче?
А где Серек и Музбурчак?

Где избалованный отцом
Смельчак наивный Бокмурун?
Погибли все! Исчезли вмиг,
Как будто ветром сдуло их!
Во сне я вижу по ночам
Мальчишек юных, озорных –
Но нет их на земле в живых!
И плачу, волю дав слезам, –
Рыдал безудержно старик. –
Кобёшу можешь отомстить
И трон Манаса возратить.
Но если, внучек мой родной,
За власть прольешь родную кровь,
Нас покарает дух отцов
И Бог всевышний не простит! –
В слезах сказал старик Жакып.
Ему ответил Семетей:
– Бездомным, нищим, дубаной
Готов бродить я по земле,
Но только чтоб страна моя
Была свободной и родной!
Святая заповедь отца:
– «Вчера, сегодня, завтра, впредь –
Или свобода, или смерть!»
Манаса пламенный завет
Исполню я, безумный дед!
И тут сказал мудрец Бакай:
– Когда погиб Манас – кокжал,
Кобёш твой силой трон забрал.
Прогнал он мать его, вдову
С грудным ребенком, в Бухару.
Поборами стал обирать

Несчастливых вдов и детвору.
Манасу преданных людей
Решил с Таласа он прогнать,
Оставив при себе лишь тех,
Кто молча зад ему лизал:
Один – пройдоха Тазбаймат,
Другой же – сплетник Кыргызл-чал.
Когда Кобёш взошел на трон,
Народ его не поддержал!
И, чтоб усилить власть свою,
Завет Манаса предал он –
Пошел к китайцам на поклон!
И вновь кыргызский наш народ
В безволье, под пятой живет!
Нам надо, не жалея сил,
Кыргызов племена собрать
На всенародный Курултай
И там ажо себе избрать! –
Так заключил мудрец Бакай.

И вот в долине вдоль реки
Поставили полсотни юрт.
Прислали избранных своих
На всенародный Курултай
Рода племен и каждый журт,
Чтоб хана своего избрать,
Разумно власть распределить,
Создать единый каганат.
На площадь вышел хан Кобёш,
Держал перед народом речь.
– Друзья и братья! Стар и млад!

Я благодарен вам и рад!
За то, что столько лет подряд
Терпели, слушались меня.
Когда скончался брат Манас,
Немедля в руки взял я власть,
Чтоб враг внезапно не напал,
Чтобы кыргызский наш народ
По миру не пошел вразброд.
Батыров нет! Погиб Манас!
Чтобы народ наш сохранить,
Упал перед китайцем ниц,
Просил защиты от врагов,
Пусть даже за тройной зекет –
И вот мы на родной земле
Живем спокойно столько лет.
Но я не воин, не батыр –
Табунщик, кочевой пастух.
Не брал я в руки меч и лук.
Мое оружие – укурук.
Кому дадим мы ханский трон,
Решит сегодня Курултай.
Все будет так, как скажет он! –
Закончил речь свою Кобёш.
Народ затих и замолчал...
Потом раздались голоса:
– Зачем нам хана избирать,
Когда он есть и держит власть?
– Китайцу платим мы зекет,
Зато он защищает нас,
И враг не сунется в Талас!
Сомненья, ропот средь людей.

К народу вышел Семетей.
– На родину вернулся я,
Чтобы исполнить долг святой
Перед народом и судьбой!
Здесь абаке мой – Кобёш-хан
Всю истину поведал нам.
В походе смертном на Китай
Погибли все богатыри,
И без защитников своих
Остался наш кыргызский край.
И наш народ, как прежде, вновь
Мог стать добычею волков.
Хвала и честь вам, абаке!
За то, что в судьбоносный час
Вы смело в руки взяли власть,
От разорения спасли,
Судьбу народа и земли!
На протяжении многих лет,
Платили вы тройной зекет.
За эти годы, возмужав,
Джигиты выросли свои.
Сегодня сила есть у нас,
Чтоб защитить родной Талас
И выполнить сыновний долг!
Манаса пламенный завет:
«Вчера, сегодня, завтра, впредь –
Или свобода, или смерть!» –
Сказал народу Семетей.
И, потрясая небеса,
Долины, горы и леса,
С майдана грянуло «Ура!»

Здесь слово взял мудрец Бакай.
– Друзья и братья, Курултай!
Два выбора пред нами есть:
Уплачивать зекет тройной –
Жить у китайца под пятой!
Тогда на троне ханском здесь
Кобёш останется сидеть!
Но и другой есть путь у нас:
Как завещал Айкёль Манас,
Все ханства вновь объединить,
Всю мощь собрать в один кулак!
А если сунется к нам враг,
У нас теперь и сила есть,
Чтобы достойно защитить
Свободу, равенство и честь!
И если так, то хан Кобёш
Уступит Семетею трон –
Таков наш родовой закон.
Кто будет ханством управлять,
Здесь должен выбрать Курултай! –
Закончил тёр-ага Бакай.

Избранников своих в Талас
Прислал кыргызский каждый род –
Их было ровно восемьсот.
И столько ж косточек – томпой
Покрасили в зеленый цвет,
Раздали членам по одной.
А в юрте белой и пустой
Установили две бадьи:
Одну со знаком «Хан Кобёш»,

Знак Семетея на другой.
И, как велит святой мыйзам,
Калысы на виду у всех
Считали косточки – томпой.
– За Семетея – восемьсот,
А за Кобёша – ни одной,
Его бадья была пустой.
И тут же, словно гром небес,
Раздался клич земли родной:
«Свобода! Равенство и Честь!» –
И Семетея на кошме
Подняли вверх над головой.
Кыргызским ханом гор, степей
Стал сын Манаса – Семетей!

Предательство дружины Кырк-чоро

Как завершился ханский той,
Турниры, скачки и куреш,
С Таласа гости разошлись,
Призы, подарки взяв с собой.
Позвал поверженный Кобёш
Главу дружины Кырк-чоро
Кыргыла старого тайком.
– Сынок Манаса Семетей
Словами обманул людей.
Никто не знает, что нас ждет.
Чтоб Конурбаю отомстить,
Он на Китай войной пойдет.
Увечья, смерть, страданья – вновь

Кыргызская прольется кровь.
А чтоб спастись нам от беды,
Собравшись вместе, мы должны
Немедля захватить дворец
И Семетею предложить,
Чтобы покинул ханский трон.
А если не согласен он,
Смертельный ждет его конец!..
Созвал дружину Кыргыз-чал,
Слова Кобёша передал.
– И если юный Семетей
Вновь на Китай нас поведет,
То раньше всех, как и всегда,
Мы, Кырк-чоро, пойдем в расход!
А если сверженный Кобёш
Устроит здесь переворот,
Разделит по родам народ –
Борьба за власть начнется вновь,
Жестокая судьба нас ждет.
Состарились, устали мы
От барымты и от войны.
Уйдем подальше за Алай,
В Ооганистан или Китай.
Там будет нас оберегать,
Как обещал, сам Конурбай.
На родину вернемся мы,
Когда наступит здесь покой! –
Так порешили кырк чоро.
Мечи и копыя взяв с собой,
Прикрывшись темнотой ночной,
Они покинули Талас.

Узнав об этом, Семетей
В ущелье узком между скал
Наутро беглецов догнал,
Назад вернуться приказал.
– Вас содержал, кормил народ,
Нажили вы добро и скот,
И землю защищать – ваш долг
От злых врагов и грабежей!
А если воины-чоро
Предать решили свой народ,
То знайте, ни один из вас
Живым отсюда не уйдет! –
Сказал во гневе Семетей.
Вдруг снизу в этот самый миг
«Убить его!» раздался крик.
Кобёш с отрядом боевым
Ущелье снизу перекрыл.
Он был уверен, что чоро
Команду выполнят его
И Семетея здесь убьют.
Жестоко он ошибся тут!
Старик Кыргызл и кырк чоро,
Чтобы не брать на душу грех,
Рванули по ущелью вверх.
Джигиты, коих вел Кобёш,
С коня стащили здесь его,
Чтоб Семетей своей рукой
Прикончил дядю своего.
Пролить родную кровь за власть
Его рука не поднялась.
И приказал хан Семетей
Кобёша привязать к сосне,

Оставив без охраны там
На снесь шакалам и волкам.
Своим отрядом Семетей
Догнал чоро в долине гор,
На берегу реки Кочкор.
– Батыры, умоляю вас!
Вернитесь в родной Талас!
Создал единый я оплот,
Теперь кыргызский наш народ
Свободной жизнью заживет! –
Взмолился юный Семетей.
Но кырк чоро, не дав ответ,
С мечами бросились вперед –
И закипел жестокий бой!
Рубились, жизни не щадя,
Сыны кыргызов меж собой.
Отважно бился Семетей,
Броню Манаса ак-олпок
Копьем никто пробить не мог.
Мечом отцовским Ач-албарс
Рубил батыров наповал
(Искусству боя обучал
Бухарский дядя Исмаил).
Своим отрядом небольшим
Предателей всех перебил.
И двух джигитов в кандалах
Батыры к хану привели.
С рожденья их в тюрьме своей
Держал в зиндане хан Кобёш.
Когда узнал их Семетей,
Не мог сдержать горячих слез –
От матери он знал о них.

Сын Алмамбета Гульчоро
И сын Чубака Ханчоро
Стояли перед ним в живых.
А все погибшие чоро
В долине той погребены.
И вот уж больше тыщи лет
В степи покоятся они.
Кумбезы, строенные в ряд,
В Кочкоре до сих пор стоят...

Возвращение Семетей в Бухару

В Бухарском ханстве Каныкей,
Свекровь в тревоге вместе с ней
Не спят уж столько дней, ночей –
С Таласа никаких вестей.
– Ужель на родине своей
Убит врагами Семетей?!
Но вот в один из светлых дней
Стоят три друга перед ней.
Спросил с улыбкой Семетей:
– Эне, узнайте, кто они,
Быть может, кто-то из родни?
Смотрела долго Каныкей
На юных двух богатырей,
Да вспомнить не могла никак.
– Создатель! Это же Чубак! –
Вдруг закричала Чыйырды. –
А этот – сын мой Алмамбет!
Ужель с походов боевых

Вернулись, наконец, в живых?
– Эне, вы не узнали их!
Вот сын Чубака Ханчоро!
Сын Алмамбета Гульчоро!
Один мой брат, другой мне друг, –
Друзей своих представил внук.
– Мои родные сыновья! –
Заплакала тут Каныкей,
Прижав к груди богатырей. –
Когда погиб батыр Манас,
А с ним Чубак и Алмамбет,
Вдова Чубака Аширин,
Моя сестренка Арууке
Сынов родили в день один.
Скончались обе от родов,
Спасти одна я не смогла
От гибели несчастных вдов.
Скрывая тайну от людей,
Кормила грудью малышей,
Боялась, что подлец Кобёш
Отыщет и убьет детей.
Младенцам имена дала
Я Гульчоро и Ханчоро.
И Гульчоро увез старик,
Друг Алмамбета – бай Мажик.
А Ханчоро забрал к себе
Отец Чубака Акбалта,
И порешили мы тогда:
Как возмужают сыновья,
Поведать тайну их отцов
И познакомить молодцов.
Своим глазам не верю я,

Обнявшись, предо мной стоят
Могучих три богатыря! –
Рыдала в счастье Каныкей.
Был рад и счастлив Атемир,
Когда увидел сыновей
Своих любимых дочерей:
От Арууке и Каныкей.
– И если трех богатырей
Вскормила грудью дочь моя,
Я дед родной ваш – тай-ата! –
Воскликнул радостно эмир.
Решил скрепить родство и мир,
Таджикских выдав дочерей
Он за кыргызских сыновей.

И вот на весь ферганский край
Бил барабан, ревел карнай.
В честь внуков старый Атемир
Устроил небывалый пир.
За Семетея он отдал
Дочь Шатемира Чачыкей,
А внука Гульчоро женил
Он на племяннице своей.
Самолюбивый Ханчоро
В душе обиду затаил:
«Жадюга – старый Атемир
Всему народу объявил,
Что я ему молочный внук,
Своих родных он поженил,
Двойную свадьбу закатил,
А для меня не дал калым,
И я остался холостым!

Отец мой – доблестный Чубак
Манасу преданно служил,
Погиб в Китае вместе с ним,
И я остался сиротой.
Когда стал ханом Семетей,
Молочный брат, соратник мой,
Вдруг оказался я чужой, –
Бурчал в обиде Ханчоро.
Вернулись в свой Талас родной
И Чыйырды, и Каныкей,
С супругой юный Семетей,
Счастливый Гульчоро с женой,
А вместе с ними Ханчоро –
Обиженный и холостой.
Когда давали брачный той,
Он сообщил своим друзьям,
Что сильно захворал в пути,
А потому не смог прийти.
Видать, в душе его, как соль,
Досадная осела боль.

Став ханом ханов всех родов,
Степей, аилов, городов,
Кыргызских гор, отчизны всей,
Сын эр Манаса Семетей
Собрал к себе со всех концов
Отважных, крепких молодцов.
Искусству боя обучал:
Владеть чокмором и мечом,
Рубить наотмашь и сплеча.
Давгер почтенный Болекбай
Умельцев быстро научил

Мечи булатные ковать,
Щиты надежные клепать.
Когда китайский кызыл-чок
Прислал в Талас людей своих,
Чтобы собрать с кыргызов дань,
Джигиты повязали их,
Избили, бросили в зиндан.
Узнав об этом, Конурбай
Послал в Талас отряд большой.
Навстречу вышел Семетей
С дружиной крепкой, боевой
И учинил такой разгром,
Что те, спасая жизнь свою,
Бежали из Таласа вон!
Отныне стало ясно всем,
Что сын Манаса – Семетей
Могуч и грозен, как отец,
Не дрогнет он ни перед кем.

***Военный совет
в ставке Семетей***

Собрал в Таласе Семетей
Батыров, родичей, друзей.
– Манас пред смертью завещал
В единстве содержать народ
И Конурбаю отомстить.
Из желторотых я птенцов
Бесстрашных соколов взрастил,
Собрал народ со всех концов
И каганат восстановил.

Окрепли мы, набрались сил.
Теперь, я думаю, пора
В берлоге сокрушить врага!
Собрать народный Курултай,
Могучей двинуться ордой
В поход великий на Китай
И Конурбая там добить!
Какой дадите мне совет? –
Спросил сидящих Семетей.
Никто не дал ему ответ.
И даже хан Бакай – мудрец
Сидел с поникшей головой.
И тут сказала Каныкей:
– Мой сын, зрачок моих очей!
Перед Манасом, видит Бог,
Ты выполнил сыновний долг!
Разрозненный кыргызский род
В единый ты собрал оплот,
Защита у народа есть.
Хвала тебе, мой сын, и честь!
Прошу тебя лишь об одном:
С войною не ходи в Китай –
В неведомый, далекий край!
Китай велик, непобедим!
Когда весь мир объял потоп,
Китай остался невредим.
И даже грозный Искандер
Не мог найти туда путей!
С древнейших пор до наших дней
Живет, как муравьиный рой,
С кишашими людьми Китай.
Манаса умоляла я

В поход великий не ходить.
Но твой отец мольбе не внял,
Войска свои в Китай погнал.
Бейжин он захватил, потом
Китайцы, окружив кольцом,
Ему устроили погром,
Как в древнем городе Содом.
Со смертной раню в груди
На родину вернулся он.
Я стала черною вдовой,
А ты с пленок – сиротой.
Кто на других пойдет с мечом,
Тот от меча погибнет сам! –
Так учит пайгамбар Иса.
Прошу, мой кара-чечекей,
В Китай с мечом ты не ходи! –
В слезах просила Каныкей.
– Я выполню отца завет!
Прощенья Конурбаю нет!
Отца он ранил не в бою,
Не в поединке, а в саду,
Когда могучий хан Манас
Читал предутренний намаз!
Зовет Манаса клич святой:
«Вчера, сегодня, завтра, впредь
Или победа! Или смерть!»
Народу вновь я возвращу
Его поруганную честь!
А если ты, родная мать,
Живым не хочешь сына ждать,
Тогда скорее уезжай
Ты в Бухару, в свой отчий край! –
Сказал во гневе Семетей.

Но здесь вступился хан Бакай:
– Чтоб Конурбаю отомстить
Не надо нам идти в Китай,
Откажемся платить зекет –
Сам Конурбай в Талас придет,
Угнать чтоб табуны и скот.
И здесь сведем мы счеты с ним!
Конура окружив кольцом,
Всех поголовно перебьем,
За смерть Манаса отомстим!
Но чтоб нас враг сломить не мог,
Должны мы крепче быть, сынок!
Когда на нас напал Китай
И мы бежали на Алтай,
Жакыпа старший брат Шигаи
Свой род увел в Кашгарский край.
Теперь там правит внук его –
Батыр отважный Чынкожо.
А рядом друг его Толтой –
Хан жедигеров, холостой.
Пусть знают братья, что их ждут
Народ кыргызский, край родной,
И возвращаются домой,
На землю предков – Ала-Тоо!
Сильнее будем мы вдвойне
И победим в любой войне!
Послушал старца Семетей
И согласился с ним вполне.
В Кашгар Бакай снарядил,
А Ханчоро и Гульчоро
В дорогу выехали с ним.

Поездка Бакая к Чынгожо

Через поля, через леса,
Потоки бурные пройдя,
Одолевали даль степей,
В пути ковали лошадей.
Оставив позади Кашгар,
По тропам горным Кебез-Тоо
Преодолели Кыя-джар
И, наконец, они пришли
В просторы ханства Чынгожо.

Бакая Чынгожо узнал,
И юных путников своих
Ему представил аксакал.
– Перед тобою, Чынкожо,
Сын Алмамбета – Гульчоро,
Сын эр Чубака – Ханчоро.
В боях погибли их отцы,
Росли сиротами они
Среди враждующей родни.
К тебе как к дяде своему
Пришли со мною молодцы.
Когда мы двинулись войной
В поход великий на Китай,
Об этом знал твой дед Шигай.
Мы взяли штурмом Чет-Бейжин,
Но удержать его в руках
Своих нам не хватило сил.
Батыры, презирая смерть,
В бою неравном полегли.

А если б с нами были вы,
Китайцев победили мы!
Когда скончался хан Манас,
Вы на поминки не пришли,
Чтоб бросить горсть родной земли!
Прости меня ты, Чынгожо,
Что стал обиды вспоминать
Хоть много лет с тех пор прошло,
Нельзя нам правду забывать.
Сейчас наш юный Семетей
В Таласе ханство в руки взял,
Разрозненный кыргызский род
В единый вновь собрал оплот.
Как брата просит он тебя
Скорей вернуться в край родной,
Чтоб силы все объединить.
Когда придет к нам Конурбай,
Достойный дать ему отпор,
За смерть Манаса отомстить!
Закончил речь свою Бакай.

– Ата, я уважаю Вас,
Но Вы сказали мне сейчас,
Что отщепенец я и трус.
Но все не так! Я Вам клянусь!
Как только получил я весть,
Что вы идете на Китай,
Собрал всех воинов я здесь
И выехал навстречу вам.
Но преградил дорогу нам
Мой дед – стареющий Шигай.
При воинах сказал мне он:

«В Китай с Манасом не ходи.
Я видел ночью страшный сон.
Батыры все полягут там,
Погибнет сам Манас от ран.
Погибель ждет вас впереди.
С войною, сын мой, на Китай,
Я умоляю, не ходи!»
Бесславно воины мои
Не захотели умирать –
И возвратились мы назад.
Сказал нам правду дед-пророк:
Конец похода был жесток.
Батыры все погибли там.
Смертельно раненный, Манас
Один вернулся в свой Талас.
Просил прощения у вдов,
Сирот, несчастных стариков
Он за бесславный свой поход,
Куда завел его в тот год
Китаец хитрый Алмамбет.
– Довольно! – крикнул Гульчоро, –
Выходит, за поход в Китай,
За гибельный его конец
Во всем виновен мой отец! –
И меч схватил за рукоять.
– Коль правду хочешь ты узнать,
Не горячись, сынок, и сядь, –
Сказал спокойно Чынгожо. –

Отец родной твой Алмамбет
Кыргызской матерью рожден.
Отец его китайский хан.

И с братом Конурбаем он
Боролся за наследный трон.
Коварный, подлый Конурбай
На Алмамбета клеветал.
Спасая жизнь свою и мать,
К Манасу он перебежал.
Вошел в доверие к нему
И начал ханством управлять.
А на поминках в Каркыра
Гостями были Конурбай
И хан китайский Нескара.
На скачках хитрый Алмамбет,
Надев китайский свой халат,
Гостей заставил понукать
Коня Манаса Ак-Кула.
Нарушив правила игры,
Он первый приз отдал ему,
Чем вызвал гнев у Нескары.
И званный поминальный той
Кровавой кончился резнёй.
А ханы всех шести родов
Договорились меж собой
Алму с Таласа выгнать вон,
Сказать Манасу, чтобы он
Немедля сам покинул трон.
А если трон он не отдаст,
Все вместе свергнут его власть.
Узнав об этом, Алмамбет
Придумал хитроумный ход:
Мятежным ханам приказать
Собрать войска и на Китай
Всем миром двинуться в поход.

Так за поминки отомстить
И ханов этим усмирить.
Не знал доверчивый Манас,
Что хитроумный Алмамбет
Задумал Конурбаю месть.
Повел кыргызские войска
На родину свою Китай,
Рукой Манаса возродить
Свою поруганную честь!
Не верите моим словам,
Бакай-ата расскажет вам, –
Закончил сказ свой Чыngoжо.

– Зачем об этом вспоминать!
И я был в этом виноват, –
Признал вину свою старик. –
Ошибку чтоб не повторить,
Должны мы всех объединить!
Вернись на родину, сынок!
Там ждут тебя, твоих людей
Родные, братья, Семетей.
– Ата, я уважаю Вас,
Но не вернемся мы в Талас,
Пока там правит Семетей.
Как только силы наберет,
Он на Китай пойдет в поход,
Загубит тысячи людей.
Когда-то молодой Манас
И хан Ургенча Акунхан
Договорились меж собой:
Если родятся сын и дочь,
Пусть будут мужем и женой;

Родятся если сыновья,
Пусть будут верные друзья.
Его невеста Ай-Чурек
Уж столько лет все ждет вестей,
Но сын Манаса в жены взял
Дочь Шатемира Чачыкей –
Невесту хана жедигер
Толтоя – друга моего.
Зазнался хан ваш Семетей,
Заносчив, как отец Манас,
И пыжится, как будто он
Надутый воздухом чанач! –
Сказал батырам Чыngoжо.
Не мог сдержаться Гульчоро:
Своей плетеною камчой
Хозяину башку рассек,
И тот, сознание потеряв,
Упал на бархатный тошек.
А Ханчоро свой вынул меч,
Чтоб голову ему отсечь.
Но тут почтенный аксакал
Убийство сотворить не дал.
Из юрты вывел двух друзей,
Вскочили мигом на коней,
Умчались в горы поскорей.
И там свершили барымту –
Угнали ханских лошадей.

С тяжелой раной Чыngoжо
Чуть было кровью не истек,
И только на четвертый день
Подняться на ноги он смог.

Дружине тут же приказал:
Бакая старого догнать,
Седую бороду его
С башкою вместе оторвать!
А двух молодчиков при нем
Связать и притащить живьем!
Помчались воины вослед,
Чтоб ханский выполнить приказ,
Но не успели. Беглецы
Угнали табуны в Талас.

***Хан Толтой решает взять
в жены красавицу Ай-Чурек***

Правитель рода жедигер
Богатый юный хан Толтой
Обижен был своей судьбой.
Еще совсем мальчишкой он
Безумно, страстно был влюблен
В дочь Шатемира Чачыкей
И с нетерпением ждал, когда
Исполнится шестнадцать ей.
Эмир бухарский Атемир
Вдруг внука своего женил
На этой самой Чачыкей –
Родной племяннице своей.
И вот с тех пор батыр Толтой,
Униженный и холостой,
Не посещал ни аш, ни той
И в юрте ханской жил один.
Пришел к Толтою Чынгожо

И начал друга упрекать:
– Скажи мне, хан ты или кто?
Внук Атемира Семетей
Твою невесту в жены взял,
Тебя унизил, оскорбил,
А ты ему не отомстил!
Хан должен высоко беречь
Свое достоинство и честь!
Дочь Акунхана Ай-Чурек
Все ждет, когда придет жених –
Сынок Манаса Семетей.
Она прекрасна и стройна,
Как в небе ясная луна!
Чтоб честь свою восстановить,
Жениться должен ты на ней!
А если наглый Семетей
С войною к нам сюда придет,
Дадим ему достойный бой –
Живым отсюда не уйдет! –
Уверил друга Чынгожо.
С ним был согласен эр Толтой.

Хан Чынгожо и хан Толтой,
Объединив войска, ордой
Пошли в поход в Ооганистан,
Где правил старый Акунхан.
И, осадив Герат кольцом,
Послали во дворец письмо:
«Достопочтенный Акунхан,
Пришли мы к Вам, как к брату брат.
Хан жедигеров эр Толтой,

Богатый, юный, холостой,
Узнал, что Ваша Ай-Чурек
Прекрасна ликом и нежна,
Как в небе ясная луна,
Вам хочет зятем быть родным.
Готов до свадьбы заплатить,
Какой назначите калым.
Пришли мы к Вам как к свату сват,
А если не хотите Вы
Кыргызам дочь свою отдать,
Разрушим город ваш Герат,
Насильно заберем ее!»
Такое получив письмо,
Не знал, что делать Акунхан
И дочери своей сказал:
– В тот год, когда ты родилась,
В знак дружбы я и хан Манас
Договорились меж собой,
Что сын его и дочь моя,
Как только подойдет года,
Пусть станут мужем и женой.
Клялись мы кровью на мече –
Таков священный ритуал.
Но сын Манаса Семетей
О клятве, видимо, не знал.
Эмир бухарский Атемир
Женил его на Чачыкей –
Родной племяннице своей.
Когда узнает Семетей,
Что здесь его невеста ждет,
Чтоб клятву выполнить отца,
К тебе он свататься придёт.

Здесь встретит враг его – Толтой.
И ваша свадьба, дочь моя,
Кровавой кончится войной.
Когда кочевник оскорблен,
Жесток и беспощаден он.
Пришёл к нам свататься Толтой,
И, если дам ему отказ,
Грозит разрушить город наш.
А если дочь отдам ему –
Нарушу клятву я свою.
Когда уйду я в мир иной
И встретит там меня Манас,
Я от стыда сгорю в огне!
О, дочь моя, что делать мне?! –
В отчаяньи старик рыдал.
– Отец, я все решу сама!
Всю ночь я буду умолять,
Чтоб крылья мне Создатель дал,
А утром в небо улечу,
Как в древней сказке грек Дедал,
И Семетея разыщу,
Где бы он там ни обитал.
И, если стану я женой,
В Герат вернемся вместе с ним
И город наш освободим!
А если даст жених отказ,
То этим самым Семетей
Освободит от клятвы вас.
Мне мужем станет хан Толтой,
Знать, так повелено судьбой! –
В слезах сказала Ай-Чурек.
Отец был очень огорчен.

«Видать, бедняга от тоски
Сошла с ума», – подумал он.

А рано утром из дворца
Взлетела лебедь в небеса,
По кругу облетев Герат,
Послав отцу прощальный взмах,
Исчезла в дальних облаках.
Не знал отец, не знал Толтой,
Ни Чынгожо, ни кто другой,
Что дева юная Чурек
Неслась над грешною землей
На крыльях будущей любви.

Полет Ай-Чурек к Семетейю

летела долго Ай-Чурек
И любовалась с высоты.
С полета птицы человек
Такой не видел красоты!
Озера, реки и моря,
Селенья, степи, города.
И вдруг увидела она
Батыра статного в горах.
«А может это Семетей?» –
Подумалось невольно ей.
И начала над ним кружить.
Но то был старый Конурбай!
«Еще не кончился Китай...».
Но вот предстали перед ней

Долины рек Кен-Кол, Талас,
Где погребен батыр Манас,
Где был воздвигнут мавзолей.
И Ай-Чурек, прочтя коран,
В горах увидела тот стан,
Где на охоте Семетей
Кутил в кругу своих друзей.
Готовят мясо на кострах,
Комуз и смех звучат в горах.
Акын – остряк и краснобай
Поет любовный секетбай.
Чуть дальше, у подножья гор,
В мишень стреляют на скаку
Батыры, все как на подбор.
Вот восседает на коне,
Надев свой куний тебетей,
В расшитом ханском чапане
Сын эр Манаса Семетей.
Он ростом выше всех других.
Огнем горят его глаза
Поярче двух зажженных свеч.
К добру открытое чело,
И кудри черные до плеч.
И светится он изнутри,
Как солнце утренней зари.
Сияет ликом он своим,
Как в небе ясная луна.
И ощутила Ай-Чурек,
Что в Семетейю влюблена!
Чтоб не могла достать стрела,
Взлетела выше, в небеса,
Раскинув белые крыла.

Летала долго над костром
И любовалась женихом.

Кружила долго Ай-Чурек,
И наглядеться не могла,
Пока не наступила мгла.
Сложила Ай-Чурек крыла,
Девичий облик приняла
И к юрте белой подошла.
Навстречу вышла Чачыкей
В величье и красе своей.
Прекрасна ликом и нежна,
Как горная газель, стройна.
Из шелка элечек на ней,
И косы черные до пят.
Блестят и серебром звенят
На них вплетенные чачпак.
На шее золото, коралл.
И грациозно, как марал,
К Чурек степенно подошла,
Надменно, гордо, свысока
На гостью глянула она.
Такой девицы Чачыкей
Здесь не встречала никогда.
А незнакомка вдруг в слезах
Упала ниц к ее ногам.

– Моя прекрасная ханум,
Добрейший в мире человек!
С мольбой своей у ваших ног
Дочь Акунхана Ай-Чурек.
Хан жедигеров эр Толтой,

Жених ваш бывший, говорят,
Обиженный и холостой,
Теперь пришел в Ооганистан.
Войсками окружив Герат,
Отца он просит моего
В супруги дочь ему отдать.
А если дочь он не отдаст –
Дотла разрушит город наш,
Меня насильно заберет.
Хан Чынгожо и хан Толтой
Готовят боевой поход,
Пойдут войною на Талас,
Чтоб Семетея разгромить
И захватить насильно власть.
А в этой битве родовой
Погибнут все, никто из них
Там не останется в живых.
Когда Манас и Акунхан
В союз вступили боевой,
Они друг другу поклялись:
Когда родятся сын и дочь,
То станут мужем и женой,
Чтоб мир и дружбу сохранить,
Чтоб мог народ спокойно жить.
Прошу я вас, моя ханум,
Принять меня в свою семью
Как младшую свою сестру.
И, как велит нам шарият,
Супруга нашего, эже,
Не буду к вам я ревновать.
Рабыней буду вашей я,
Готовить и одежду шить –

Семьёю дружной будем жить.
Пускай он с вами каждый день
И ночь проводит до утра.
А если день или другой
Со мною будет Семетей,
Он будет радостью моей.
Я буду счастлива в тот миг,
Когда, прильнув к его груди,
Услышу, как она стучит.
А если я рожу детей,
То, как велит кыргызский салт,
Вас старшей матерью своей
Все дети будут называть.
Отец мой старый Акунхан
Пред смертью будет очень рад,
Что клятву он сумел сдержать,
Что сын Манаса Семетей
Ему родной, желанный зять.
И города Талас, Герат
Мы от захватчиков спасем! –
Сказала Ай-Чурек в слезах.

– Откуда, гадкая змея,
К постели нашей подползла?!
Уж если нужен муж тебе,
Ищи его в краю другом!
Пока тебя не видел он,
Немедля убирайся вон! –
Вскричала в гневе Чачыкей. –
Сейчас я стражу позову,
Язык твой черный оторву!
Пусть отсекут тебе башку,

А я за косы прямо здесь
Тебя повешу на суку!
Но если хочешь жить еще,
Отсюда уходи скорей! –
Кричала злая Чачыкей.

– Пришла сюда я для добра,
Надеялась, что будет здесь
Подруга верная, сестра.
И Семетея сбережем
От войн кровавых и резни,
От злой, завистливой родни,
Чтоб сохранял в единстве он
Родной народ и ханский трон!
Но я увидела сейчас,
Что для тебя важнее всего
Постель для похоти и власть!
Землей и небом я клянусь,
Что Семетей твой будет мой!
Когда со свитой своей
Поедет в горы Семетей,
В рулон из шелка превращусь,
Стелиться буду по тропе,
Как будто в Шелковом пути
Рулон в дороге потерял
Купцов китайских караван!
А ночью темной при луне
О клятве расскажу отцов –
И стану я ему женой!
И Семетей твой будет мой!
А если не случится так,
Я рыбкой стану золотой,

Блистать я буду чешуей.
Когда возьмет меня рукой,
К груди его прижмусь щекой –
И Семетей твой будет мой!
А если не случится так,
Я тут же в лебедь превращусь,
Начну кружить над головой.
Как только сокол Ак-Шумкар
Взлетит за мною в небеса,
Я в горы уведу с собой!
Помчится Семетей за мной –
И я по утренней росе
Приду к нему во всей красе –
И Семетей твой будет мой!
К добру звала тебя, сестра,
И у твоих рыдала ног.
Кто беспощаден и жесток,
Того не пожалеет рок.
Тебя за это, Чачыкей,
Бесплодием накажет Бог!
И будешь ты страдать вовек! –
В сердцах сказала Ай-Чурек.
Расправив мощные крыла,
Как лебедь, взмыла в небеса.

**Как Семетей узнал
об Ай-Чурек**

И вот в один из ясных дней
Из юрты вышел Семетей

И, осмотрев вершины гор,
Собрал дружину и друзей,
Велел седлать своих коней,
Набрать побольше острых стрел,
Проверить прочность тетивы,
В порядке ль сокол Ак-Шумкар –
Потомственный отцовский дар.
Когда охотники, чоро
Со стаей лающих собак,
С тайганом гончим Кумайык
У хан-сарая собрались,
Перед дорогой Семетей
Решил к супруге заглянуть.
Навстречу вышла Чачыкей,
Схватила за узду коня,
Дружине преградила путь:
– Мой хан, послушайся меня!
Останься дома, будь со мной
И на охоту не ходи –
Увидела я сон дурной:
Вас неудача ждет в пути!
Хан Семетей был разозлён,
И в ярости воскликнул он:
– Как смеешь, глупая жена,
Ты за узду хватать коня?
Что буду дома делать я,
Где, как в могиле, тишина,
И где не слышен детский смех?
Мы столько лет живем с тобой,
А у тебя подол пустой!
Я подыхаю от тоски!

Уйди с дороги! Отпусти! –
И, стеганув жену камчой,
Увел дружину за собой.
В дороге думал: «Что же с ней?
Всегда покорна и нежна.
Ужель беременна она?»
И с этой мыслью Семетей
Чоро отправил к Чачыкей.
И та сказала Гульчоро:
– Я видела зловещий сон.
Чтоб наяву не сбылся он,
Прошу тебя я об одном:
Когда вы на своем пути
Найдете шелковый рулон –
Любой ценой добейся ты,
Чтоб этот шелк не трогал он!
А если на мели речной
Рукой поймаешь рыбу ты,
Добычу эту отпусти!
А если там, на берегу,
Вдруг лебедь белая крылом
Манить вас будет, а потом
Внезапно в небо полетит –
Ты сделай так, чтоб Семетей
Шумкара не пустил за ней!
И знать об этом, Гульчоро,
Не должен, кроме нас, никто!
Как просьбу выполнишь мою,
Тебя я щедро одарю:
Токол красивую найду –
И будешь жить ты, как в раю!

– Я ваш слуга, моя ханум!
Все будет так! Я вам клянусь!
Чоро себя ударил в грудь
И двинулся в обратный путь.

Когда прошли Таласский вал,
Хан Семетей вдруг увидел
Зеленый шелковый рулон.
«Видать, по этому пути
Китайские купцы прошли.
Жене обиженной отдам
Я этот шелк», – подумал он.
Поднял находку Гульчоро.
Воскликнул он: – Как бог не мил! –
И шелк с обрыва уронил.
Когда на берегу реки
Устроили они привал,
На мелководье Семетей
Вдруг чудо-рыбу увидел.
Как слитки золотых монет,
Сверкала чешуя на ней –
И хан приспешникам велел
Схватить добычу поскорей.
К реке спустился Гульчоро,
Но рыбу он схватить не смог:
Унес ее речной поток.
И вдруг увидели они,
Как лебедь белая всплыла,
Расправив мощные крыла,
Призывно хлопала она –
И Ак-Шумкару Семетей
Путлица тут же развязал.

Но тут в тревоге Гульчоро
К нему поспешно подбежал:
– Ужель не видите, мой хан,
Что лебедь белая стара?
Не лучше ли, придя домой,
Зарезать жирного гуся?
К тому же пару лебедей
Еще не вывела, видать!
И эту лебедь Ак-Шумкар
Не сможет взять: он очень стар!
Чоро не слушал Семетей.
Путлица снял он с птичьих крыл,
На лебедь сокола пустил.
Но лебедь в небо взмыла вдруг
И, над стоянкой сделав круг,
Прощально помахав крылом,
Исчезла тут же из очей,
А сокол бросился за ней.
Напрасно ждали час, другой,
Но не вернулся Ак-Шумкар.
И хан, рассерженный и злой,
Под вечер Гульчоро позвал:
– А ну, скажи мне, дорогой,
Что происходит здесь с тобой?
Рулон нашли мы на пути –
Его с обрыва сбросил ты!
И рыбу ты схватить не смог –
Унес ее речной поток!
А что случилось с Чачыкей,
Об этом ты мне не сказал.
Когда я сокола пускал,
Ты говорил, он очень стар!

Куда девался Ак-Шумкар?
Найди его – и поскорей!
А если без него придешь,
Живым отсюда не уйдешь! –
Орал во гневе Семетей.

Вернулся в ставку Гульчоро
И в юрту белую вошел.
– Ханум, немедля отвечай!
Кто бросил на тропу рулон?!
Кто рыбу запустил в затон?!
И что за лебедь там всплыла?! –
Потребовал ответа он.
– О чем ты просишь, не пойму –
Я ж на охоте не была!
Спроси об этом ты у тех,
Кто с вами вышел для утех! –
Ехидно молвила она.
Не ждал такого Гульчоро,
Ответом наглым был взбешен.
Схватив за волосы её
И, косы намотав на кисть,
Кинжал свой вынул из ножен.
– За Ак-Шумкара Семетей
Башку мне хочет отрубить!
Немедленно мне расскажи
Всю правду, если хочешь жить!
И, к кереге ее прижав,
Приставил к горлу свой кинжал.
Под страхом смерти Чачыкей
В слезах поведала о том,
Как Ай-Чурек явилась к ней,

О том, что должен Семетей
Исполнить клятву двух отцов,
Герат очистить от врагов.
И Гульчоро был очень рад,
Пред ней колени преклонил,
Прощенья у ханум просил.
Помчался тут же он назад,
Чтоб суюнчи у хана взять.
Примчался Гульчоро к реке,
Увидел хана вдалеке
И во всю глотку заорал:
– О, суюнчи! Хан, суюнчи!
Принес я радостный кабар
О том, что сокол Ак-Шумкар
В руках прекрасной Ай-Чурек!
Давным давно, когда еще
На свете не было ни вас,
Ни Ай-Чурек не родилась,
Два друга: Акунхан, Манас –
Договорились меж собой:
Если родятся сын и дочь,
Чтоб стали мужем и женой!
Всю жизнь ждала невеста вас
Ну, а когда не дождалась,
Как лебедь, в небо вознеслась
И прилетела к нам в Талас.
Видать, смотрела с высоты
И по уши влюбилась в вас.
В Герат Шумкара забрала,
И ждет, когда приедет к ней
Жених любимый Се-ме-теей!!!
За это ей хвала и честь!

Как требует народный салт,
За эту радостную весть,
Гони на лапу суюнчи! –
Орал счастливый Гульчоро.
И, потрясая небеса,
Долины, горы и леса,
На все кыргызские края
Под небом грянуло «Ура!».
И здесь подумал Семетей:
«Быть может, юная Чурек
Родит сынов и дочерей,
Продолжится манасов род,
И, может быть, один из них,
Возглавит, защитит народ!»
В душе батыр был очень рад.
Команду дал своим войскам:
Идти походом на Герат!
Толтоя, Чынгожо прогнать!
Шумкара с Ай-Чурек забрать!

*Когда Ай-Чурек превратилась
в белую лебедь и вылетела в Талас,
Акунхан велел своему брату Тумен-
баю вступить с Чынгожо и Толто-
ем в переговоры, сообщить об исчез-
новении дочери, просил снять осаду
Герата, пока она не найдется.*

*Чынгожо и Толтой сняли осаду,
оставили в городе небольшой от-
ряд и ждали ответа.*

*Войска Семетей подошли к Оога-
нистану, и Гульчоро отправился
в разведку.*

Встреча Семетей с Ай-Чурек

Когда разведчик Гульчоро
К Герату тайно подошел,
Вокруг столицы никакой
Осады не увидел он.
Кругом блаженство, тишина.
«А может, сокола забрал
Другой, а вовсе не она?»
Но в город с этого пути
Никак нельзя было войти –
Стеной высокой защищен.
«А может, с южной стороны
Ворота есть?» – подумал он.
Но город с южной стороны
Рекой был бурной защищен.
Ни вброд, ни вплавь не перейдешь –
Рекою бурной унесет,
И труп никто твой не найдет.
Не знал, что делать, Гульчоро:
Назад вернешься – Семетей
Во гневе голову снесет.
Вперед пойдешь – снесет поток.
Никто от смерти не спасет!
И вдруг увидел за рекой
Десятки красочных шатров,
А на полянах средь цветов
В парче, в нарядах из шелков
Гуляют девушки одни.
Качели, песни, звонкий смех,
И лица добрые у всех.

Видать, красотки всей земли
Собрались вместе для утех.
Красавиц столько вместе, враз
Чоро не видел отродясь.
Красавец, бабник, весельчак
Не думал, что бывает так!
Когда подъехал он к воде,
Девицы бросились к реке
И стали звать его к себе.
Не удержался Гульчоро,
Решил он храбростью блеснуть.
Но в тот же миг седок лихой
Ушел под воду с головой.
Девицы бросились за ним,
Кричали, плакали навзрыд,
Но не могли ему помочь.
Бурлила, пенилась река,
Несла коня и седока
Потока водяная мощь.
А дальше горный водопад –
Там гибели не избежать.
Но конь могучий Тайбурул
Преодолеп речной бурун!
На берег вышел Гульчоро
В крови, весь мокрый, но живой.
Девицы бросились к нему
(Одна прекраснее другой!)
И начали наперебой
И обнимать, и целовать.
Он был доволен сам собой,

Но слезы удержать не мог
И хохотал, как дурачок.
Но вот одна из них, в чадре,
С вуалью белой на лице,
Степенно, гордо подошла.
– Откуда ты? Куда идешь?
И почему, скажи-ка мне,
В бурлящий бросился поток? –
С издевкой молвила она.
– Пред вами, милая джене,
Сын Алмамбета Гульчоро.
Мой хан – жених ваш Семетей.
Отец его – батыр Манас.
Вы прилетали к нам в Талас,
Забрали сокола у нас.
И вот я с просьбой прибыл к вам:
Верните Ак-Шумкара нам, –
Склонил колено Гульчоро.
– Ох! Ай-яй-яй! А что еще
Желает хан твой Семетей? –
С насмешкой молвила она.
– Жениться хочет! Вот и все! –
Смеясь, ответил Гульчоро.
– Ну, что ж. Пусть едет. Буду ждать,
Чтоб сокола ему отдать, –
Лукаво молвила Чурек.

Прошло пять дней и пять ночей,
Как нет от Гульчоро вестей.
«А может, мой чоро убит?

Иль может подлый Чыngoжo
Узнал и в плен забрал его?» –
В тревоге думал Семетей.
Он сам решил чоро спасать,
С дружиной двинулся в Герат.
Здесь ни осады, ни врагов
В округе не увидел он.
Стеною город окружен,
Рекой бурлящей защищен.
Как подошли они к реке,
Девицы с криком «Жездеке!»
Дружину стали звать к себе.
Но впереди бурлит поток,
А конь, что был сейчас под ним,
В такой поток войти не мог.
Не знал, что делать Семетей.
Вдруг появилась Сары-кыз,
Рукою подала сигнал –
И воду вмиг в себя вобрал
Широкий обводной канал.
Когда по высохшему дну
Последний воин прошагал,
Вдруг появилась Кара-кыз,
Рукою подала сигнал –
И тут же пенистый поток
По руслу снова побежал.
С походкой гордою, в чадре,
С вуалью белой на лице,
Навстречу вышла Ай-Чурек.
– Добро пожаловать, мой хан!

Зачем пожаловали к нам?
К тому же непонятно мне,
С чего ваш братец Гульчоро
При всех назвал меня «джене».
Не помню, чтоб когда-нибудь
Была кыргызам я снохой.
Жених мой – жедигер Толтой,
Ему и стану я женой! –
Надменно молвила она.
– Позвольте, милая ханум,
Сначала мне спросить у вас:
Зачем летали вы в Талас?
И где мой сокол Ак-Шумкар?
А может, слышали о том,
Что много-много лет назад
Отец ваш славный Акунхан
И мой отец батыр Манас
В союз вступили боевой:
Договорились меж собой
И клятвой поженили нас?
Вот и пришел я к вам, ханум,
Исполнить клятву двух отцов.
И это мой сыновний долг, –
Сказал ехидно Семетей.
– О нет! Не знаю! В первый раз
О клятве слышу я от вас, –
Слукавила тут Ай-Чурек.
– Ну что ж, простите! Очень жаль!
Выходит так, что все я вру! –
И Семетей пошел к коню.

Тут Ай-Чурек чадру сняла,
С лица откинула вуаль
И обнажила тонкий стан.
Заулыбался грозный хан:
Такой небесной красоты
Нигде он в жизни не видал!
Как лебедь белая, стройна,
И грациозна, и нежна.
А губы алые ее,
Как капля крови на снегу.
И очи черные горят,
Как будто в темноте ночной
Сияют только две звезды.
А белоснежный лик ее,
Как в небе ясная луна.
Ах, Ай-Чурек! Ведь неспроста
С рожденья так ты названа!
И материнское тепло,
И ласка светится в глазах,
И чувственность, и озорство
Таится в трепетных ноздрях.
В свою невесту в тот же миг
Безумно был жених влюблен
И, меч свой вынув из ножен,
Пред нею голову склонил,
Простить его или убить
Свою любимую просил.
Чурек, подняв его с колен,
Прижалась трепетно к нему,
И со слезами на глазах,

Внимала стук двух сердец,
Потом настал прекрасный миг,
Когда, как самка и самец,
Войдя друг к другу в душу, в плоть,
Уходят вместе в мир другой,
Где нет ни суеты земной,
Ни схваток за богатство, власть,
Где только нега, сон и сласть,
Да в сердце пламенная страсть,
Которой Бог нас одарил.
– О, мой любимый, мой родной,
Я нарожу тебе детей,
И до своих последних дней,
Мы будем счастливы с тобой, –
Ласкаясь в тишине ночной,
Шептала нежно Ай-Чурек.
И в эту сказочную ночь
Сбылись мечтанья двух отцов!
Так встретились чрез много лет
Невеста и ее жених.
И с неба мириады звёзд
Смотрели ласково на них.
Так поженились Ай-Чурек,
Батыр кыргызов Семетей,
С небес Манаса дух Святой
Благословил своих детей.
Безмерно Акунхан был рад:
Явился долгожданный зять!
И целых девять дней подряд
Гулял на свадьбе весь Герат.

Поражение и гибель Толтоя и Чынгожо

Узнав о свадьбе, Чынгожо
Позвал Толтоя, чтобы с ним
Войсками окружить Герат,
Чтоб Семетей разгромить
И Ай-Чурек себе забрать.
– Мне эта сука не нужна!
Там был уже кобель другой, –
Сказал брезгливо хан Толтой.
– Тогда я сам Чурек возьму!
Поезжу я на ней всю ночь,
А утром эту шуркую
К седлу я задом наперед
Арканом грязным привяжу
И на облезлом ишаке
К кыргызам отвезу в Талас.
И мы с тобой захватим власть! –
Поклялся другу Чынгожо.

Хан Чынгожо и эр Толтой
Договорившись меж собой,
С могучей силой боевой,
Под стягом красным и луной
В Ооганистан пошли войной
И осадили враз Герат.
Глава нойгутов Чынгожо
Послал Акуну свой доомат:
Ворота города открыть!

Толтою дочь свою отдать!
А Семетея выдать им,
Чтобы на площади казнить!
Иначе старый Акунхан
Захвачен будет и убит,
А город будет разорен,
Разгромлен и дотла сожжен!
Не знал, что делать, Акунхан,
От страха плакал и стонал.
И Ай-Чурек пришла к отцу.
– Чтобы спасти народ родной,
От разоренья город мой,
От смерти мужа и отца,
Готова жертвовать собой!
Пойду к врагам. Мне все равно,
Иль Чынгожо, или Толтой.
Ты, Семетей, любимый мой,
Скорее уходи в Талас,
Чтоб защитить народ и власть.
А Вы, отец, отдав меня,
Устройте здесь обильный той.
Чтобы врагу не стать женой,
Я к ночи выпью смертный яд
И вмиг отправлюсь в мир иной! –
Сказала твердо Ай-Чурек.
– Нет, Ай-Чурек, не будет так!
Я не позволю, чтоб другой
Глумился над моей женой!
С врагом я рассчитаюсь здесь!
Ценою жизни постою
Я за любовь свою и честь! –
Вскричал во гневе Семетей.

И он, прикрывшись темнотою,
Врагам, объатым крепким сном,
Жестокий учинил погром.
Покрылась трупами земля.
Людская кровь рекой текла.
Стрелой меткой Гульчоро
Убил нойгута Чынгожо.
А Ханчоро своим мечом
Толтою руку отрубил,
И конь Толтоя Суркоён
Умчался вместе с седоком.
Конь Семетея Тайбурул,
В боях испытанный дулдул,
Догнал его – и Семетей
Толтою голову срубил,
На землю труп его свалил!
Взял Суркоёна за узду,
А Ханчоро и Гульчоро,
Вступили в спор между собой,
Кому из них за этот бой
Достойно получить коня.
Чтоб не обидеть двух друзей,
Сказал смеясь им Семетей:
– Вдвоем скачите на меня,
Навстречу брошу вам чылбыр,
Кто первым схватит поводок,
Тому достанется конек!
Так Ханчоро и Гульчоро
Под крики воинов и свист,
К награде бросились вдвоем.
И Семетей, как обещал,
Навстречу бросил поводок,

И Гульчоро его схватил.
И Суркоёна Семетей
Отдал любимцу своему.
А Ханчоро обижен был:
– Не Гульчоро, а я в бою
Толтою руку отрубил.
Мне не досталось ничего, –
Роптал в обиде Ханчоро.

***Поход Семетей
против Конурбая***

С восходом солнца в ясный день
В долине рек Кен-Кол, Талас
Взгремел призывно добулбас.
И вся дружина в тот же час
У ханской ставки собралась.
Сказал Бакаю Семетей:
– Покоя нет мне, абаке,
Батыров вижу я во сне.
Сегодня утром на заре
Они с отцом пришли ко мне.
Отважный грозный Алмамбет
Сидит на боевом коне;
С ним рядом доблестный Чубак;
Бесстрашный юный эр Сыргак;
Манасу преданный свояк,
Отважный доблестный казах
Кокче; а рядом с ним стоит

Вождь двух кеминов хан Урбю.
У всех в глазах ко мне укор,
Видать, за то, что до сих пор
Не выполнил сыновний долг –
За смерть батыров и отца
С китайца куну взять не смог.
Я больше не могу так жить!
Я должен, абаке Бакай,
Идти с дружиною в Китай –
И Конурбая там убить!
За смерть батыров отомстить!
Кто знал дорогу на Бейжин,
В живых остались Вы один.
И я прошу Вас, абаке,
Чтоб повели Вы на Китай.
Вы при Манасе, говорят,
Как острый глаз во тьме ночной,
Войска водили за собой,
Победой завершали бой!

– Послушай, сын мой, Семетей.
Я думал много дней, ночей,
Зачем пошли мы на Китай,
В далекий, незнакомый край.
Китай велик, непобедим,
Тягаться бесполезно с ним!
Когда весь мир объял потоп,
Китай остался невредим.
И даже грозный Искандер
Не мог найти туда путей.
Осадой взяли мы Бейжин,

И весь Китай пошел на нас.
Мы бились, жизни не щадя,
Но силы были неравны.
Погибли все. Погиб Манас.
Как говорил пророк Иса:
«Кто на народ пойдет с мечом,
Тот от меча погибнет сам».
– А кто был в этом виноват?
Вы можете теперь сказать? –
Спросил у старца Семетей.
– Во всем виновны Алмамбет
И твой доверчивый отец.
Когда Манас узнал о том,
Что ханы шестерых родов
Вступили в сговор меж собой,
Чтобы Манас покинул трон,
А если трон он не отдаст –
Всем миром свергнуть его власть,
Он вызвал ханов всех в Талас
И дал им всем такой наказ:
– Не я ваш враг – ваш враг другой:
Он за китайскою стеной!
Там Конурбай и Нескара,
Те, кто в долине Каркыра
Почетный поминальный той
Кровавой кончили резней.
Чтоб разорить кыргызский род,
Они готовятся в поход.
А чтоб врагов нам победить,
Мы их должны опередить!
Мы как единый каганат

Всю мощь должны собрать в кулак,
Единой двинуться ордой
В поход великий на Китай.
А тот, кто не пойдет со мной,
Без головы уйдет домой!
Так ханам пригрозил Манас.
«Победой власть мы укрепим.
Пусть знают все, что хан Манас
Могуч, силен, непобедим» –
Такой совет подал ему
Китаец – хитрый Алмамбет.
Не знал доверчивый Манас,
Что перебежчик Алмамбет
Затеял Конурбаю месть,
Повел кыргызские войска
На родину свою Китай –
Рукой Манаса возродить
Свою поруганную честь.
«Я знаю хорошо Китай.
Там много золота, добра,
Там серебро, шелка и чай.
Мужчины там, поверьте мне,
Сидеть не могут на коне.
Увидев конную орду,
Без боя все сдадутся нам,
И мы с добычей дорогой
Вернемся все к себе домой», –
Так уверял нас Алмамбет.
И мы восторженной толпой
Пошли походом на Китай.
А там нас ждал смертельный бой –

И все соратники мои
Сложили головы свои!
И что задумал хан Манас,
Ошибкой было роковой!
Тогда мы, схоронив ребят,
С Манасом двинулись назад
(В пути он кровью истекал).
Когда прошли Китайский вал,
Вдали вдруг кто-то увидал,
Что вслед за нами конь бредет.
Не выпуская удила,
Рукой за холку Сарала
Держался мертвый Алмамбет.
Видать, китайская земля
И прах его не приняла
За то что, бросив край родной,
Собрав войска страны чужой,
На свой народ пошел войной
И столько жизней загубил.
И если Бог его простил,
Судьба кыргызов не простит,
Потомкам долго будет мстить, –
Не вытирая слез из глаз,
Закончил старина свой сказ.

– Аба, я понимаю Вас!
Но нет отхода! Я решил
На кон поставил смерть и жизнь.
Пускай в бою погибну я,
Но долг дороже для меня!
Я не пойду на весь Китай,

Мне не нужны ни шелк, ни чай –
Мне нужен только Конурбай!
Он ранил моего отца
Не в поединке, не в бою –
Когда молился он в саду.
За эту подлость накажу!
Проникну к Конурбаю в стан
И с ним я рассчитаюсь там! –
Ответил старцу Семетей.
– Видать, ты весь пошел в отца.
Когда Манас был одержим,
Напрасно было спорить с ним!
Решай, как долг тебе велит,
И пусть сам Бог тебя хранит! –
Благословил его Бакай.
Как только занялась заря,
На шлемах воинов лихих,
На пиках острых заиграл
От солнца отраженный блик.
И в знак войны затрепетал
С луной зеленой красный стяг,
Чтоб видел и страшился враг.
А впереди дружины всей
Гарцует грозный Семетей.
С ним меч нещадный Ач-албарс,
С которым в бой ходил Манас.
Под ним кусает удила
Незаменимый Тайбурул –
В боях испытанный дулдул.
А рядом два богатыря:
И Ханчоро, и Гульчоро.

Навстречу им из ак-орго
В тревоге вышла Ай-Чурек,
Взяла коня за поводок.
– Мой хан! О повелитель мой!
Увидела я страшный сон.
В нём Тайбурул, твой верный конь,
Вернулся без тебя домой!
В седле твой шлем и ак-олпок –
Боюсь, о повелитель мой,
Что не вернешься ты живой!
Молю тебя, не уходи! –
В слезах взмолилась Ай-Чурек.
– Ведь говорят, когда в пути
Батырам встретится лиса,
Удача ждет их впереди.
А если волею судьбы
Вдруг встанет баба на пути,
Удачи и добра не жди.
А ты подумала о том,
Что, если, выслушав тебя,
Батыров поверну назад,
Подумают, что струсил я!
Уйди с дороги! – крикнул он
И, стеганув жену камчой,
Повел батыров за собой.

Стояли долго вдоль реки
Детишки, жены, старики.
Молили, чтоб всевышней Бог
Родных от гибели берег...

Поход Семетея на Китай и его ранение

Правитель старый Конурбай
Владенья объезжал свои.
И первым делом, как всегда,
Решил проверить табуны.
На берегу Эртыш-реки
Паслись лихие скакуны,
Друг друга краше меж собой:
Гнедой, каурый, вороной.
И среди них крылатый конь –
Конь Конурбая Алгара.
Догнать его в боях не мог
Тулпар Манаса Ак-Кула.
Узнав родного седока,
Примчался к другу Алгара.
Расстроился хан Конурбай,
Обняв за шею скакуна.
– С тобой не раз, мой верный конь,
Ходили мы на смертный бой.
И ты, как друг, спасал меня.
Теперь состарились с тобой.
Пусть даст нам Бог на старость лет
Благополучье и покой.
Скакун могучий Алгара
Покорно голову пригнул.
Но тут примчался Карагул
И Конурбаю сообщил:
– Мой хан, к границе подошел
Кыргызов боевой отряд!

Сейчас они на берегу
Сошли с коней, чтоб отдыхать!
Пришел с дружиною своей
Сын эр Манаса Семетей!
Они хотят нас осадить,
Напасть внезапно и убить!
Вскричал во гневе Конурбай:
– Когда Манас пришел в Китай,
Его смертельно ранил я!
А если сын пришел войной,
Отсюда не уйдет живой!

Чтоб не узнал его Бакай,
Набросил шубу пастуха,
Надел китайский малахай,
Вложил заряд в свое ружье,
Надежно спрятал за спиной
И на ушастом ишаке
Погнал овец на водопой.
Со стадом подошел к реке.
Сидели, греясь у костра,
Батыры и старик Бакай,
С ним рядом воин молодой –
Как будто сам Манас воскрес!
Высок, плечист, рука крепка,
Отвага, доблесть на лице.
А с двух сторон ему под стать
Два близнеца-богатыря,
Смеются, шутят у костра.
Залюбовался Конурбай,
Стал думать о судьбе своей.
«Познал богатство я и власть,

Врагов могучих побеждал,
Но Бог потомка мне не дал,
Чтобы народ свой защищал,
А я, хотя б на старость лет,
От войн кровавых отдыхал.
К чему? Зачем? И почему?
Не можем дать покой и мир
Не только лютому врагу,
Но и народу своему?
Кыргызы сами говорят:
"Во имя мира и добра
Убийце своего отца
Ты в жены мать свою отдай!
И будешь ты ему родней
И ближе собственных детей".
И если б сына Бог мне дал,
К кыргызам я б его послал,
Чтоб Семетею предложил
Забуть вражду своих отцов,
Создать союз и защитит
Народы наши от врагов».
Подумав так, он порешил
Послать гонца и сообщить,
Что за Манаса и бойцов,
Он куну заплатить готов.
И приглашает в хан-сарай
Кыргызов в гости Конурбай!
Но тут услышал, как Бакай
Сказал батырам у костра:
– Сейчас разведчик доложил:
Кругом охрана, нет пути,
Чтоб к ставке хана подойти.

– Но путь мы все равно найдем
И Конурбая там уьем! –
Смеясь, ответил Семетей.
Сдержаться Конурбай не смог!
Достал ружье, фитиль зажег
И сделал выстрел – пуля вмиг
Попала Семетею в грудь!
Все бросились искать стрелка,
Но не смогли его найти:
Успел, проклятый, улизнуть.

Терял сознание Семетей,
Из раны кровь лилась ручьем.
Старик Бакай своим ножом
Пытался вытащить свинец,
Но не сумел его извлечь.
Тогда сказал старик-мудрец:
– Поверье у народа есть,
Что пулю вынуть из груди
Поможет верная жена –
Та, что чиста и не грешна
И, кроме мужа, никому
Не раскрывала свой подол.
Пусть младшая жена – токол
Перешагнет через него.
И если не грешна она,
То пуля выпадет сама.
Скачите к Ай-Чурек скорей,
Пока не умер Семетей!
И, Тайбурула оседлав,
Помчался Гульчоро в Талас.

Когда узнала Ай-Чурек,
Что ранен пулей Семетей,
Полились слезы из очей.
– Ужели сбылся страшный сон,
Которому не верил он? –
Рыдала горько Ай-Чурек.
И тут же, в лебедь превратясь,
На крыльях в небо вознеслась.

Был без сознания Семетей,
Из раны кровь его лилась.
И через мужа своего
Перешагнула Ай-Чурек.
Не вышла пуля из груди!
Сказав «О, Господи, прости!»,
Перешагнула еще раз.
Не вышла пуля! Кровь лилась...
«Я думал, Ай-Чурек чиста,
Ужели в ней ошибся я? –
Подумал старец про себя. –
Видать, недаром Чачыкей
В народе распустила слух:
Когда ночует Семетей
У старшей байбиче своей,
То в юрту к младшей – Ай-Чурек
Заходит ночью Гульчоро,
Позоря друга своего». —
Закрыв ладонями лицо,
Рыдала горько Ай-Чурек:
– Мой Бог, ужели я грешна?
Я кроме мужа своего

Не знала в жизни никого!
Когда я, в лебедь превратясь,
Летела к жениху в Талас,
Увидев с высоты небес,
Мужчину стройного в горах,
Подумала, что это он,
И начала спускаться вниз.
Когда ж увидела лицо,
Чуть не вернулась в отчий край –
То был проклятый Конурбай!
Ошиблась я, Создатель мой!
Прости меня за этот грех! –
Рыдала горько Ай-Чурек. –
Я в третий раз перешагну!
А если и на этот раз
Не выйдет пуля из груди,
Я тут же в небо вознесусь,
Сложу крыла и разобьюсь! –
Решила твердо Ай-Чурек.
Перешагнула в третий раз –
И выпал из груди свинец!!
Страданиям пришел конец,
И перестала литься кровь,
И сердце застучало вновь!
Открыл глаза хан Семетей
У ног возлюбленной своей.

И все батыры без потерь
Вернулись в свой Талас родной.
В честь возвращения домой
Устроили обильный той.

Поход Конурбая на Талас

Конур, узнав, что Семетей
Ушел на родину живым,
Собрал народ на общий сход.
Устроил боевой парад
И перед всеми речь держал.
– Скажу вам правду, мой народ.
Лет двадцать пять тому назад,
Когда скончался Кёкётёй –
Известный всем кыргызский хан,
Нас пригласили в Каркыра
На ханский поминальный той.
Там был отец мой Алооке,
Наш хан покойный Нескара,
Калмыцкий богатырь Жолой.
Созвав гостей на этот аш,
Кыргызы оскорбляли нас.
Своей дружиною кичась,
Их подстрекал и сам Манас.
На скачках всех нас обманул
Предатель подлый Алмамбет:
Байгу в двухтысячный табун
Отдал Манасу подлый лгун!
А на куреше хан Кошой
Лежачего Жолоя пнул,
Через него перешагнул –
Прилюдно хана оскорбил!
Такого не стерпел Жолой
И ночью учинил разбой.
Кыргызский поминальный той

Кровавой кончился резней.
Потом предатель Алмамбет
Повел Манаса на Китай.
Кыргызы взяли Чет-Бейжин.
Тогда китайский весь народ
Поднялся на борьбу с врагом!
Хваленый богатырь Манас
Погиб здесь со своим конем!
Теперь его сын Семетей
Готовит против нас поход,
Поклявшись Богу своему,
Что за отца меня убьет.
Чтобы врага не допустить,
Его должны мы упредить!
Там нет единства среди родов,
И благодатный Кыргызстан
Землей китайской станет вновь!
Добычи будет много там.
Возьмем мы все, что можно взять:
Красивых женщин-молодиц
И обольстительных девиц.
Угоним табуны и скот.
И каждый воин заберет
Себе бурутского раба! –
Сказал Конур и дал приказ
Идти походом на Талас!
И многотысячной ордой
Китайцы двинулись войной –
Творить насилие и разбой.

Пройдя тернистый длинный путь,
С войсками Конурбай пришел

В долину рек Талас, Кен-Кол.
Он ставку хана осадил
И сдать без боя предложил.
Ему ответил Семетей:
«У нас сегодня кадыр-тюн –
Святая ночь для мусульман,
И все кыргызы до утра
Должны молиться у костра.
И Вас, почтенный Конурбай,
Приму я с раннего утра.
И в честь согласия сторон,
Устроим Вам почетный пир.
Да будет Вам покой и мир!»
Такой ответ дал Семетей,
Печатью утвердив своей.
И воинам послал арак,
Кумыс, казы и бешбармак.
Бойцы, уставшие в пути,
Наелись досыта и всласть,
И, захмелев от кумыса,
В свои походные шатры
Ушли, чтоб наконец поспать.
Настала ночь. Взошла луна.
На склонах гор зажглись костры.
Кругом покой и тишина...
И вдруг, откуда ни возьмись,
В горах раздался громкий свист,
И все горящие костры
По склонам покатались вниз!
А кони, что внизу паслись,
Галопом в горы унеслись!
Бойцы спросонья, без коней,

Метались в зареве огней.
Но их валил наверняка
Удар разящего клинка.
И громоздились кучи тел
Под градом смертоносных стрел.
Повсюду крик, рыданье, стон,
Пылает, как в аду, огонь...
Так продолжалось до утра,
Пока не наступил рассвет,
И было горестно до слез
На то побоище смотреть.
Весь лагерь был сожжен дотла,
Людская кровь рекой текла,
И всюду, глаз куда ни кинь,
Лежали мертвые тела.
А те, кто был ещё в живых,
Вкруг Конурбая собрались,
От страха в ужасе тряслись
И ждали участи своей.
Когда подъехал Семетей,
Навстречу вышел Конурбай.
Как раб, колени преклонил
И хану протянул свой меч:
– Твоя победа, Семетей!
Моим мечом меня убей!
Но пощади, тебя молю,
В живых оставшихся людей!
Воюют ханы, а народ
На гибель гоним мы, как скот.
И в жизни побеждает тот,
Кто отберет или убьет!
Пришел теперь и твой черед! –

Сказал поверженный Конур.
И молвил Семетей в ответ:
– Легко ты хочешь умереть!
Тебе, мой враг, прощенья нет!
И я хочу убить тебя
Не при молитве, не в саду,
Как ты Манаса загубил,
А в честном доблестном бою!
Бери свой меч и Алгару –
Убью тебя иль сам умру!
Батыры, обнажив мечи,
Пришпорили своих коней
И друг на друга понеслись.
Искрился и звенел булат,
Никто не думал уступать.
А Тайбурул и Алгара,
Как два неистовых врага,
Свои кусали удила,
Сшибались в битве грудь на грудь.
Вот Семетею удалось
Ударить Конурбая в шлем.
Не выдержал удар старик,
Из носа кровь его пошла.
Беду почуяв, Алгара
Помчался в горы с седоком.
Но Семетей своей стрелой
Тулпару угодил в плечо –
Пал на колени Алгара.
И Семетей своим мечом
Конуру голову отсек!
Народ в восторге ликовал.
А Семетей свой меч поднял

Народу своему сказал:
– Друзья и братья! Мой народ!
Исполнил я сыновний долг!
За смерть батыров отомстил!
Кыргызов честь восстановил!
Тот, кто с мечом явился к нам,
Тот от меча погиб здесь сам!
Такую мудрость завещал
Пред смертью пайгамбар Иса!
Тех, кто остался здесь живой,
Я отпускаю всех домой!
А кто останется со мной,
Здесь будет жить, как брат родной! –
Сказал народу Семетей.
И загремел победный той!

***Сказ о том, как Уметей
пошел войной на Семетей***

Батыр казахский Уметей,
Правитель гор, озер, степей,
Узнал о том, что Семетей
Войска китайцев разгромил,
Конура грозного убил,
Большую куну получил.
Обиделся казахский хан:
– Отец мой, богатырь Кокчё,
Кыргызам верным был плечом,
Не раз ходил с Манасом в бой,
В поход великий на Китай
Повел казахов за собой

И пал в той битве роковой.
Сироты, вдовы, старики
Здесь до сих пор живут в слезах,
Но куны за своих бойцов
Не видел ни один казах.
И все, что заплатил Китай
За смерть казахских сыновей,
Себе присвоил Семетей!
Не поделился он со мной!
Свои владенья укрепил,
Войска свои вооружил.
Но даже на победный той
От нас гостей не пригласил!
Зазнался брат мой Семетей,
Кичится силою своей
И не считается со мной.
Придется сбить с кыргызов спесь,
Напомнить, кто главнее здесь!
И куной, взятой за отца,
Пусть он поделится со мной!
Пригонит тысячный табун,
Отдаст коня мне Тайбурул!
А если он откажет мне,
Приду и силой заберу!
И он заплатит нам вдвойне!
Мать Уметей Акэркеч
Сказала сыну своему:
– С кыргызами спокон веков
Мы все родством переплелись:
Переженили сыновей,
И замуж выдали девиц.
Ты, Семетей и Гульчоро –
Три сына трех родных сестриц.

Я, Каныкей и Арууке –
Все овдовели в один год
И вырастили трех сирот.
Молю тебя, родимый мой,
Не будь завистливым и злым
И с братом подружись своим!
А если будешь враждовать,
То не останешься живым!
Моленьям матери своей
Не внял упрямый Уметей.
Собрал всех воинов своих,
Под страхом смерти дал приказ
Идти походом на Талас.

И через степи Сар-Арка
Пришел он к городу Мерке.
В Талас с гонцом своим послал
Кыргызам грозное письмо.
Тридцатилетний Семетей
Немало в жизни повидал:
Предательство, коварство, злость.
Но, чтоб из зависти, как враг,
Пошел войной на брата брат –
Такого он не ожидал.
Позвал к себе он Гульчоро,
Батыру крепко наказал:
– Возьми дружину Кырк-чоро
И брата нашего встречай.
Привет мой ханский передай
И расскажи ему о том,
Что сыну славного Кокчө
Готов подставить я плечо,
Что почитаю я его,

Как друга, брата своего.
А сплетням пусть не верит он!
За смерть батыров и отцов
Нам куну не платил никто.
Я Конурбау отомстил.
За смерть батыров и отцов
Китаец жизнью заплатил.
А если брат мой Уметей
Тягаться вздумает со мной,
Дадим ему достойный бой!..

Наутро к городу Мерке
С дружиной прибыл Гульчоро.
И в юрту ханскую свою
Сам Уметей позвал его.
– Здоровья Вам, хан Уметей!
Привет со мною Вам послал
Наш старший брат хан Семетей!
Он в гости приглашает Вас
И просит посетить Талас!
Желает предложить он Вам,
Как некогда Кокчө Манас,
Народы вновь объединить,
Создать единый каганат,
Чтобы страшился лютый враг!..
– Довольно! – крикнул Уметей.
Словами, хитрый краснобай,
Мозги ты мне не заливай!
Здесь не виновен Конурбай!
Когда Манас, единый хан,
Зазнался, стал решать все сам
И Алмамбету – беглецу,
Китайцу, твоему отцу,

Всю власть он ханскую отдал –
Тот стал батыров зажимать:
Брехать, порочить, клеветать!
Пять ханов, с ними мой отец,
Чтоб Алмамбета обуздать
Решили Курултай собрать.
Но хитроумный твой отец
Кыргызов на Китай погнал –
Батыры все погибли там.
И Алмамбет убит был сам!..
Не смог сдержаться Гульчоро,
Во гневе меч свой обнажил
И брата рубанул сплеча.
Когда из юрты вышел он,
Держа в руках кровавый меч,
Вся стража разбежалась вон.
– Не бойтесь! Я не трону вас, –
Сказал батырам Гульчоро. –
Казахи, братья вы мои!
Мы все в единстве жить должны.
А если по обиде злой
На брата брат пойдет войной,
Ни вы, ни мы не победим
И все погибнем как один! –
Сказал казахам Гульчоро,
И были все согласны с ним.

Когда узнала Каныкей,
Что оскорбленный Гульчоро
Прикончил брата своего,
Рыданий не смогла сдержать.
– Адама старший сын Каин
Абыла – брата своего

Из черной зависти убил!
А здесь Каина самого
Прикончил младший брат Абыл!
Простит ли этот грех Аллах,
Коке-Тенгир наш в небесах? –
Сказала Каныкей в слезах.
Велела сыну своему
Прощенья у сестры просить
И куну в тысячу коней
За гибель сына заплатить,
Отдать и Тайбурула ей.
С Таласа в степи Сар-Арка
Табун в две тысячи коней
И Тайбурула своего
Погнал на куну Семетей.
Просил прощенья у сестры.
Отметил брату сорок дней.

Предательство Ханчоро

Великодушный Семетей
Не знал, что старшая жена
Ему давно уж не верна.
Не знал, что подлый Ханчоро
Заходит тайно к Чачыкей.
Видать, недаром говорят:
«Огнеопасен тот пожар,
Что загорелся изнутри.
Хитер и беспощаден враг,
Который вышел из семьи».
Свои обиды Ханчоро

Не стал от Чачыкей скрывать
И говорил своей джене,
Что Семетей с Гульчоро
Настало время обуздать.
И вспоминал, как в Бухаре
Он братца своего женил,
Его ж оставил холостым,
Хотя всегда был рядом с ним.
– Когда убит был хан Толтой,
Достался нам в добычу конь –
Скакун батыра Суркоён.
Чылбыр, трофейного коня,
Отдал не мне, а брату он!
Когда пришел к нам Уметей,
Он Гульчоро послал к нему,
Чтоб мир с казахом заключил,
А тот, в обиде за отца,
Казаху голову срубил –
Братоубийство совершил!
За это хан наш Семетей
Тобун в две тыщи лошадей
И Тайбурула своего
За смерть батыра заплатил!
Такой урон брат Гульчоро
Нанес народу своему,
Но все прощается ему!
Не зря в народе говорят:
«Кен-Кол не меньше, чем Талас,
Чубак храбрее, чем Манас».
Отец мой – доблестный Чубак
Манасу с юности служил,
На смертный и победный бой

Водил батыров за собой
И, защищая честь его,
В Бейжине голову сложил!
Отец китайца Гульчоро –
Предатель подлый Алмамбет
Погнал кыргызов на Китай
И всех батыров загубил!
А мой отец – батыр Чубак
Не раз Манасу говорил,
Что Алмамбет кыргызам враг!
Но тот его боготворил, –
Роптал в обиде Ханчоро.
И горькой участью своей
Делилась с ним и Чачыкей.
Обида, ревность, зависть, боль
Страданья причиняли ей.
– Как появилась Ай-Чурек,
Считается он только с ней...
И в юрту белую мою
Почти не ходит Семетей...
И мной командует она,
Как будто в доме я токол,
Она же – старшая жена...
И ханством стали управлять
Она и друг твой Гульчоро...
Когда в Таласе мужа нет,
Она ложится под него...
Боюсь, что эти подлецы
Отравят хана иль убьют
И власть его себе возьмут, –
Шептала Чачыкей в слезах.

– А потому, моя джене,
Должны мы власть с тобою взять...
Но мы не будем убивать:
Ни у тебя, ни у меня
Здесь не поднимется рука!
Для дела этого найдем
Его заклятого врага.
Когда убит был Чынгожо,
Лишился головы Толтой,
Поклялся брат его Кыяз,
Как подрастет, любой ценой
Он Семетею отомстит.
Теперь окреп он, возмужал
И ханом джедигеров стал.
Но, чтоб идти сюда войной,
Кыязу не хватает сил.
И мы договоримся с ним,
Чтоб Семетей попал в загон,
И нашим будет ханский трон! –
Сказал коварный Ханчоро.
Так сговорилися они
И ночь бурно провели
В паскудной страсти и любви...

И вот, когда пришла весна,
Весь кочевой кыргызский род
Овец своих и крупный скот
Погнал с долины на джайлоо.
В горах рекою потекло
Живительное молоко.
В кокорях зашипел арак.

Пошли поминки, кутежи...
А Семетей и кырк чоро
С утра до вечера в гостях!
Сказал батырам Ханчоро:
– Когда все на джайлоо, в горах,
К нам может подобраться враг.
И, чтобы убедиться в том,
Что нет поблизости врагов,
Границы осмотрю с постов!
Позвольте мне сходить в дозор, –
Просил у хана Ханчоро,
И тут же получил добро.
А Суркоёна своего
Отдал в разведку Гульчоро.

С джигитом верным Ханчоро,
Пройдя Мерке, Олиата,
Степные, горные края,
Сквозь саксаульные леса,
Аму-Дарью и Сыр-Дарью
Добрался все же, наконец,
К владеньям рода жедигер.
С вниманьем слушал хан Кыяз
Все, что поведал Ханчоро.
– В моем роду другой уклад:
Трудом богатства добывать,
Растить детей, доить, пахать,
Родную землю и народ
От иноземцев охранять.
А если враг сюда придет,
Ему отпор достойный дать!

Но Семетею отомстить,
Идти войною на Талас,
Я и не думал отродясь! –
Признался гостю хан Кыяз.
– Толтоя, брата твоего,
Не раз унижил Семетей.
Отнял невесту Чачыкей,
Женился в Бухаре на ней!
Потом отнял он Ай-Чурек,
Толтоя с Чынгожо убил!
Убийцам ты не отомстил!
Твой долг – честь брата отстоять,
За смерть батыров куну взять
И Ай-Чурек себе забрать!
Правитель рода ты! Ты – хан!
Тебе особый жребий дан!
Свое достоинство и честь
Ты должен высоко беречь! –
Стыдил Кыяза Ханчоро.
Договорились они
О том, что в первый день луны,
Прикрывшись темнотой, Кыяз
С дружиною придет в Талас,
В мазар, где погребен Манас.
– Когда приедет Семетей,
Зайдет молиться в мавзолей,
Там безоружного уьем –
И нашим будет ханский трон!
И станет Ай-Чурек твоей,
Моею будет Чачыкей, –
Сказал Кыяз Ханчоро.

Вернулся Ханчоро назад
И Семетею доложил,
Что все объездил, осмотрел.
Покой и тишина кругом,
На пограничье нет врагов –
Так что спокойно можно спать,
Попить, поесть и погулять.
– Но огорчило нас одно.
Как возвращались мы назад,
Пошли в кумбез, где спит Манас,
Прочеть предутренний намаз –
И слезы потекли из глаз!
Видать, пытались враги
Стереть кумбез с лица земли:
Стащили сотни кирпичей
И кровлю наверху снесли!
Когда зашел я в мавзолей,
Увидел небо изнутри
И голос странный услышал –
Как будто наш отец Манас
На помощь Семетея звал.
Не смог сдержаться я, мой хан,
Просил прощенья и рыдал! –
Заплакал подлый Ханчоро.

Гибель Семетея

Растроган был хан Семетей
И приказал седлать коней,

Кобылу белую найти,
Отцу чтоб в жертву принести.
Собрать с кочевья мастеров,
Чтобы разрушенный кумбез
Скорей в порядок привести.
И рано утром Семетей
Велел чоро седлать коня.
Из юрты вышла Ай-Чурек:
– Мой хан, не оставляй меня!
Увидела я страшный сон.
Врагами дом наш окружен,
Пылает изнутри огонь,
А ты и друг твой Гульчоро
Внутри остались вдвоем.
Хочет дура Чачыкей –
Корона ханская на ней!
А потому тебя молю,
Возьми свой меч и ак-олпок –
Свою надежную броню! –
В слезах молила Ай-Чурек.
– Твой сон, любимая, тот страх,
Что чуют бабы на сносях.
Покой и тишина в горах.
Объездил всё сам Ханчоро
И осмотрел со всех постов.
Нигде не видел он врагов.
Спокойно можно спать, гулять
В твоих объятиях лежать
И гладить теплый твой живот,
Где наш ребеночек растет, –
Смеясь, сказал жене своей
Батыр беспечный Семетей.

Не взяв ни меч, ни ак-олпок,
В дорогу вышел Семетей.
Когда увидели они
Полуразрушенный кумбез,
Сдержаться не могли от слез.
Молитву на помин прочли,
Кобылу в жертву принесли,
Огонь под казаном зажгли.
Просить прощенья Семетей
Зашел к Манасу в мавзолей.
В бессильи на колени пал
И, как ребенок, зарыдал:
– Прости, отец, что я не смог
Сберечь кумбез твой от врагов!
Старался, не жалея сил,
Чтоб сделать все, что ты просил!
Разрозненный кыргызский род
Я вновь собрал, объединил.
Врагам твоим я отомстил.
Создал единый каганат.
И завещания твои
До смерти буду выполнять...
И вдруг послышалось ему,
Что с ним отец заговорил:
– Своим бесстрашьем и мечом
Перед народом и отцом
Ты выполнил сыновний долг!
Твоих потомков и народ
От рабства, гнета и невзгод
Я буду духом защищать.
На ратный подвиг и на труд
Кыргызский род благословлять!

Опорой буду я для вас! –
Сказал, как будто бы с небес,
Своим потомкам хан Манас.
И в этот благодатный миг
Раздался оголтелый крик.
Под клич «Толтой! Толтой! Толтой!»
Кыяз дружиной боевой
Кумбез Манаса окружил,
Охрану хана перебил,
Перевернул все казаны,
Под ними погасил огни.
Связать велел он Гульторо –
Тот без оружия и коня
Не мог поделаться ничем.
Кыяз и подлый Ханчоро
Вдвоем к кумбезу подошли.
– Эй, хан! Не прячься! Выходи! –
Кричали в ярости они.
И вдруг с небес раздался гром.
На землю грянул снег с дождем.
Сверкали молнии в горах.
И тучи, черные, как ночь,

Бурлили в темных небесах.
Кругом смятение и страх!..
И вмиг один утихло всё.
Сияет солнце в небесах.
Покой и тишина в горах.
Когда Кыяз и Ханчоро
С мечами в мавзолее вошли,
Там Семетея не нашли.
Вознесся в небо Семетей...

И вот с тех пор до наших дней
Живет в народе Семетей.
Как память, вбитую в гранит,
Народ в душе ее хранит,
Передает из века в век.
Что завещал батыр Манас –
Продолжит внук его Сейтек.

Как был убит батыр Кыяз,
Что пережили Ай-Чурек,
Бакай, Чоро и Каныкей –
Об этом следующий сказ.

СЕЙТЕК

**Захват ханской власти
предателем Ханчоро**

Властолюбивый Ханчоро –
Предатель, гад, прелюбодей –
Ценою крови и смертей
Всего добился своего:
Себя он ханом объявил,
Всех неугодных перебил,
Изгнал, унизил, разорил.
Решил он имя Семетей
Стереть из памяти людей.
Велел кыргызский каганат
Отныне Ханством Ханчоро
Во всех делах именовать.
В долине рек Кен-Кол, Талас
На Курултай людей созвал,
Перед народом речь держал:
– Добились цели мы своей –
Повержен деспот Семетей!
Теперь никто не поведет
Кыргызов в гибельный поход!
Народу не нужна война!
И пусть живут в своих краях
Манжу, китаец и калмак –
У каждого своя страна!
Отныне весь кыргызский род
Спокойной жизнью заживет.
Но если враг сюда придет –
Живым отсюда не уйдет!

Теперь союзник есть у нас –
Род жедигеров, хан Кыяз!
Но всё, что в руки взяли мы:
Джайлоо, долины, табуны,
Богатства, золото казны –
Всё это потеряем вмиг,
Если останется в живых
Брат Семетея – Гульчоро!
И потому я повелел
Найти его, за всё спросить
И принародно здесь казнить!
С ним заодно мудрец Бакай.
Убить бы надо старика,
Да жаль, что здесь ни у кого
На это не пойдет рука!
– Мой хан! – вмешался эр Кыяз. –
Я очень уважаю Вас.
Вам Гульчоро молочный брат!
Мать Семетея, говорят,
Вскормила грудью вас троих –
Нельзя об этом забывать!
Прошу, мой хан, добрее быть,
Обиды старые забыть
И брата своего простить!
– Не прав ты, дорогой Кыяз! –
Ответил другу Ханчоро. –
Ты раньше не был среди нас,
И то, что я хочу сказать,
Ты можешь попросту не знать.
Я Семетею был не мил
За то, что, не боясь, в глаза

Я правду-матку говорил.
А Гульчоро – наш друг и брат
Пред ним стелился, лебезил,
Частенько врал и клеветал.
Отец его – хан Алмамбет
С Китая к нам перебежал.
Сперва пошел он в Сар-Арка
К казаху славному Кокче,
Где правил старец Айдархан.
Вошел в доверие к нему,
Давал советы, диктовал,
Казахских ханов унижал.
Когда же не было Кокче,
К его жене он приставал.
Узнав об этом, хан Кокче
Был так от ревности взбешен,
Что выгнал Алмамбета вон!
Потом к Манасу он пришел
И сапой тихою, как вошь,
К нему в доверие заполз.
А на поминках в Каркыра
Гостей на скачках обманул.
Почтенный поминальный той
Кровавой кончился резнёй.
Шесть ханов из шести родов
К Манасу выслали послов,
Чтобы доверчивый Манас
Умерил друга своего,
От власти отстранил его.
Но хитроумный Алмамбет
Подавал Манасу свой совет:
Всех ханов с армией собрать

И на Китай походом гнать.
Не знал доверчивый Манас,
Что друг китаец Алмамбет
Задумал Конурбаю месть:
Кыргызской силой возродить
Свою поруганную честь!
В походе сорок дней подряд
Войскам он отдых не давал.
А кто болел или отставал,
Того на месте убивал!
Кыргызы взяли Чет-Бейжин,
Там все батыры полегли.
Смертельно раненный Манас
Вернулся в свой Талас один!
Когда прошли Китайский вал,
Вдали вдруг кто-то увидал,
Что вслед за ними конь бредет.
За холку своего коня
Держался мертвый Алмамбет.
Видать, китайская земля
И прах его не приняла –
За то, что из страны чужой
На свой народ пошел войной
И столько жизней загубил!
И если Бог его простил,
Судьба кыргызов не простит,
Потомкам долго будет мстить!
Мне это в детстве рассказал
Глава дружины Кыргыл-чал.
Когда мы прибыли в Кашгар:

Я, Гульчоро, старик Бакай, –
Хан жедигеров Чынгожо
Сказал, что подлый Алмамбет
Кыргызов загубил в бою,
И потому он с Гульчоро
В союз не вступит боевой!
И Гульчоро тут озверел –
Башку рассек ему камчой!
Хан жедигеров Чынгожо,
Как враг, пошел на нас войной.
И Гульчоро, и Семетей,
И хан казахский Уметей –
Три брата от троих сестер.
Когда брат младший Уметей
За гибель своего отца
От куны долю попросил,
К нему приехал Гульчоро
И брата своего убил.
И если он вернется вновь,
Не пожалеет никого.
Не забывай, что в нем кипит
Чужая, вражеская кровь.
И мы должны его убить! –
Во гневе Ханчоро сказал.
Ему не возражал Кыяз.
Народ затих и замолчал.
Лишь было слышно, как в горах
Бурлит и пенится Талас.
И вновь пришли в кыргызский край
Борьба за власть, смятенье, страх...

Под властью Ханчоро

Властолюбивый Ханчоро
По ханству разослал приказ,
Где б ни таился Гульчоро,
Из-под земли его найти,
Связать и в ставку привезти.
Догнали беглеца в степи,
И, окружив его кольцом,
Пытались захватить живым.
Не дрогнул храбрый Гульчоро –
И вмиг аскерам четверым
Снес головы мечом своим.
К нему помчался сам Кыяз,
Чтоб поразить его копьем,
Но Гульчоро своим мечом
Копье его перерубил.
Но силы были не равны.
Израненного Гульчоро
Связали по рукам, ногам
И в ставку хана привезли.
Сам Ханчоро отдал приказ:
– В живых оставьте беглеца!
В лопатки вбейте два гвоздя!
И бросьте со скотом в загон –
Пусть там и поддыхает он!..
Когда узнала Чачыкей,
Что Ханчоро взял в ханстве власть,

Чуть было не сошла с ума.
Да разве думала она,
Что Бог такое счастье даст!
Когда вдруг умирает брат,
Его вдову, детей-сирот
Один из братьев в дом берет –
Таков народный шариат.
Теперь-то знала Чачыкей:
Брат Семетея Ханчоро
По праву женится на ней.
Теперь никто не скажет ей,
Что Ханчоро прелюбодей,
И не придется по ночам
Встречаться тайно от людей.
Не будут звать ее вдовой –
Отныне будет Чачыкей
Законной ханскою женой!
И ровно через десять дней
Собрал счастливый Ханчоро
Священников, родных, друзей.
И хан кыргызов с Чачыкей,
Став на колени пред людьми,
Священной выпили воды –
Свершили брачный свой никей.
Из юрты в траурном платке
Поздравить ханскую чету
С поклоном вышла Ай-Чурек.
Как лебедь белая, нежна,
Как горная газель, стройна –
Видать, для счастья и любви.
Была Тенгиром создана.

Хан жедигеров эр Кыяз
Такой небесной красоты
Нигде не видел отродясь.
Кыяза обуяла страсть,
И в Ай-Чурек влюбился он.
«Чтоб тело белое ее
Ласкать и нежить по ночам,
Я б жизнь и честь свою отдал», –
Едва успел подумать хан,
Как хитроумный Ханчоро
Кыяза, друга своего,
Толкнул тихонечко в плечо.
– Ну, как тебе моя джене?
Прекрасна ликом, молода,
Да жаль бедняжку, что вдова, –
Сказал ехидный Ханчоро.
– На эту милую вдову
Я и во сне, и наяву
Готов молиться хоть сейчас, –
Ответил другу хан Кыяз.
– Я вижу, друг мой жедигер,
Тебе понравилась она.
Ну что ж, мой друг, тогда поверь,
Что Айчурек твоя жена!
Нельзя добычу упускать,
Коли сама попалась в пасть!
Я сам хотел на ней поспать –
Ревнива очень Чачыкей,
Она не уживется с ней.
Везет тебе, мой друг Кыяз! –
Признался Ханчоро смеясь...

Сватовство и женитьба Кыяза на Ай-Чурек

И в тот же день сам Ханчоро,
Чтобы поднять Кыязу дух,
К вдове несчастной Ай-Чурек
Послал речистых трех старух.
– Нельзя сидеть Чурек одной
Так долго в траурном платке
И жить бездетною вдовой.
Пускай немедленно джене
С Кыязом совершит нике! –
Велел сказать старухам хан.
– Но как могу я быть с другим,
Когда со мною Семетей,
И я не расставалась с ним!
Мой муж нигде не погребен –
Ко мне живым вернется он!
Ваш Ханчоро и хан Кыяз
Сгубили мужа моего!
А вы хотите, чтоб сейчас
Я вышла замуж за него! –
Рыдала горько Ай-Чурек.
И вот старухи вразнойбой
Взялись упрашивать ее.
– Народ наш мудрый говорит:
«Придет с повинной головой
Убийца твоего отца –
Прости и мать свою отдай.
И будет он тебя беречь,
Любить сильнее, чем родной».

– Благоразумной будь, Чурек,
Смирись с жестокою судьбой!
– Кыяз хороший человек,
В обиду он тебя не даст.
– Иначе грозный Ханчоро
Не будет дом твой охранять,
И похотливые друзья
Начнут постель твою терзать.
– И хан наш выгонит тебя
С позором в город твой Герат,
Или от ревности своей
Убьет тебя здесь Чачыкей, –
Старухи говорили ей.
С поклоном проводив гостей,
Кинжал достала свой вдова,
Зажала крепко рукоять,
Чтоб сердце острием достать.
И тут услышала она,
Как в глубине её груди
Два сердца вразнойбой стучат.
– О, Семетей, любимый мой!
Ужели волею судьбы
Стучит во мне твой плод живой!
Ребенка нашего, клянусь,
Я сохраню любой ценой! –
Рыдала юная вдова.
Убить в себе две жизни враз
Рука ее не поднялась.

Вот солнце ясное взошло
К вершинам поднебесных гор.

И слышит Ай-Чурек с утра
У юрты громкий разговор.
– Здесь Семетею мы сейчас
Молитву памяти прочтем,
Потом пусть к ней войдёт Кыяз
И сам поговорит с вдовой,
Предложит стать ему женой.
А если даст она отказ,
Свяжите по рукам, ногам,
Пусть в ханство увезет свое
И женится на ней он там! –
Распорядился Ханчоро.
Когда к Чурек вошел Кыяз,
Она навстречу поднялась
С поклоном в траурном платке.
– Мой хан, зачем тебе нужна
Чужая вдовая жена?
Ужель не в силах ты найти
Девуцу юной красоты? –
С мольбою молвила она.
– О, Ай-Чурек! Прости меня!
Упасть готов к твоим ногам,
Молиться вечно небесам,
Просить, чтоб сам Коке-Тенгир
Берег и охранял тебя!
И за тебя я, Ай-Чурек,
Судьбу и жизнь свою отдам!
А Семетея твоего,
Клянусь тебе, не убивал!
По глупой доброте своей
Попал в расставленный капкан.
За этот грех перед тобой

Я буду каяться всю жизнь.
Не можешь ты меня простить –
Даю тебе, Чурек, свой меч –
Мне можешь голову отсечь! –
Сказал в отчаяньи Кыяз.
– Меж нами, хан, большой порог,
Переступить его нельзя!
От Семетея моего
Во мне ребенок наш живет.
И поклялась Тенгиру я:
«Пусть буду нищею вдовой,
Я буду жертвовать собой,
Чтоб только жил ребенок мой!» –
В слезах сказала Ай-Чурек.
– Чурек, я очень одинок,
Имею ханство, свой народ,
Но бог потомства не дает.
Я род свой жизнью защищал,
В боях кровавых побеждал.
В знак примиренья в жены взял
Я дочь Жаная Жайнаке.
Потом красотка Каракёз
Женою верной мне была.
Женат был дважды, но беда!
К несчастью, ни одна жена
Ребенка в дом не принесла.
Мне сам пророк сказал во сне,
Что кровного ребенка мне
Создатель никогда не даст.
Зачем богатство мне и власть,
Коль нет потомства у меня?
Кто будет ловчих птиц моих

Кормить, поить, дрессировать?
А кто с копьем и айбалтой
Народ мой будет защищать?
И знай, Чурек, ребенок твой
Мне будет дорог, как родной!
И буду счастлив я в тот миг,
Когда увижу, как дитё
С улыбкой грудь твою сосет.
Как будто в дом пришла ко мне
Святая мать – Умай-эне!
Клянусь я честью, Ай-Чурек,
Что никогда ребенок твой
Не будет знать, что я чужой.
Когда он явится на свет,
Устрою небывалый той!
Гостей почтенных позову,
И сам я имя дам ему!
И будет жить он и расти,
Как наш ребеночек родной! –
Так обещал вдове Кыяз,
И на колени Ай-Чурек
Упали слезы с ханских глаз.

И в ту же ночь через Алай,
В далекий свой кашгарский край,
Туда, где жедигеров род
Кыргызский представлял народ,
Увез невесту хан Кыяз.
И был доволен он женой:
Покорна, хороша собой.
Но Ай-Чурек была хитра:
Всегда покорна и добра,

Давала мужу по ночам
Снотворный с кумысом бальзам.
И, ласкою обворожив,
На сон грядущий уложив,
Служанку, схожую с собой,
Пускала к мужу на покой.

Рождение Сейтека

В сего шесть месяцев прошло
С тех пор как Ай-Чурек, Кыяз
Договорились меж собой
И стали мужем и женой.
И вот настал тот самый час,
Когда встревоженный Кыяз
Позвал старух киндин-эне,
Чтоб помогли рожать жене.
Старухи, щупая живот,
Шептались тихо меж собой,
Боялись, что у Ай-Чурек
Из чрева выйдет мертвый плод
Иль недоношенный урод.
Но, слава Богу, обошлось,
Хотя помучиться пришлось.
Родился сын-батыр живой,
Не в меру крепкий и большой.
В народе разговор пошел:
«Не Семетея ли сына
Бесплодному Кыязу в дом
С Таласа в чреве принесла

Его последняя токол?» –
Шептались люди меж собой.
А хан Кыяз на день седьмой
Собрал гостей на бешик-той.
– Друзья и братья! Мой народ!
Я счастлив наконец и рад.
Родился сын – наследник мой!
И подарила мне его
Моя прекрасная Чурек!
Я слышал, слух идет о том,
Что раньше срока он рожден,
Но крепок, как батыр, силен!
Не забывают вы, друзья,
Что с той и с этой стороны
Он ханской кровью порожден.
Кончайте сплетни и молву,
А кто болтает, я ему
Башку немедля оторву! –
Сказал во гневе хан Кыяз. –
Ну, а теперь прошу я вас,
Найдите имя вы сейчас
И дайте сыну моему, –
Сказал с улыбкой хан Кыяз.
Стал каждый думать и гадать,
Каким бы именем назвать.
Да вот никто из мудрецов
Дать имя мальчику не смог.
И вдруг пришел на этот той
Бродяга с нищенской клюкой.
Дал имя мальчику «Сейтек».

– Пусть это имя навсегда
В народе вашем будет жить,
Переходить из века в век! –
Сказал бродячий дубана.
И, трижды прокричав «Алас!»,
Пришелец вмиг исчез из глаз.

Детство Сейтека

И слово ханское свое
Кыяз с достоинством сдержал:
Носил на шее малыша
Нередко баловал, ласкал
И, как родного, целовал.
Потом, когда подрос Сейтек,
Учил держаться на коне,
Колоть копьем, рубить мечом
И защищать себя щитом.
Была довольна Ай-Чурек
Своим мужающим дитём.
И с нетерпением ждала,
Когда он зрелость наберет,
Чтоб рассказать ему о том,
Что дед его – батыр Манас,
А родина его – Талас,
Отец его – хан Семетей.
И что в страдании живут
Мудрец Бакай, брат Гульчоро,
Родная бабка Каныкей.
И что коварный Ханчоро
Путем предательства и зла

Убил отца и занял трон.
О том, что сын ее Сейтек
Обязан выполнить свой долг:
В Талас вернуться должен свой
И каганат восстановить,
Чтобы народ его родной
Вновь в мире и в единстве жил.
И тайно, чтоб не знал Кыяз,
Письмо отправила в Талас.
В страданиях там много лет
Томился бедный Гульчоро.
И сообщила Ай-Чурек
О том, что сын ее Сейтек
От Семетея порожден.
Просила, чтобы Гульчоро,
Берег себя, набрался сил,
Как только возмужает сын,
Род джедигеров посетил,
С Сейтеком сам поговорил...

Встреча Сейтека с Гульчоро

В горах томился Гульчоро,
В пещере жил один как перст –
Табун там ханский охранял.
Страдал от боли, голодал,
Терял надежду, духом пал
И постепенно умирал.
Когда его достигла весть
О том, что в ханстве джедигер

Потомство от Манаса есть,
Воспрянул духом Гульчоро.
Решил он вновь восстановить
Единство, равенство и честь.
Молился небу, чтоб Сейтек
Скорее вырос, возмужал
И в руки меч и щит свой взял...
И вот дождался Гульчоро,
Когда Сейтеку, наконец,
Исполнилось тринадцать лет.
С трудом одолевая боль,
Хромая, к юрте он пришел,
Где жил табунщик Карагул –
Глава всех ханских пастухов,
И попросил себе отгул.
– Я, как общипанный сокол:
Одежды нет, разут и гол,
И мне осталось мало жить.
Такого нищего раба
Вам стыдно будет хоронить.
Спустишь в Талас я к Каныкей,
Одежду попрошу у ней.
Идти пешком не хватит сил,
Коня мне дай, друг Карагул? –
Он у табунщика просил.
– Ну, ладно, мой несчастный раб!
Растрогал ты меня до слез –
Ведь ты давно не видел баб!
Даю тебе отгул пять дней,
Чтоб повидаться с Каныкей.
Бери конягу Бозбайтал –
И чтоб назад не опоздал! –

С угрозой Карагул сказал.
Был рад и счастлив Гульчоро.
И, тут же, оседлав коня,
Помчался в джедигерский край
И в ставку ханскую пришел.
Кыяз, увидев Гульчоро,
От злости страшно был взбешен.
– Связать немедля! – крикнул он. –
К нам этот раб приехал сам!
Срубите голову ему
И бросьте на съеденье псам!
Но тут вбежала Ай-Чурек.
– Пришел с повинной Гульчоро.
Мой хан, помилуйте его!
И вспомните о притче той,
Что говорит простой народ,
Когда с повинной головой
Твой лютый враг к тебе придет.
Убийцу своего отца
Мой сын, Вы знаете, Кыяз,
В утробе матери простил.
И вот теперь на этот раз,
Мой хан, черед Ваш наступил! –
Молила мужа Ай-Чурек.
И гнев Кыяз свой погасил,
Чоро на волю отпустил.

Служанок вызвала Чурек,
Велела гостя своего
Раздеть, умыть, переодеть
И раны на спине его
Травой лечебной натереть.

И сына позвала к себе.
Когда увидел Гульчоро
Сейтека, слез сдержать не мог,
Как будто здесь увидел он
Живого брата своего:
Осанка та же, тот же рост,
В плечах осанистая мощь,
Улыбка та же, взгляд вождя.
– Брат Семетей! Ужели я
Увидел вновь живым тебя!? –
Кричал от счастья Гульчоро,
Сейтека к сердцу прижимал,
От счастья, как дитё, рыдал. –
С тобой, я верю, мой Сейтек,
Повержен будет Ханчоро!
С престола сбросим мы его,
А с ним предательство и лезть!
И вновь вернуться в край родной
Единство, равенство и честь!
И будет вечно наш народ
Пахать и сеять на земле
Обетованной и родной,
Судьбой и Богом данной нам.
И будет защищать свой род
Единый, добрый, честный хан!
От Гульчоро узнал Сейтек,
Что дед его – батыр Манас,
Что родина его – Талас,
Что Ханчоро и хан Кыяз
Отца убили, взяли власть.
Узнал, что на земле своей
Живут в неволе, в нищете,

Сидят на хлебе и воде
Родная бабка Каныкей
И Чыйырды – пробабка с ней;
Что мудрый старина Бакай,
Как раб, в изгнании живет,
Пасет верблюдов, ханский скот.
Обиделся Сейтек на мать,
Во гневе начал упрекать
За то, что столько лет она
Скрывала истину, врала;
С убийцею его отца
Жила покорно как жена;
Что беззащитных стариков
Одних оставила она.
– О нет, мой сын, ты здесь не прав!
Перед отцом твоим родным
Я целомудренна, чиста.
Кыязу я по вечерам
Давала с кумысом дурман,
И спать ложила я к нему
Служанку, схожую со мной.
И знал бесплодный хан Кыяз,
Что сын ему ты неродной, –
Сказала сыну Ай-Чурек.
– Родного он сгубил отца!
Убью сейчас я подлеца! –
Вскричал и выхватил свой меч
В безумной ярости Сейтек.
– Постой, сынок! Не горячись.
Он пред тобой не виноват.
Я поступила здесь, как мать,
Иначе гибели своей

С тобой бы нам не избежать.
Тебя б прикончил Ханчоро,
Страшась, что Семетея сын,
Как вырастет, убьет его.
Меня от ревности своей
Сгубила б сучка Чачыкей, –
Сказала сыну Ай-Чурек. –
Хранила тайно, мой сынок,
Броню Манаса ак-олпок,
Копье Манаса – сыр-найза.
Сундук открыла Ай-Чурек,
Батырам все передала.
Воспрянул духом тут Сейтек:
– Где мой Талас – родимый край?
Где бабушка, мудрец Бакай?
И если бедный мой народ
Страдает там и терпит гнет,
Клянусь я небом и землей,
Исполню долг сыновний свой!
Войной пойду я на Талас,
Где ждет меня мой дед Манас!
Там, где витает дух святой
Отца родного моего.
Я рассчитаюсь с Ханчоро!
Спасу несчастных стариков!
Народ свой вырву из оков!
И накажу я подлецов!
Теперь я не останусь здесь,
Вернуть народу должен я
Единство, равенство и честь!
Как завещал мой дед Манас:
«Вчера, сегодня, завтра, впредь

Или победа, или смерть!»
И тут же, оседлав коней,
Пока спал пьяный хан Кыяз,
Сейтек, Чурек и Гульчоро
Умчались в тишине ночной
В долину рек Кен-Кол, Талас.

Смерть Кыяза

Наутро поздно, как всегда,
Проснулся в юрте хан Кыяз.
Позвал жену, чтоб принесла
С бальзамом чашу кумыса.
Кумыс Чурек не принесла.
Кругом покой и тишина.
Пошел он в дом, где спал Сейтек,
И там не видно Ай-Чурек –
Куда-то сгнула жена.
Пошел в табун – нет Тоотору,
Его любимого коня.
И тут все понял хан Кыяз.
Он вспомнил истину о том,
Что как волчонка ни корми –
Не станет он дворовым псом.
И тут же, оседлав коня,
Помчался хан Кыяз вослед.
Догнал их на закате дня
В ущелье, где бурлит река.
Пустив на отдых лошадей,
Все трое грелись у огня.
– Не бойтесь, я не трону вас, –

Сказал спокойно хан Кыяз. –
Хотел вдогонку вам послать
Чоро с отрядом боевым,
Тогда, клянусь, никто из вас
Здесь не остался бы живым.
Ты знаешь, милая Чурек,
Я одинокий человек,
И потому твой сын Сейтек
Мне стал родней и ближе всех.
Останься, мой Сейтек, со мной.
Когда уйду я в мир иной,
Ты станешь ханом джедигер.
И будешь сам в руках держать
Судьбу людей, богатство, власть! –
Сказал Сейтеку хан Кыяз.
– Как повелел нам шариат,
За смерть отца простил я Вас,
За это Вы меня, мой хан,
Любили, как родной отец.
Но должен ехать я в Талас,
Единство там восстановить
Родов, воюющих за власть!
За это дед мой хан Манас,
Отец родной хан Семетей
Боролись до последних дней.
Я должен выполнить завет:
«Единство, равенство и честь».
Так завещал Манас, мой дед! –
Ответил юноша Сейтек.
– Тебя прошу я, Ай-Чурек,
Останься, милая, со мной, –
Просил и умолял Кыяз,

Но Ай-Чурек сказала: – Нет!

В броне Манаса ак-олпок,
С копьем нещадным сыр-найза
К Кыязу вышел Гульчоро.
– Видать, забыл ты, хан Кыяз,
Как ты с поганым Ханчоро
Заставил кровью харкать нас,
И как от подлости твоей
Погиб наш славный Семетей?!
И если сын его простил,
Простить тебя я не могу.
И ты, предатель хан Кыяз,
В смертельном предо мной долгу!
С Сейтеком мы тебе сейчас
Могли бы отрубить башку.
Но между нами мать – Чурек,
И пусть она рассудит нас.
Тебя, бесчестный хан Кыяз,
На эр-сайыш зову сейчас! –
Сказал во гневе Гульчоро.
И два батыра в тот же час,
Пошли на смертный эр-сайыш.
Искрился и звенел булат.
Копье ломалось. Гнулся щит.
Из ран батыров кровь текла.
Но как ни бились, не могли
Друг друга насмерть поразить.
Пустив коней во весь опор,
Взялись они за айбалта.
И так рубились до тех пор,

Пока отважный Гульчоро
Кыязу не пронзил плечо.
И, на прекрасную Чурек
Взглянув в тоске последний раз,
Свалился замертво Кыяз.
– Теперь-то джедигеров род,
Другого хана изберет, –
Сказал спокойно Гульчоро.
И, хана привязав к седлу,
Коня Кыяза Тоотору
По крупу стеганул камчой.
И с мертвым седоком скакун
Домой умчался в свой табун.

Приезд Сейтека в Талас

Пройдя тернистый долгий путь,
На пятый день они пришли,
В долину рек Кен-Кол, Талас.
К воде спустились отдохнуть,
И здесь услышали они,
Как стонет жалобно верблюду.
(То был походный Бозинген.
На нем когда-то сам Манас
Возил оружие и запас).
Верблюда старого вела
Едва держась на ногах,
Старушка смуглая с клюкой.
Людей увидев, подошла

Она с протянутой рукой.
– Простите, люди, вы меня.
Одна в горах страдаю я,
И жить на свете не хочу.
Убить меня прошу я всех,
Да вот никто не хочет брать
На душу этот страшный грех.
Была Манасу я женой,
Шахиной гордой и судьей,
Подругой нежной и вдовой.
И вот теперь, под старость лет,
Я стала нищей и слугой.
Погиб мой славный Семетей.
Скажи, сынок, ты кто такой?
И кто пришел сюда с тобой? –
В слезах спросила Каныкей.
– Я внук родной твой, энеке!
Отец мой – сын твой Семетей!
А это мать моя – Чурек.
С ней рядом – дядя Гульчоро.
Видать, забыли Вы его? –
Спросил с улыбкою Сейтек.
– Ужели вижу вас в живых! –
Рыдала горько Каныкей,
Прижав к груди своих родных.
А рядом Бозинген стонал,
И слезы, как живой алмаз,
Струились из верблюжьих глаз.

Избрание Сейтека кыргызким ханом

Когда пришли они в Талас,
Там шел народный Курултай.
Собрались здесь со всех родов,
Аилов, малых городов.
Народ решал как на духу
Свою дальнейшую судьбу.
Узнав, что прибыл к ним Сейтек,
Народ был рад и ликовал,
Что внук Манаса возмужал
И что приехал в отчий край
На всенародный Курултай.
Перед народом выступал
Правитель рода, краснобай:
– Сейчас должны мы порешить,
Как будем с вами дальше жить!
Нищает с каждым днем народ,
Теряет веру, совесть, врет,
Ворует, трусит, предает,
Прелюбодействует, как скот!
И тут же слово взял другой:
– А наш правитель Ханчоро
Арак с утра, как лошадь, пьет.
И с потаскухой Чачыкей
Запасы золота в казне,
Угодья, пашни, землю, скот
Друзьям и братьям раздает!
– Мы думали, что Ханчоро

Спасет народ от нищеты, –
Он нас жестоко обманул! –
Кричал табунщик Карагул.
Перед народом выступал
Один правитель за другим,
Делился мнением своим.
– И сбить должны мы с хана спесь,
Напомнить, что хозяин здесь –
Наш всенародный Курултай!
– И в ханстве вновь восстановить,
Как завещал батыр Манас:
Единство, равенство и честь!
К народу вышел хан Бакай:
– Мои родные! Курултай!
Теперь все знают: Ханчоро
Не может ханством управлять.
Пусть Гульчоро пойдет к нему
И скажет хану, чтобы он
Сейтеку передал свой трон,
Что так решил наш Курултай! –
Закончил речь свою Бакай.
И вот посланник Гульчоро
Пришел с охраной в хан-сарай.
– Послушай, брат мой Ханчоро,
Не можешь ханством править ты,
Довел народ до нищеты.
Сейтеку трон свой передай –
Так порешил наш Курултай!
Не то разгневанный народ
Сравнивает хан-сарай с землей
И сам расправится с тобой, –

Сказал с поклоном Гульчоро.
Хан долго протирает глаза,
Видать, был пьян уже с утра.
– Я б мог убить тебя сейчас,
Но всенародный Курултай
За это спуску мне не даст.
А если юный ваш Сейтек,
Сумеет весь народ спасти
От голода и нищеты,
Пусть трон берет свой, мне не жаль:
От власти ханской я устал!
Мне, кроме Чачыкей моей,
Не нужно в жизни ничего.
Давай же выпьем за нее! –
Ответил пьяный Ханчоро.
Но тут вмешалась Чачыкей:
– Когда доверчивый Манас
Всю власть в кагане и казну
Отцу доверил твоему,
Предатель подлый Алмамбет
Погнал кыргызов на войну
И всех в Китае загубил.
Ужель об этом ты забыл?!
Теперь ты хочешь, Гульчоро,
Сейтека юного дурить,
Чтоб в ханстве власть всю захватить,
Чтобы потом кыргызский край
Своим китайцам передать!
А ты, трусливый Ханчоро,
Не можешь этого понять! –
Сказала злобно Чачыкей.

Во гневе страшном Гульчоро
За косы женщину схватил,
Швырнул к стене что было сил.
Тут Ханчоро схватил кинжал,
Да был, видать, он слишком пьян, –
Споткнулся, на ковер упал.
Чоро его опередил
И в сердце брата своего
Кинжал по рукоять вонзил.

Когда вернулся Гульчоро,
О смерти хана рассказал,
В долине, словно гром с небес,
Раздался клич земли родной:
«Единство, Равенство и Честь!»
Подняв Сейтека на кошме,
Надели ханский малахай,
И мудрый старина Бакай
Вознес ладони к небесам:
– Создатель наш! Прошу тебя:
Народ в единстве сохрани –
Пускай плодится и живет!

Пусть множится, жиреет скот,
И льется в закрома зерно!
На волю, жизнь и труд его
Не посягает пусть никто!
И пусть народ наш тыщи лет
Не знает горести и бед!
Дай честь и мудрость старикам,
Добро и ласку матерям,
Отвагу, совесть сыновьям,
Благоразумье дочерям!
Народ чтоб в мире вольно жил,
Отдали кровь свою и жизнь
Кыргызов верные сыны!
Пусть будет хан, занявший трон,
В народ свой, как Манас, влюблен!
И землю предков от врагов
Хранит и защищает он!
Чтоб был народ всегда един!
И, потрясая небеса,
Долины, горы и леса,
Под солнцем грянуло «Омин!»

Байджиев Мар Ташимович

(прозаик, драматург, режиссер театра и кино)

родился 23.03.1935 г. в г. Джалал-Абаде Кыргызской ССР. Окончил Кыргызский университет, Высшие курсы сценаристов и кинорежиссеров в г. Москве. Работал главным редактором Кыргызфильма, Мин. культуры, собкором «Литературной газеты». В 1990-95 гг. избирался депутатом парламента КР. Народный писатель, член Киноакадемии КР, отличник кинематографии СССР.

Его рассказы, повести переведены и изданы на многих языках. Широко известны театральному зрителю пьесы "Дуэль", "Праздник в каждом доме", "Жених и невеста", "Древняя сказка", "Поезд дальнего следования", "Криминальный случай", "Мы - мужчины", комедия "В субботу вечером" и др. ставились в театрах Москвы: им. Моссовета, им. А. Пушкина, им. Вахтангова, вошли в репертуар театров России, Латвии, Литве, Эстонии, Грузии, Азербайджана, Украины, Молдовы, Узбекистана, Казакстана и др. ставились в Германии, Польши, Чехословакии, Румынии, Австрии, Венгрии, Финляндии, Швеции, Канады, Коста-Рики, Монголии и др. Фильмы, снятые по его сценариям, удостоены дипломов на Всемирных кинофестивалях: «Золотая осень», «Потомок белого барса», «Поезд дураков», «Окуя» (Кыргызфильм) «Чужое счастье» («Узбекфильм»); «Новогодняя ночь» («Казахфильм»); «Мы – мужчины», «Ливень» (ЦТ Москва). В национальной библиотеке организовал картинные галереи: «Манас», «Малые кыргызские эпосы». Учредил премии имени репрессированных манасоведов Е.Д. Поливанова, Т. Байджиева и З. Бектенова. Издал трехтомник эпоса «Манас» на русском и английском языках. Составил хрестоматийный учебник по "Манасу" для кыргызских учебных заведений. Осуществил поэтическое переложение на русский язык трилогии эпоса: «Манас», «Семетей», «Сейтек». Перевел на кыргызский язык и поставил на сцене драмы В. Шекспира «Антоний и Клеопатра», Ж. Кокто «Одиночество», по мотивам пьесы А. Островского «Любовь бесприданницы» и др.

СЛОВАРЬ

Абаке – дядюшка.

Абалак – бита при игре в ордо.

Ажо – предводитель, глава народа.

Ай – луна, сияние в ночи.

Айбалта – секира.

Айкёл – великодушный.

Аймак (монг.) – селенье.

Айран – кислое молоко.

Ак – белый, символ чистоты.

Аким – властитель.

Ак-олпок – боевая верхняя одежда.

Ак-орго – белая юрта.

Ак-келте – ружье Манаса.

Ак-шумкар – белый сокол

Ала-алас – заклинание.

Ала-кийиз – нерасшитая кошма из войлока.

Аламан-байге – скачки на приз.

Алас – окуривание дымом арчи.

Альчики – косточки коленного сустава для игр.

Аргымак (аргамак) – скакун.

Аскер – воин.

Аския – шутка.

Аш – поминки

Ашпозчу – повар.

Аэд (греч.) – сказитель эпоса.

Аяк – чаша.

Аяш – обращение к супругу и супруге друга.

Байбиче – старшая жена.

Байге – приз.

Бакан – шест.

Балта – топор.

Балтыркан – горное растение.

Барымта – угон табуна.

Батман – масса в четыре пуда.

Батыр – воин, герой.

Бешбармак – мясное блюдо

Бешик – люлька.

Бешик-той – пир в честь новорожденного.

Бобо (тадж.) – дедушка.

Боз-кисе – мешочек для огнива.

Бозо – хмельной напиток из проса.

Бийкеч – танцовщица, в переносном смысле – девушка.

Бичик (калмыц.) – святая книга.

Бурдюк – кожаный мешок для молока.

Бурут – так китайцы и калмыки называли кыргызов.

Буудан – могучий конь.

Давгер – мастер.

Дамбылда – священнослужитель.

Дарья, дарыя – река.

Джене – обращение к жене старшего брата.

Добулбас – боевой барабан.

Доомат – требование.

Дубана – нищий.

Дулдул – крылатый конь.

Жамбы – пластина из серебра или золота, мишень для стрельбы.

Жасол – слуга хана.

Жезде – муж старшей сестры. **Желдет** – солдат.

Женгей (казах.) – обращение к жене старшего брата.

Жигит – юноша, воин, слуга.

Жолборс – тигр.

Журт – народ.

Зам-зам – святая вода из Мекки.

Зекет – налог со скота.

Зиндан – тюремная яма.

Ичиги – легкие женские сапоги.

Кабар – весить.

Каган, каганат – государство.

Кадыр-тюн – святая ночь.

Казы – глава.

Какан – китайский правитель.

Калча – так кыргызы называют калмыков.

Калыс – объективный.

Кандагай – спортивные брюки из сыромятной кожи.

Капыр – иноверец, не мусульманин.

Кара-чечекей – зеница ока.

Кемин – название реки.

Келинчек – молодка.

Кереге – решетчатые стены юрты.

Керней – боевая труба.

Киндик-эне – повивальная бабка.

Козго атар – меткий стрелок.

Кокжал – сивогривый.

Коке-Тенгир – Всевышний создатель

Кокор – кувшин из кожи.

Кокуй-алат! – междометие отчаяния, букв. «Смерть пришла забрать!»

Кумбез – мавзолей.

Куна – вира, плата за убитого.

Кутырь – древнерусская мера масла.

Куреш – борьба.

Куржун – перекидной мешок.

Курултай – всенародное собрание.

Кыз – девочка

Кыз-куумай – догони девушку, спортивная игра.

Кызыл-Чок – чиновник.

Майдан – фронт, площадь.

Манкурт – потерявший память.

Мергенчи – охотник.

Моор – печать.

Мыйзам – закон.

Нике – обряд бракосочетания.

Оминь – благославляю.

Ордо – игра с выбиванием альчигов за круг.

Пиала – фарфоровая чаша

«Салам – Алик» – приветствие и ответ.

Салт – обычай.

Саяпкер – тренер скакунов.

Святой Хызыр (Кыдыр) – святой, оберегающий от бед.

Секетбай – любовная песня.

Суннат – обряд обрезания мальчиков.

Сурнай – флейта, дудка.

Суусар – куница.

Сыр-найза – крашеное копье.

Суююнчи – благая весть.

Тавак – деревянное блюдо.
Тай-ата – дед по матери.
Тайган – гончий пес кыргызской породы.
Там-там – боевой барабан.
Тебетей – круглый зимний головной убор.
Тенге – деньги.
Тенгир – всевышний.
Тентек – шалун.
Тердик – потник под седлом.
Тогуз коргоол – девять шариков, настольная игра.
Той – пир.
Токол – младшая жена.
Томпой – большой альчик.
Тон – шуба
Тор-ага – председатель.
Тошек – постель.
Туле – трапеза в честь какого-либо события.
Тулпар – сказочный скакун.
Тюмен – 10 тысяч
Тюндюк – дымоход юрты.

Укурук – жердь с петлей.
Умай-эне – святая мать.

Хан, кан – правитель рода.
Хан-сарай – ханский дворец.

Чанач – кожаный мешок для кумыса.
Чапан – халат.
Чачтак – серебрянные украшения на косах.
Чойчек – деревянная чашечка.
Чокмор – дубинка.
Чоро – боевой дружинник.
Чочок – половой орган младенца.
Чылбыр – поводок коня.
Шариат – обычай.
Шер – лев.
Ширдак – расшитый ковер из войлока.
Шуркуя – блудница, непутевая.

Эже – сестра.
Эжигей – молочное блюдо.
Элечек – женский головной убор.
Эмчек – грудь, сосок.
Эне – мать.
Энеке – мамочка.
Эр-сайыш – битва всадников на копьях.

СОДЕРЖАНИЕ

Г.Н. Хлыпенко. Русскоязычный «Манас» Мара Байджиева 5

МАНАС

Зачин.....	25
Разорение кыргызов Алооке-ханом.....	26
Рождение батыра.....	28
Детство Манаса.....	37
Победа Манаса над посланцами Эсенхана.....	41
Нападение Нескары.....	43
Избрание Манаса ханом.....	46
Встреча Манаса с Кошоем и Бакаем.....	47
Выступление в поход и победа над Текес-ханом.....	50
Любовь Манаса кыз-Сайкал.....	52
Сказ об освобождении Туркестана от китайских захватчиков.....	55
Возвращение кыргызов с Алтая на родину.....	59
Сказ о том, как хан Алооке, увидев Манаса, бежал из Ферганы.....	60
Сказ о том, как афганский хан-Шоорук потерпел от кыргызов поражение.....	62
Сказ о том, как Манас в обиде на отца покинул ханский трон и занялся земледелием.....	65
Сказ об Алмамбете.....	70
Сказ о том, как Алмамбет пришел к казахскому хану Кокчө.....	74
Сказ о том, как Алмамбет пришел к Манасу.....	78
Женитьба Манаса на Каныкей.....	79
Сказ о том, как родственник Манаса Козкаман хотел отравить его ядом ...	85
Поминки по хану Кокетею в долине Каркыра.....	87
Приглашение на поминки по Кокетею.....	92
Прибытие Манаса в Каркыру.....	94
Смотр скакунов.....	97

Стрельба по золотой жамбе	99
Борьба Кошоя с Жолоем	100
Поединок Манаса с Конурбаем	104
Завершение поминок по Кокетею	107
Заговор кыргызских ханов	110
Прибытие послов к Манасу	112
Великий поход на Китай	113
Назначение Алмамбета главнокомандующим	120
Ссора Чубака с Алмамбетом	124
В разведке	128
Начало битвы	131
Молитва Манаса	138
Гибель батыров	139
Возвращение из Великого похода	142
Завещание Манаса	146
Смерть Манаса	148

СЕМЕТЕЙ

Бегство Каныкей из Таласа в Бухару	152
Прощание Каныкей с Таласом	153
На пути в Бухару	155
Прибытие Каныкей в Бухару	156
Испытание скакуна Тайтору	157
Прибытие Семетея в Талас	161
Предательство дружины Кырк-чоро	167
Возвращение Семетея в Бухару	169
Военный совет в ставке Семетея	171
Поездка Бакая к Чынгожо	173
Хан Толтой решает взять в жены красавицу Ай-Чурек	176
Полет Ай-Чурек к Семетею	178
Как Семетей узнал об Ай-Чурек	181
Встреча Семетея с Ай-Чурек	185
Поражение и гибель Толтоя и Чынгожо	188

Поход Семетея против Конурбая.....	190
Поход Семетея на Китай и его ранение	193
Поход Конурбая на Талас	196
Сказ о том, как Уметей пошел войной на Семетея	199
Предательство Ханчоро.....	201
Гибель Семетея	204

СЕЙТЕК

Захват ханской власти предателем Ханчоро	208
Под властью Ханчоро	210
Сватовство и женитьба Кыяза на Ай-Чурек.....	212
Рождение Сейтека	214
Детство Сейтека	215
Встреча Сейтека с Гульчоро.....	216
Смерть Кыяза	219
Приезд Сейтека в Талас.....	220
Избрание Сейтека кыргызким ханом	221
Байджиев Мар Ташимович	224
Словарь	225

Художественная литература

Мар Байджиев

Сказания о Манасе, Семетее, Сейтеке

Поэтического переложение трилогии кыргызского эпоса "Манас"

(на русском языке)

Художественное оформление *Б. А. Куренкеев*

Редактор *Г. Н. Хлыпенко*

Дизайн обложки *Д. В. Лебедев*

Компьютерная верстка *Ш. М. Курманалиева*

Подписано в печать _____

Бумага офсетная. Формат бумаги 60x84 1/16.

Тираж 100 экз. Заказ _____

Отпечатано в типографии КРСУ

г. Бишкек, ул. Горького, 2